

Амурская областная научная библиотека
имени Н. Н. Муравьёва-Амурского

Отдел обслуживания

«ЗА СЧАСТЬЕ РОДИНЫ МОЕЙ...»:

**АМУРСКИЕ ПИСАТЕЛИ И ПОЭТЫ
О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ**

Информационно-библиографический обзор

Благовещенск, 2016

«За счастье Родины моей...» : амурские писатели и поэты о Великой
Отечеств. войне : информ.-библиогр. обзор / Амур. обл. науч. б-ка им.
Н. Н. Муравьева-Амурского ; сост. В. В. Соломенник. – Благовещенск,
2016. – 160 с.

Составитель: В. В. Соломенник
Ответственный за выпуск: Н. Г. Долгорук
Вёрстка и дизайн: М. И. Гнускова

©Амурская областная научная библиотека
имени Н.Н. Муравьева-Амурского

Содержание

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ	4
«ОПАЛЁННЫЕ ВОЙНОЙ...»: ПИСАТЕЛИ-ФРОНТОВИКИ	7
<i>Релина Н. В. : годы бед и побед</i>	7
<i>Терентьев А. Г. : такая доля</i>	24
<i>Повный С. П. : дойти до Берлина</i>	33
<i>Комаров П. С. : время бесстрашных</i>	44
<i>Головин А. А. : «окопная правда»</i>	64
<i>Овечкин К. С. : время, полное тревог</i>	69
«ДУМЫ НАШИ СВЯЗАНЫ С ВОЙНОЮ...»: ПИСАТЕЛИ, НЕ БЫВШИЕ НА ВОЙНЕ	82
<i>Фотьев Н. И. : мы остались за вас</i>	82
<i>Завальнюк Л. А. : то, что было помню</i>	86
<i>Иванов А. И. : детство наше военное</i>	92
<i>Маслов О. К. : сильнейшее впечатление детства</i>	96
<i>Ерёмин И. А. : судьба Родины и народа</i>	101
<i>Машук Б. А. : ради жизни на земле</i>	114
<i>Яганов В. А. : в горькой суеве военных лет</i>	130
<i>Игнатенко И. Д. : помните и верьте</i>	139
<i>Воронков А. А. : эхо прошедшей войны</i>	148
ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА	154

От составителя

*Пришёл тот первый день войны –
И будущего вдруг не стало
Для многих тысяч...*

*Рёв металла
Нарушил царство тишины.*

*А день тот чёрный, как и все
Дни лета, начинался рано.
Купались ландыши в росе,
Клубилось облако тумана.*

*Шли двое в травах босиком,
И пробовали птицы голос...*

*Но в ясном небе грянул гром,
И небо точно расколось.*

*Когда тот гром земли достиг,
Стократно осветив округу,
Не стало птиц*

*и тех двоих,
что шли, влюблённые, по лугу.*

В. Алюшин. 22 июня.

Война – это тяжелейшее испытание, трагический период в истории любого народа. Самой суровой, страшной по своим масштабам разрушений и жертв является Великая Отечественная война. Чем дальше уходит время трагических событий Второй мировой войны, тем величественнее предстаёт перед нами подвиг русского народа, спасшего от фашизма не только нашу страну, но и всю мировую цивилизацию. Сохранению исторической памяти о событиях тех лет способствуют не только архивы, памятники, документальные свидетельства участников войны, но и художественные произведения.

В годы Второй Мировой войны литература Дальнего Востока, как и вся отечественная литература, взяла на себя высокую гражданскую миссию. В своих лучших образцах она сумела передать гигантский размах событий, трагическую напряжённость военных лет, осмыслить значение всемирно-исторического подвига русского народа.

Многие дальневосточные литераторы воевали с оружием в руках на фронтах Великой Отечественной. Личный опыт фронтовой жизни при-

давал их произведениям убедительность документа. Те, кто остался в тылу, активно сотрудничали в партийной и военной печати Дальнего Востока, были военными корреспондентами ТАСС во время войны с Японией. Они шли на заводы, в колхозы, на важнейшие стройки, в воинские части, чтобы рассказать об этом на страницах периодической печати. Были и газетчиками, и лекторами, и политработниками.

К сожалению, Великая Отечественная война не была войной последней. Поэтому переживания, связанные с войнами, памятливы нам и сейчас. Люди не могут привыкнуть к смерти, к голоду, к потере близких людей, к тревоге за судьбу своих детей и своей страны. Эти чувства сохраняет и передает, прежде всего, литература. Это искусство и на фронте, и в тылу было необходимо. Уже на третий день войны была создана песня, ставшая символом единства народа в борьбе с врагом, – «Священная война» на стихи Василия Лебедева-Кумача.

75 лет отделяет нас от начала Великой Отечественной войны. Всё меньше остается ветеранов, которые могут как очевидцы и участники рассказать о том, чем была война для нашей страны и всего мира. О войне сегодняшнее поколение знает только по книгам, кинофильмам и рассказам фронтовиков. Каждый рассказ непосредственного участника тех далеких событий – бесценен и невозвратен. Правда опалённых войной лет может быть понятна только тем, кто её пережил. Книга даёт каждому новому поколению вспомнить, представить, понять, как трудно было в военные годы.

Данный материал сгруппирован в двух тематических разделах. В первом – ««Опалённые войной...»: писатели-фронтовики» – представлены писатели и поэты, принимавшие участие в боевых действиях на фронтах Великой Отечественной войны: Н. В. Релина, А. Г. Терентьев, С. П. Повный. А также в освободительном походе русской армии на территории Китая и Маньчжурии: П. С. Комаров, А. А. Головин, К. С. Овечкин.

Во второй раздел – ««Думы наши связаны с войною...»: писатели, не бывшие на войне» – включены писатели и поэты, чьё детство пришлось на военные и послевоенные годы: Н. И. Фотьев, Л. А. Завальнюк, А. И. Иванов, О. К. Маслов, И. А. Ерёмин, Б. А. Машук, В. А. Яганов, И. Д. Игнатенко, А. А. Воронов.

Персоналии авторов расположены в хронологическом порядке, согласно дате рождения. Литература в библиографических списках, сопровождающих каждую персоналию, сгруппирована в двух разделах: «Произведения писателя» и «Литература о жизни и творчестве писателя».

Безусловно, тема Великой отечественной войны в творчестве амурских авторов не исчерпывается представленным кругом писателей

и поэтов. В Разделе «Дополнительная литература» содержится информация о многих других амурских литераторах, так или иначе затрагивающих тему Второй Мировой войны.

Издание адресовано широкому кругу пользователей: библиотечным работникам, преподавателям, краеведам, учащимся, всем, кого интересует творчество амурских писателей и поэтов.

Сведения, предложенные в сборнике, могут быть использованы сотрудниками библиотек при организации книжных выставок, проведении обзоров, презентаций, для пополнения краеведческих фондов и выполнения справок.

Данное издание может служить информационно-справочным и библиографическим пособием при изучении творчества амурских авторов.

«ОПАЛЁННЫЕ ВОЙНОЙ...»: ПИСАТЕЛИ-ФРОНТОВИКИ

*Заслуг особых не припишешь мне.
Кого-то удивить могу едва ли.
Вот разве строки, строки о войне,
О той войне, когда мы мир спасали.
Мне кажется, они не пропадут,
Как плотно бы их время ни прикрыло.
Найдут те строчки люди и прочтут,
Задумаются: вот как это было.*
С. Тельканов

*Как помним мы,
так будут помнить нас...
С. Феоктистов*

*В солдатский строй,
В военные полки
Вступали наши земляки.*

Релина Нина Валериановна: годы бед и побед

*Мы из тех, кто в годы грозовые
Защитил от подлого врага
Родины просторы вековые,
Шум берёз и белые снега...
Н. Релина*

Нина Валериановна Релина – участница Великой Отечественной войны, поэт, журналист, член Союза писателей России (2009), почётный гражданин Благовещенска – родилась 18 апреля 1922 года в уральской рабочей слободе под названием Реж.

В 1941 году Нина Релина окончила 2 курс Свердловского горного института. Студенты находились на практике в посёлке Сухоложье, когда без объявления войны, нарушив пакт о ненападении, немецкие войска вторглись в пределы нашей Родины. Н. Релина в стихотворении «22 июня 1941 года» отразила это событие:

*Мы шли извилистой полоской суши,
Где было море или дно реки,
И образцы пород веков минувших,
Мы аккуратно клали в рюкзаки.*

*Вдруг голос, неестественный и звонкий,
Над головами, как удар хлыста:
«Война! Вы слышите, девчонки!»
И снова наступила темнота.*

.....
*В солдатский строй, в военные полки,
Вступали мы, студенты-горняки.*

И отправились молодые люди, а с ними и Нина Релина в военкоматы. Всем хотелось попасть на фронт. Нина с подругами атаковала райком комсомола с одной просьбой: отправить на фронт. Военкомат сдался перед её мольбой, медкомиссия обнаружила у девушки почти идеальный слух, она безоговорочно была определена в радистки и направлена на краткосрочные курсы радисток. Так, в 19 лет Нина стала курсантом школы радистов в городе Свердловске. Она успешно занималась, и её оставили инструктором в этой школе. Но девушка рвалась на фронт и поэтому стала «бомбить» начальника курсов рапортами с просьбой отправить её в действующую армию. Около месяца она была инструктором, а в декабре 1941 года в числе 17 девчонок-радисток Нина военным поездом прибыла в осаждённую фашистами Москву, в распоряжение 87-го отдельного полка связи войск противовоздушной обороны. Это событие воплотилось в строках:

*С детства, помню, мечтала
Я увидеть Москву,
Годы шли. Подростала.
Сбылся сон наяву.*

*Только радость той встречи
опалило войной,
Ослепило картечью,
Враг стоял под Москвой.*

Город был на осадном положении, всё было замаскировано: кремлёвские звёзды, площадь, на улицах стояли противотанковые установки, каждый вечер Москву бомбила вражеская авиация. Немцы видели в бинокли наши кремлёвские башни и собирались парадом пройти по

Красной площади, даже для этого специально привезли вагон наград для немецких солдат. Парад состоялся, но шли по Красной площади советские солдаты, которые прямо с площади уходили в бой.

Нина Релина держала связь Ставки Верховного главнокомандующего с фронтами: «Мы, радисты, работали глубоко под землёй, под станцией метро “Динамо”. Над нами шли поезда метрополитена, а мы принимали радиogramмы о налётах». Морзянка стала главной музыкой её юности. Порой часами приходилось вслушиваться в треск наушников, чтобы поймать нужный, важный сигнал.

О юных радистках генерал-полковник Н. Д. Псурцев одобрительно говорил: «Наши девушки особого склада. Они не только хорошие связисты, но и храбрые воины». Грозным врагом стала немецкая радиоразведка. В Берлине имелся центр радиопрослушивания. Ему подчинялись 8 радиополков, 6 из которых находились на советско-германском фронте. Но враг столкнулся здесь с определёнными трудностями. Взятый в плен немецкий солдат 4-го разведывательного полка показал на допросе, что русские радисты часто меняют радиоданные, применяют специальные пароли, работают на больших скоростях. Всё это затрудняло радиоперехват противника. А аппарат Бодо, который очень любил Сталин, фашисты вообще не могли прослушать.

Н. В. Релина вспоминает, что их рабочий кабинет представлял собой «маленький каземат», сырой и тёмный каменный мешок. «После 12-часового дежурства радистки выходили из подземелья, как полузадохнувшиеся рыбы, глотая воздух улицы». Передаваемые и принимаемые радиogramмы были зашифрованы в цифры. И корреспонденты наши тоже обозначены номерами. Только короткие радиogramмы, где давалось количество немецких самолётов, которые летят на Москву, они могли понять. Каждую цифру радиogramмы вылавливали, отстраиваясь от помех, меняя волну. Противник старался забить их голос.

«Дежурство закончено. Выходим из подземелья. Поезда метро идут. В столице спокойно. Москва живёт! Приходилось по очереди охранять радиостанцию. Тяжело стоять на посту. Уханье зениток, гул самолётов. Страшно. В шинельке и сапогах не очень-то уютно, а тьма-тьмушая. Ноги примерзают к сапогам. Небывало морозно», – пишет Н. Релина. Девушки не только сами охраняли свою радиостанцию с кинжалом на поясе, но и заготовливали дрова для «буржуйки», тренировались передавать на ключе и принимать на слух радиogramмы. «Помню, один раз ночью я ходила с этим кинжалом, и вдруг чьи-то шаги. Как я буду этим кинжалом защищаться от врага? Надо его как-то укараулить и кинуть в него кинжал. Вот такая храбрая мысль у меня возникла, а реально сде-

лать это было немыслимо. Я отошла в сторону и как крикну: «Кто там?» – А кто дежурит? – Слышу голос нашего командира. Вот так! И смешно, и страшно», – рассказывает Нина Валериановна.

В год 65-летия Победы Н. В. Релина направила в Москву на конкурс песню, характеризующую дни службы:

*Вы, девчонки, юности не знали,
Шла она не в модных каблуках.
Вы её под смертью прошагали
В кирзовых солдатских сапогах.*

И всё же с фотографий тех далёких лет на нас смотрит ясноглазая, улыбчивая, притягательная участница боёв под Москвой.

Н. Релина вспоминает: «Налёты вражеской авиации, воздушные тревоги, потери друзей – все тяготы солдатской военной службы пришлось испытать и нам, девчонкам». Но именно общие невзгоды, общие надежды на будущую счастливую жизнь сплотили юных радисток. Тема фронтовой дружбы звучит в стихотворении «Однополчанки» (1973):

*Но ветер дружбы нас, как прежде греет.
В какой бы ни была я стороне,
Я знаю: нет надёжней и вернее
Той дружбы, что родилась на войне!*

Нина Валериановна держала связь со Сталинградом, Грозным, Киевом. Был такой момент, когда Ставка потеряла связь со Сталинградом. Велись жестокие бои, и связь прервалась. «В дни Сталинградской битвы нам, трём радисткам 1 класса, дали приказ установить потерянную со Ставкой связь. Мы слушали, не снимая наушников ни на минуту, отбиваясь от помех, которые создавали трещотки и жужжали», – вспоминает Н. Релина. Девушкам дали позывные, строго наказали ни на одну секунду не отпускать ключ и вызывать корреспондента № 21. Кто этот № 21 – никто не знал. На 3–4-е сутки Нина услышала ответные позывные и доложила своему командиру. Он даже подпрыгнул и закричал: «Сталинград ответил!». А сколько было труда, чтобы принять радиogramму, мешали помехи. Нина по несколько раз просила повторить цифры: «Смените радиста, а 21-й предаёт – бомбят». До конца битвы связь была бесперебойной.

45 лет спустя Нину Валериановну пригласили на встречу радистов, обслуживающих Сталинградскую битву. Она встретилась с той девушкой, которая держала Сталинградскую связь с Москвой и с ней. И, конечно, две женщины рассказали друг другу, как, в каких условиях им

приходилось принимать и передавать радиogramмы:

*Тонок голос морзянки.
Тонок, словно струна.
Но в окопе, в землянке
Трель морзянки слышна.*

За установление связи со Сталинградом в апреле 1943 года Нину Релину и ещё двух радисток в торжественной обстановке перед строем впервые в полку наградили медалями «За боевые заслуги». Нина Валериановна признаётся: «Мы не ходили в атаку, мы её прошли с наушниками и с ключом, мы держали связь, которая должна быть бесперебойной».

*Нет, я не защищала Сталинград,
Я только слушала его дыханье.
Зима сорок второго. Я – солдат.
Начальник связи мне даёт задание:*

*Со Сталинградом связь оборвалась.
А враг лютует, прёт без остановки.
Приказ Москвы: установите связь
И передайте, вот шифровки.*

.....
*Нет, я не защищала Сталинград,
Но мы сердцами были рядом.
И для меня дороже всех наград
Медаль... За связь со Сталинградом.*

Так и шла группа молоденьких радисток вслед за войсками, оружием, и прикрытием которых были только приёмник, наушники и ключ. Девушки принимали радиogramмы от постов воздушного наблюдения о налётах вражеских истребителей, передавали шифровку в штаб противовоздушной обороны, чтобы подняли самолёты, чтобы зенитные орудия встретили врага, как положено. Они знали своё дело, понимали, что такие же ребята-ровесники идут в атаки, гибнут, остаются навеки двадцатилетними. Иной раз спать приходилось просто на соломе под открытым небом, зимой обмораживать лицо и руки. Шагать по Брянским лесам, видеть практически стёртую с лица земли Белоруссию, переживать гибель родных, близких, друзей, любимых...

Радист первого класса, помощник командира взвода 87-го отдельного полка связи Нина Валерьевна прошла Смоленщину, Белоруссию, добралась до Прибалтики. Остановившись в 1944 году под Вильнюсом,

они держали связь с Москвой, со Ставкой Верховного главнокомандующего, штабом ПВО. Победа витала в воздухе. Долгожданную весть Нина Релина встретила на боевом дежурстве. В 01:30 ночи голос Левитана возвестил о полной и безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Всю ночь на 9 мая победного 1945 года принимала она последние радиogramмы. Не потому ли за Ниной Валерьевной прочно закрепилось имя «Морзянка Победы»?

Нина вместе с фронтовыми подругами мужественно переносила тяготы военного лихолетья. Делилась последним куском хлеба, спала под одной шинелью с девчонками-радиистками, смеялась, мечтала и плакала так, чтобы никто не видел её слёз. Нину считали весёлой, смелой, да ещё пишущей стихи, подруной.

Великая Отечественная война – важнейшая тема Нины Валериановны. В описаниях перенесённых Родиной невзгод у Релиной неизменно сохраняется чувство сопричастности, единства в преодолении выпавших испытаний:

*Мы из тех, кто в годы грозовые
Защитил от подлого врага
Родины просторы вековые,
Шум берёз и белые снега.*

Местоимение «мы» в стихотворениях Н. В. Релиной является формой обращения к фронтовым товарищам, однополчанам:

*Снаряды ухали, дрожали окна в хате,
А мы, девчонки, с нежною душой,
Тайком мечтали о гражданском платье
И о любви красивой и большой.*

.....
*Мы пели песни, слушали стихи,
Надеялись – любовь сильнее смерти,
Но уходили наши женихи,
Любви не испытавшие, в бессмертье.*

В стихотворении «Кровный брат» тема фронтового братства сливается с темой национализма как преграды искренней дружбы:

*Когда под свист и вой шальных снарядов
Вгрызались мы в сухую твердь земли,*

*Ты не спросил, кто был с тобою рядом.
Потом в атаку вместе мы пошли.*

.....
*Шагали мы в победный сорок пятый
Сквозь смерть и грязь, сквозь дым пороховой.
И стал мне единокровным братом.
И поклялись мы дружбой фронтовой.*

.....
*И вот однажды я к тебе приехал.
Как предстоящей встрече я был рад!
Но между нами словно чёрт проехал,
Мы встретились у разных баррикад.*

*Как пропасть пролегла меж нами?
Как нам с тобой её преодолеть?
Чеченец ты, я русский россиянин.
И что же? Кто-то должен умереть?*

*Нет, не дадим мы дружбу фронтовую
На поруганье недругам своим.
Её, как мать, как Родину святую,
Мы для потомков наших сохраним.*

В стихотворениях о войне Нина Релина описывает суровые, полные драматизма будни. Так, в стихотворении «Солдат» автор описывает рядовой случай в условиях войны – ранение санитарки:

*Он час назад ходил в атаку.
И вот сидел и отдыхал.
И вспоминал родную хату,
А может, немца вспоминал.*

.....
*И было много солнца, света.
Была весенняя пора.
Вдруг пронеслось, как шепот ветра:
«Ребята, ранена сестра!».*

.....
*Он час назад ходил в атаку.
Девчонку он не знал.
А тут, прижавшись к автомату.
Он, не стесняясь, зарыдал.*

Случай быть может и рядовой, но даже привычным ко всему солдатам не под силу смириться с трагедией войны.

Нина Релина пишет не только о тех, кто воевал, но и о тех, кто ждал их возвращения. Так, в стихотворении «Мать» рассказана история матери, отправившей на войну шесть своих сыновей, а встретившей только троих:

*Шесть раз на станцию ходила мать
Сынов своих на битву провожать.
Лишился дом в те дни шести колонн,
Но не упал, но удержался он.
А потому он продолжал стоять –
Своим теплом его держала мать.*

.....
*Лишь с фотографий улыбались ей
Все шесть живых, красивых сыновей.
...Для матери не кончилась война.
О ней напоминает седина,
Что в зеркале утрами видит мать,
Она живёт в сынке, что тицится встать,
И в голосах погибших сыновей,
Что по ночам звучат и снятся ей.*

В 2013 году вышла в свет книга-воспоминание «Молодость военная моя», позволяющая через дневниковые записи и письма взглянуть на войну изнутри, глазами простых солдат, творивших победу. «Прежде, чем написать эту книгу, я её прожила. Всё, что здесь написано, – то, что происходило со мной в годы войны», – говорит Нина Валериановна.

«Молодость военная моя» – не художественное произведение. Здесь нет ни придуманных эпизодов, ни вымышленных героев. В основе книги – личные документы: письма, дневниковые записи, многочисленные фотографии, в основном, военных лет. Но рассказывают они не о боевых подвигах наших солдат и не о кровопролитных сражениях. Воспоминания Н. Релиной – о жизни. Той, что осталась за порогом войны и той, что началась в июне 1941-го, о жизни вопреки.

Переписка между двумя незнакомыми людьми завязалась случайно. Танкисту Первой гвардейской танковой армии Михаилу Балаганскому Нина Релина написала по просьбе однополчанки. Красивая голубоглазая сибирячка Ольга Шемчук в канун нового 1943 года на дежурстве предложила: «Нина, а напиши письмо нашему Мишке. У меня родная сестра Мария замужем за Петром Балаганским, а Миша его брат. Он, как Пётр, на фронте. Девушки у него нет. Ты знаешь, он до войны не

успел даже с девчонкой познакомиться. А человеку же очень важно, что бы его кто-то ждал. А ты ведь можешь написать хорошее письмо. Солдату, да ещё перед Новым годом, будет приятно». Нина согласилась: «А почему бы и нет». Тогда многие из девчат имели заочных друзей.

Через некоторое время пришёл ответ. 21-летний парень рассказал, что он родом из Сибири, из Новосибирской области, война застала, когда служил в армии на западе страны. «Биографии у меня ещё нет. Перед войной ушёл в армию. А дальнейшая биография – это биография всего моего поколения», – отметил Михаил. Своё первое письмо он закончил трогательной, немного робкой просьбой: «Откровенно говоря, Нина, соскучился. Ведь полтора года война, из них полгода провёл в глубоком тылу у противника. Хочется, Нина, иметь друга, с которым бы можно поделиться мнениями. Ниночка, так будь же ты моим первым и, возможно, последним другом в эти дни войны, суровой и беспощадной».

Девушку поразил не только каллиграфический почерк молодого танкиста, но и его грамотность и интеллектуальность. Нина Валериановна вспоминает: «Понимали друг друга с полуслова. Он просил больше рассказывать про театр, кино, а я отправляла ему свои стихи. Как-то написал, что ему мои стихи нравятся, а ребята даже завидуют, что у него такая девушка». Прочитируем несколько строк, которые юная поэтесса отправила своему любимому танкисту:

*Я встречи жду. И часто образ твой
Сияет в золоте вечернего заката.
Я жду тебя, мой воин дорогой,
Хоть рядом бой, гремят
Войны раскаты.
Дождусь. Я знаю, что дождусь.
А в смерть не верю. Да и вы не верьте.
Давно, родной, я знаю наизусть:
Любовь сильнее смерти.*

В какой-то момент в письмах появились слова любви: «Он мне всё время в любви признавался. Я тоже начала ждать его письма, беспокоилась, когда солдатских треугольников не было. Поняла, что тоже влюбилась. Мечтали с Михаилом о встрече».

В коротеньких посланиях, написанных между боями, танкист рассказывал о себе и военных буднях: «Самое тяжёлое для меня было лето 1941 года, до 13 декабря я находился в глубоком тылу у противника, в партизанском отряде, а ты сама понимаешь, приходилось иногда трудновато. Особенно когда меня ранило. Ведь с 1 по 22 сентября я лежал

совершенно один в каком-то давно покинутом сарае, под сеном... Ты, представь, Нина, мне носила кушать одна женщина из деревни. Она приходила ко мне только ночью. И на протяжении целой недели я её не видел в лицо». Позже Михаил узнал, что женщин, выходявших раненого советского танкиста, расстреляли фашисты, а деревню сожгли.

«Ты не представляешь мою радость, когда я получаю твои письма!», – восклицал танкист в письмах к Нине. Почти каждый раз в них появлялись фразы: «только вышли из боя», «был жестокий бой», «завтра идём в атаку». Нина в ответ просила друга беречь себя. «Я в бою не могу быть последним, – отвечал Михаил. – Я – комсорг, я – коммунист, я должен быть впереди».

Судьба несколько раз сводила влюблённых почти вплотную – друг от друга их отделяло несколько сот километров, но встретиться им так и не пришлось.

Получив от любимой девушки одновременно девять писем (они где-то задержались), Балаганский тут же отвечает: «Нинка, здравствуй! Скажи, что делать? А именно сегодня я получил от тебя сразу девять писем. Только я зря обижался на тебя, дорогая моя. Вот сейчас сел отвечать под звуки вальса. Понимаешь, принесли гармошку и начали играть. Сегодня, Нина, я счастлив, не знаю как! Пишу пока есть время. Дело в том, что с часу на час мы должны всей стальной лавиной обрушиться на врага. Пусть наша победа, в которой будет хоть частичка и твоего труда, будет ответом на твои письма и на твою любовь.

Эх! Нинка! Знаешь, какое у меня настроение приподнятое! Ведь пишу под музыку! Ведь для тебя я сейчас готов сделать все, что только может человек. Да, я верю тебе, как никогда и никому, и знаю, что не обманусь. Да, Нинка, я просто начинаю расходиться. Поверь, как можно быть равнодушным в такой момент, когда перед тобой лежит девять писем от девушки, для которой ты готов отдать все. Девять писем, которые дышат любовью и лаской, в которых нет постороннего слова, сказанного не из глубины души. Так ведь, Нинка?!».

«17 июля 1943 года. Ниночка, если тебя интересует день моего рождения, могу сообщить. 16 ноября 1921 года. Вот видишь, какой я уже старый. Уже 22 года. Ты не смейся, несколько дней назад подстригался и ребята у меня уже нашли белые волосы. Да милая, года идут, и война уносит с собой самое наилучшее».

В последних письмах и открытках, Михаил спрашивал, почему от Нины так давно нет письма – военная почта работала нестабильно. «Здравствуй, Ниночка! С приветом Михаил! Нина, пишу из Германии. Почему нет от тебя писем? Новостей много, писать очень некогда. Сей-

час идем в атаку, вглубь страны. Ну, Ниночка, быстрее пиши. Целую, Михаил. 28 января 1945 г.».

13 апреля 1945 года, когда сам воздух был наполнен ощущением близкой победы, Нине Релиной передали конверт с номером полевой почты от незнакомой девушки Ани Сидоровой: «Уважаемая Нина! Сегодня на имя Балаганского Михаила от Вас пришло три письма. Но жаль его! Он погиб. 11.03.1945 года его похоронили в Германии. Он сгорел в танке под Гдыней, останки его захоронены под Нейштадтом. Служили мы вместе, он был у нас комсоргом, и память о нём будет храниться у всех бойцов нашей части, как о наилучшем друге».

15 апреля в дневнике Нины появилась запись: «Боже мой, солнце перестало светить... Кажется, всё, что было самое светлое в сердце, все мечты, все надежды оборвались вместе с этим словом – Мишка. Нет больше моего друга – погиб 11 марта 1945 года, сгорел, его останки похоронены... Как просто это пишется, как мало надо бумаги, чтобы написать эти несколько слов. Но как много нужно сил, чтобы принять это, сдержать себя, чтобы не плакать. Нет, я никогда не смогу забыть ни этого дня, ни это письмо, которые принесли страшную весть».

Нина Валериановна считает книгу «Молодость военная моя» её долгом пред Михаилом: «Сразу после войны я переписывалась с его мамой. Как оказалось, она получила извещение о гибели Михаила 9 мая 1945 года, когда все ликовали и радовались победе. Я сейчас не теряю связи с родственниками моего Миши».

«Письма и дневники всю жизнь со мной были, в голове всегда, – рассказала Нина Релина. – Я всегда думала, что надо написать, и только в конце моей творческой биографии я капитально села за это».

В предисловии к книге воспоминаний писатель особо подчёркивает её «невывышенность»: это восстановленные дневниковые записи, которые в течение четырёх военных лет вела Релина, а также письма танкиста Михаила Балаганского автору. В пожелтевших треугольниках – их так и не случившаяся встреча с любимой девушкой, полная надежд и чистоты юношеская любовь и вся жизнь молодого солдата, которому не суждено было дожить до Победы.

«Полуистлевшие, полные убористого почерка и несбывшихся надежд письма солдата войны, которую история назвала Великой и Отечественной. Эти письма и сегодня першат шершавым комом горечи за того сгоревшего в огне войны паренька, за то героическое поколение, благодаря которому мир спасенный живет и радуется жизни», – пишет амурский журналист А. Ярошенко.

Нина Валериановна по сей день переписывается с племянницей сгоревшего в танке Миши Балаганова, с его школой. Недавно к ней в Бла-

говещенск из Москвы прилетала его внучатая племянница. Прилетала, чтобы посмотреть в глаза и обнять женщину, которая сумела так любить и так помнить.

Книга Нины Валериановны Релиной «Молодость военная моя» призвана напомнить каждому, и особенно молодому поколению, о той страшной трагедии, которая выпала на долю советского народа и народов Европы. О трагедии, которая никогда не должна повториться. Нина Валериановна своей книгой-воспоминаний убеждает, что дружба, любовь, верность были и тогда, когда шли бои, когда рядом ходила смерть, и цена этим вечным чувствам была очень высока.

В 2015 году вышел в свет сборник очерков об участниках Великой Отечественной «Эхо войны», написанные Ниной Релиной в разные годы. В основу легли дружеские беседы с ветеранами и их потомками, свидетельства бывших солдат, скрупулезно собранные автором, личные впечатления от поездок по местам боевых действий. Сборник очерков «Эхо войны» стал седьмой по счету опубликованной книгой Нины Релиной. Тираж книги составил 500 экземпляров.

Как признается Нина Валериановна, ей было важно не только восстановить факты прошлого, но и сохранить их для будущих поколений. «Почти 30 лет я проработала в газетах, и все эти годы профессия сводила меня с участниками Великой Отечественной войны. Я писала о них очерки: часть их была опубликована, а часть осталась в моих записных книжках. Но поскольку газета имеет короткий срок жизни, я решила объединить все очерки и создать о героях войны более памятную вещь – книгу», – рассказала Нина Релина.

С каждым именем, отраженным на страницах книги, у автора связано свое воспоминание. Одних героев взяла из газетных очерков, кто-то ждал своего часа в стареньком блокноте, прошедшем вместе с Ниной Релиной всю войну. Собрать их воедино заставила встреча со школьниками. «Когда выступала в благовещенских школах, столкнулась с тем, что ребята абсолютно не знают героев войны. Им не знакомы подвиги ни Зои Космодемьянской, ни Александра Покрышкина, в лучшем случае они называют только фамилию Жукова. наших амурских героев не помнят совсем. Живут на улице Василенко и Воронкова, а в честь кого названы эти улицы, не знают», – рассказывает Нина Релина. В основу книги легли дружеские беседы Нины Релиной с ветеранами и их потомками, свидетельства бывших солдат, скрупулезно собранные автором, личные впечатления от поездок по местам боевых действий.

Большинство героев книги «Эхо войны» – жители амурской столицы, ушедшие отсюда на фронт, а также другие ветераны-

дальневосточники. Из сборника очерков можно узнать историю знаменитой «ночной ведьмы» Нины Распоповой, получившей звание Героя Советского Союза; миномётчика и связиста Георгия Груздева – участника парада Победы на Красной площади в июне 1945 года; артиллериста Фёдора Чихмана, одной рукой подбившего фашистский танк на легендарном Бородинском поле. Есть в книге история известного снайпера Григория Мурая, который был награждён четырьмя орденами Славы.

В книге в подробностях передан исторический эпизод, связанный с пленением императора Маньчжоу-Го Пу И. В этих событиях довелось поучаствовать амурчанину Никите Кострюкову, в совершенстве владевшему японским языком. По поручению командования майор несколько раз разговаривал с императором. Во время этих допросов Кострюков вёл себя настолько достойно, что японцы даже прозвали его Никита-сан.

Отдельные разделы книги посвящены женщинам-фронтовикам, героям Гражданской войны, а также тем, кто совершил подвиги уже в мирное время: врачу антарктической станции, лётчикам, космонавтам и многим другим.

«Хочется, чтобы новые поколения знали и помнили тех, в ком испытания высветили лучшие человеческие качества. Эти люди достойны нашей памяти», – уверена Нина Релина.

Историк Владимир Бунин признался, что прочёл книгу от корки до корки и проникся к её героям особым чувством: «К фронтовикам я всегда относился с глубоким трепетом. Потеряв на войне отца, про каждого ветерана я думал: а вдруг он воевал рядом с моим отцом и сможет мне что-то рассказать? После войны я бегал по улицам, хулиганил, ко многому был настроен агрессивно. Но, к счастью вокруг меня были люди, которые выстояли в войне, спасли для нас Родину, а в мирное время спасли для Родины нас. Я помню своего соседа-фронтовика без ноги, который на мои шалости говорил: “Твой отец бы этого не одобрил”. И это действовало на меня. Когда я читал книгу, сердце моё билось учащённо, потому что многих из её героев я знал лично. Я встречался и с Земских, и с Василенко, и с Распоповой, близко знал Фёдора Чихмана, который стал мне вторым отцом. И больше всего меня поражало, что война не озлобила их: ненависть к врагу помогла им победить и сразу ушла из их сердец».

Нина Валериановна Релина сегодня, пожалуй, осталась единственным писателем в нашем регионе, прошедшим дорогами Великой Отечественной войны. Своими произведениями она несёт правду о войне и о мире, передаёт дух эпохи, её поколения. В стихотворении «По следам войны» Н. В. Релина обращается к прошлому:

*Я сошла на малюсенькой станции,
Где в суровый и памятный год
Нас, девчонок, и радиостанцию
Называли «отдельный взвод».*

.....
*Где-то тут вот была батарея,
Там – окопы, а там – блиндажи.
Но навстречу сады зеленеют,
Поднимаются вверх этажи.*

*Нет, не надо искать то, что было,
Пусть останется память одна.
Это значит – страна залечила
Раны, что наносила война.*

Нина Валериановна Релина удостоена ордена Отечественной войны 2-й степени, медалей «За оборону Москвы», «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1954 годов», двумя знаками «Отличный связист», награждена серебряной и золотой медалями Фонда мира и многими юбилейными медалями.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ Н. В. РЕЛИНОЙ

Калейдоскоп : стихи. – Благовещенск : Изд-во ДальГАУ, 2011. – 162 с.
Молодость военная моя : воспоминания. – Благовещенск : Приамурье, 2013. – 414 с.

Поёт моя душа... : песни – Благовещенск : [б. и.], 2013. – 208 с.

Преодоление : сб. стихов. – Благовещенск : [б. и.], 2004. – 158 с.

Признание в любви : стихи и песни. – Благовещенск : РИО, 1998. – 64 с.

Эхо войны : очерки, встречи, воспоминания, библиогр., письма, публицистика. – Благовещенск : [б.и], 2015. – 368 с.

ИЗ ПУБЛИКАЦИЙ В ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ И СБОРНИКАХ

Вам, павшие ; Нет, я не защищала Сталинград... ; Однополчанки ; По следам войны ; Седые ветераны ; Солдат ; Шинель : стихи // Годы грозные : стихи к 60-летию Победы. – Благовещенск : Буквица, 2005. – С. 62–67.

Вдохновитель и организатор Победы : очерк // Я люблю эту землю... : сб. для семейного чтения / гл. ред. Г. И. Лысова. – Благовещенск : Деловое Приамурье, 2015. – Вып. 3. – С. 117–120.

9 мая 1945 года : стихи // Амур. дилижанс. – 2012. – 10 мая (№ 19). – С. 5.

Здесь моя пристань... : [Н. Релина о себе] // Релина, Н. В. Признание в любви : стихи и песни. – Благовещенск : РИО, 1998. – С. 3–5.

Когда под свист и вой шальных снарядов... ; Мать ; Кровный брат ; Атака (рассказ пехотинца) ; Седые ветераны : стихи // Проспект Пушкина. – 2003. – 29 окт. – С. 9.

Мише, моему другу ; Кажется, времени – целая вечность... ; Хороши августовские дни... ; Родина ; Земля отцов : стихи // Я люблю эту землю... : сб. для семейного чтения. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2013. – Вып. 2. – С. 205–212.

Молодость военная моя (Записная книжка № 24) ; Стихи // Приамурье-2010 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск : РИО, 2010. – № 9 (27). – С. 10–29.

Наша Победа : стихи // Амур. дилижанс. – 2005. – 4 мая. – С. 12.

Наша победа ; Уходят ветераны : стихи // Проспект Пушкина. – 2004. – 7 мая. – С. 3.

Нет, я не защищала Сталинград ; С Ленинграда снята блокада ; Мне всего двадцать три : стихи // Приамурье-2012 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск : РИО, 2012. – № 10 (28). – С. 13–22.

Общая беда : стихи // Приамурье-2012 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск : РИО, 2013. – № 11 (29). – С. 110–112.

Осаждённая, но не сломленная Москва : отр. из кн. воспоминаний «Молодость военная моя» // Приамурье-2012 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск : РИО, 2012. – № 10 (28). – С. 23–30.

Седые ветераны : стихи // Амур. правда. – 2003. – 21 июня. – С. 5.

Такое нельзя забыть : очерк // Амур. правда. – 2002. – 26 янв. – С. 10.

Цветок войны : стихи // Земля и люди. – 2002. – 26 янв. – С. 3.

Цветок войны : стихи // Приамурье-2001 : альм. : лит.-художеств. альм. – Благовещенск : РИО, 2001. – № 5 (23). – С. 48–50.

Эх, дороги... : очерк // Приамурье-2015 : альм. : лит.-художеств. изд. – Благовещенск : РИО, 2015. – № 13 (31). – С. 45–49.

Юность в шинели : из кн. Н. Релиной «Молодость моя» // Моя Мадонна. – 2013. – 8 мая (№ 18). – С. 4–5.

Я слушала дыхание Сталинграда : [воспоминания участницы войны Н. Релиной о Сталинграде] // Амур. правда. – 2003. – 1 янв. – С. 10.

ЛИТЕРАТУРА ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ Н. В. РЕЛИНОЙ

В Благовещенске презентовали книгу об отважных земляках [электронный ресурс] : [о кн. «Эхо войны». – Режим доступа: <http://xn-b1acd3balk.xn-plai>].

В День Героев Отечества книгу Нины Релиной «Эхо войны» передадут во все библиотеки города [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://blagoveshensk.monavista.ru>.

Васюкова, И. Он хотел, чтобы я называла его Мишкой : [о кн. Н. Релиной «Молодость военная моя»] / И. Васюкова // Телеобъектив. – 2013. – 11 апр. (№ 15). – С. 12.

Волкова, И. [О книге воспоминаний Н. В. Релиной «Молодость военная моя»] / И. Волкова // Моя Мадонна. – 2013. – 8 мая (№ 18). – С. 4.

Воронков, А. Связь времён : [о стихах Н. Релиной] / А. Воронков // Релина Н. Калейдоскоп : стихи. – Благовещенск : Изд-во ДальГАУ, 2011. – С. 5–6.

Головина, М. Компас для поколений : [о сб. очерков Н. Релиной «Эхо войны»] / М. Головина // Благовещенск. – 2015. – 4 дек. (№ 47). – С. 3.

Издана книга Нины Релиной : [о презентации кн. «Молодость военная моя» Н. Релиной в Амур. обл. науч. б-ке] // Благовещенск. – 2013. – 29 марта (№ 12). – С. 4.

Клементьев, И. Нина Релина. Любовь, опаленная войной : [о презентации кн. «Молодость военная моя» Н. Релиной] / И. Клементьев // Коммунисты Амура. – 2013. – 23 апр. – 15 мая (№ 2). – С. 7.

Козырин, А. Депутаты помогли Нине Релиной издать книгу о войне : [о презентации кн. «Молодость военная моя» Н. Релиной в Амур. обл. науч. б-ке] / А. Козырин // Комсом. правда. – 2013. – 5 апр. – С. 5.

Крепкие как сталь : [об амурчанах-участниках Сталинград. битвы М. А. Орлове, А. П. Бурлове, С. Г. Бугрименко, Н. В. Релиной] / подгот. А. Соколова // Благовещенск. – 2013. – 1 февр. (№ 4). – С. 12.

Московская, Н. Желанная гостя. Нина Релина / Н. Московская // Я люблю эту землю... : сб. для семейного чтения. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2013. – Вып. 2. – С. 203–204.

Назарова, И. С. [о кн. воспоминаний Н. В. Релиной «Молодость военная моя»] / И. С. Назарова // Амур : лит.-художеств. альм. – 2014. – № 13. – С. 60–61. – (Книжная лавка).

Нина Релина // Игнатенко И. Неумолкающее эхо : амур. поэты о Великой Отечеств. войне : очерк / И. Игнатенко // Приамурье-2015 : альм. : лит.-художеств. изд. – Благовещенск : РИО, 2015. – № 13 (31). – С. 13–14.

Нина Релина // Я люблю эту землю... : сб. для семейного чтения / гл. ред. Г. И. Лысова. – Благовещенск : Деловое Приамурье, 2015. – Вып. 3. – С. 117.

Оробий, С. П. Релина Нина Валериановна : [биогр. справка и список лит.] / С. П. Оробий // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XX веков / сост., ред., вступ. ст. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2013. – С. 319–320.

Поливан, Р. Летопись военного времени : [о сб. очерков «Эхо войны» Н. Релиной] / Р. Поливан // Благовещенск. – 2015. – 4 дек. (№ 47). – С. 6.

Поливан, Р. Лирика, пришедшая с войны : [об амур. писателе Н. Релиной] / Р. Поливан // Благовещенск. – 2015. – 15 мая. (№ 19). – С. 6.

Радистка Нина : [о воен. пути Н. В. Релиной] // И Жизнь, и Память, и Любовь. – Благовещенск : Открытое сердце, 2015. – С. 21–23.

Солдат + радистка = любовь : [о писателе Н. Релиной и её кн. «Молодость военная моя»] / подгот. Ю. Власова // Аргументы и факты. – 2013. – 8–14 мая (№ 19). – Прил.: с. 16. (АиФ – Благовещенск).

Фадеева, Н. Жизнь длиною в 126 писем : [о кн. «Молодость военная моя» Н. Релиной] / Н. Фадеева // Амур. правда. – 2013. – 24 дек. – С. 5.

Фронтовики : [информ. и фото об участниках Великой Отечеств. войны Н. В. Релиной] // Попутчик. – 2012. – 8 мая (№ 33). – С. 4–5.

Холстина, Х. Вдаль уходят песни недопетой женщины – участницы войны / Х. Холстина // Земля Подольска. – 2013. – 21 февр. – С. 8.

Ярошенко, А. «Нинке от Михаила» : 24-летний танкист написал 125 писем любимой, которую он так и не увидел : [о кн. Н. Релиной «Молодость военная моя»] / А. Ярошенко // Рос. газета. – 2014. – 19–25 июня. – С. 12.

Ярошенко, А. Кардиограмма военного времени : [о кн. Н. Релиной «Молодость военная моя»] / А. Ярошенко // Рос. газ. – 2013. – 28 февр. – С. 12.

Ярошенко, А. Морзянка Победы : [об участнице Великой Отечеств. войны, почет. гражданине г. Благовещенска, авт. гимна Благовещенска Н. Релиной] / А. Ярошенко // Рос. газ. – 2010. – 29 апр. – 5 мая. – С. 14.

Терентьев Андрей Григорьевич: такая доля

Андрей Григорьевич Терентьев (30.08.1922–05.01.2006) родился в городе Березники Пермской области. В 1940 году, после окончания десяти классов, был призван в армию, служил в Уральском округе. Отсюда с началом войны попал на фронт. На фотографиях той поры Терентьев удивительно похож на знаменитого артиста кино Леонида Быкова, когда тот играл в фильме «В бой идут одни старики»: те же кудри, озорной открытый взгляд и внешняя хрупкость.

Ратный путь Андрея Григорьевича Терентьева был длинным и трудным. Первый свой бой он принял в августе 1941-го года под Даугавпилсом. У немцев было огромное превосходство в технике. И в этом первом бою был ранен. Попал в госпиталь города Иванова. После госпиталя воевал минометчиком лыжного батальона. «Было очень трудно, миномет весил больше шестидесяти килограммов. Спать приходилось урывками на ветках, постеленных прямо на снег. Часто попадали под бомбежки немецкой авиации и артиллерии», – признавался А.Г. Терентьев.

Второе ранение получил во время штыковой атаки. Вспоминая о войне, Терентьев рассказывал: «За войну мне дважды приходилось участвовать в штыковых атаках. И оба раза они были неоправданными, являлись результатом головоуятия наших командиров. Первая случилась в Калининской области. Боевые действия происходили в лесистой местности, на краю оврага. По цепи передали команду: “Сосредоточиться на краю оврага для штыковой атаки”. По приказу рота ринулась вниз по склону оврага. Противник встретил нас шквальным огнем в упор. Мало кто уцелел из наших бойцов после той штыковой. Также трагично могла бы для нас закончиться и вторая штыковая атака. Но на этот раз нас подстраховали пулеметчики».

В 1943-м году, в разгар войны, Андрей Григорьевич окончил в Москве артиллерийское училище. Ему было присвоено звание лейтенанта. В дальнейшем он – командир батареи тяжелых минометов, командир батареи гвардейских «катюш». Воевал под Сталинградом, на Центральном, Белорусском, Прибалтийском фронтах. Особенно запомнилась Терентьеву «мясорубка» Сталинградской битвы, навсегда в его памяти осталась картина разрушенного города и бесконечные колонны пленных немцев. Андрей Григорьевич – участник штурма и взятия Берлина. Последний залп его батареи был по фашистскому рейхстагу.

Закончил войну в сентябре 1945 года на Дальнем Востоке, Маньчжурии, в звании гвардии старшего лейтенанта. За свои ратные подвиги он был награждён: орденами Красной звезды Отечественной войны первой и второй степени, редчайшим орденом среди фронтовых наград – орденом Александра Невского, многочисленными медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», в том числе – «За победу над Германией», «За победу над Японией». Шинель офицера Андрея Григорьевич снял в 1946 году.

В 1953 году в Пермском книжном издательстве вышла «Повесть о солдатской дружбе», в которой Терентьев рассказал о своих фронтовых друзьях.

В Хабаровском книжном издательстве в 1988 году был выпущен сборник рассказов «Такая доля...». В рассказах изображены суровые, полные драматизма будни солдат и офицеров на передовой. Терентьев описывает экстраординарные случаи, ставшие обыденными на войне: один из боёв, в который вместились и тяжелейшие ранения, и смерть в сгоревшем танке, и гибель друга, и пленение эсэсовца, и предательство разведчика (рассказ «И ещё один день...»); мытарства раненого солдата, отставшего от своих и гибнущего при спасении русской женщины (рассказ «Такая доля...»).

Главная тема сборника «Такая доля...» – суровые, полные драматизма будни солдат и офицеров на передовой линии фронта Великой Отечественной войны. Открывается книга «Такая доля...» одноименным рассказом, героем которого является Михаил Грачёв – молодой необстрелянный солдат, не провоевавший и месяца. Первая же поездка на трехтонном ЗИСе стала для него последней. Наши войска отступали, фашистские захватчики шли по русской земле уверенно и бодро.

Михаил попал в окружение и в течение недели пытался в одиночку пробиться к своим, но повсюду были немцы. Он голодал, запуганные фашистами жители окрестных деревень не отзывались на стук солдата. Но автор не берет на себя смелость осуждать их действие, хотя герой был оскорблен таким неприемом. «Михаил вернулся в лес. Обида глушила его. Свои люди наглухо закрылись перед ним. Такого он не ожидал. Их осторожность казалась Михаилу скупостью: под любым предлогом отказать голодному в куске хлеба. Михаил еще мало пожил на свете. Ему самому еще не доводилось испытывать парализующий страх за своих близких».

Терентьев очень подробно и достоверно описывает недельное блуждание по лесу русского солдата, отбившегося от своих и пытающегося их догнать. На долю Михаила Грачева выпало большое количество испытаний как физических, так и моральных. Сначала он винил себя

в том, что не обстрелял колонну немцев. «Конечно, дерево не броня, но ведь и солдатня в кузовах автомашин тоже не из брони, а как и он сам — из мяса и костей. Так чего же он не стал стрелять? Что-то самому себе непонятно...?». Но сомневался он не долго: «Раз к немцам с поднятыми руками выходить не собираешься, то нечего и голову забивать разными сомнениями: силы у него есть, а запросто так пропадать не собирается. От места выстрела уходил широким шагом человека, окрепнувшего в своей вере».

Писатель на протяжении нескольких страниц описывает муки и страдания раненного осколком гранаты Михаила. «В первые часы после ранения осколок почти не чувствовался. Но ходьба расшатала его. Он зашевелился, стал рвать живую ткань. Боль теперь уже незатухающим огнем полыхала в бедре». Достигнув предела терпения, Михаил решил на самооперацию. Описание действий солдата по извлечению осколка из бедра в лесных условиях очень натуралистично и подробно. У Михаила хватило сил и мужества самостоятельно вынуть глубоко засевший в бедро осколок, оказать себе медицинскую помощь. Он терпел сильную боль и сильные приступы голода.

Михаил Грачёв шёл через сожженные фашистскими захватчиками дома, пока не нашёл укрытие — русскую кирпичную печь, оголенную пожаром. «На локтях, подталкиваясь здоровой ногой, он дотащился до печи. Прижался к холодным кирпичам, судорожно гладил их. Сухой ком в горле душил Михаила. Печь явилась ему родным существом, поспевшим из далекого детства спасти его. Сколько раз, бывало, набегавшись с дружками на улице, с ног до головы заляпанный снегом, окочневший до синевы, он с опаской приоткрывал забухшую дверь, мышью проскальзывал в хлебное тепло избы. Крался до подпечка и, вступив на него, спешил юркнуть на кирпичное лоно, всегда хранящее ласковый уют. На печи он чувствовал себя как в неприступной крепости, безбоязненно прислушиваясь к материнским угрозам задать ему хорошую трепку». В этом воспоминании Михаила одновременно прочитываются и радость от неожиданной встречи с родным существом, и горечь того, что ушло то хорошее, что грело его душу и тело, а вернется ли когда-нибудь? Неизвестно.

Под печью Михаил обнаружил «устроенный кем-то тайник, вполне возможно, таким же бедолагой окруженцем, как он сам». Но это еще не все его маленькие радости, которые повстречались ему. «Тайный друг» оставил еще и баночку ржаных сухарей. В военное время, на оккупационной территории, это был бесценный подарок. Только тот человек, который прошел все испытания, как Михаил, может поделиться таким подарком, «частичкой, можно сказать, своей жизни». Михаил понимал,

что пропасть в подполье сгоревшего дома, означает навечно остаться для своих родных и близких пропавшим без вести.

В роду Грачёвых не ему первому выпало воевать. Воевал его дед, воевали отец и дядя, погиб на Халкин-Голе старший брат. От них от всех осталось имя. И Михаил не хочет быть пропавшим. «Пусть боль, пусть муки, но его след не затеряется, в списки «пропавших» он не попадет. Пусть он и обманулся в своих попытках догнать фронт, но в конце-то концов он идет по своей земле, и она не выдаст, поможет выстоять, прибиться к тем, кто бьется с врагом». Герой не теряет веры, борется с отчаянием.

Михаил, поев и тепло устроившись, на какой-то миг забыл о войне. Но по мере возвращения тепла возвращалась и боль. Он вновь упал в полубморочное состояние. «И опять война завладела им, властно задавив все остальное, будто он до нее и не жил, а родился с ней в один день...». В полубреду Михаил вспоминает свой леспромхоз, любимую девушку Наташу, ставшую в первый военный день его женой.

Находясь на оккупационной территории, потеряв наши войска, которые вряд ли бы смог догнать, Михаил Грачёв уже был обречен на гибель. И он погиб, но погиб, спасая от садистских надругательств полицаев женщину, только, что похоронившую своего годовалого сыночка.

Михаил, конечно, осознавал, что, вступая в неравную схватку с полицаями и немецкими солдатами, он погибнет, но поступить по-другому не мог. «Впервые в жизни на его глазах так безнаказанно изгалялись над человеком». Он убил полица, пытаясь спасти женщину, но её всё равно застрелили. В этот момент произошла перемена в сознании Михаила. «Где-то в глубине сознания он ожидал такого исхода, и нервическое возбуждение, владевшее им все утро, сменилось холодным спокойствием. Ещё не сделав по противнику ни одного выстрела, ещё не выиграв и не проиграв ни одной схватки, в самом начале этого промозглого сентябрьского дня он из необстрелянного новобранца превратился в бывалого солдата-фронтовика, способного вести самый жуткий бой – бой в одиночестве».

Силы были не равны – Михаил с винтовкой и целое отделение фашистов с автоматами и пулемётами. Михаил Грачев гибнет, но гибнет как герой, уважение к гибели которого испытали даже враги: «Немцы обступили поверженного красногвардейца. Сняли каски... Молча курили».

Терентьев, сам прошедший Великую Отечественную войну, опираясь на свой фронтовой опыт, смог создать живой образ русского солдата. Писатель показал характер Михаила Грачева в динамике и психологически верно: от не понимания дальнейших действий, до осознания своего не простого солдатского долга. Настоящий русский солдат – гу-

манный солдат, защищающий в лице матерей, стариков, детей, свою Родину.

Если в рассказе «Такая доля» выведен один герой, солдат Михаил Грачев, то в рассказе «Райское место» уже больше действующих лиц. В этом произведении и время действия другое – наши войска дошли до Прибалтики.

Главный герой – младший лейтенант Локтев вместе со своей ротой должны взять новую высоту. Немцы оказывают сопротивление. Терентьев описывает солдат не только во время боя, но и в моменты отдыха. Писатель затрагивает и проблемы, волнующие воинов. Некоторые, измученные долгой войной, начинали тосковать по мирной жизни и задаваться вопросом: «Когда же закончится эта проклятая война?». Терентьев в рассказе «Райское место» показывает разные характеры защитников родины. Младший лейтенант Локтев окончил фронтовые курсы, до них воевал рядовым почти год, получил две Красные Звезды. Не хотел входить в младший командный состав, потому что видел, что взводные и ротные гибнут чаще рядовых солдат.

Саша Кретов – ординарец Локтева – говорливый, добродушный мальчик, умеющий одновременно быть сразу в нескольких местах. Харитон Мокеевич Остапенко – заместитель Локтева, уже в годах старший сержант, бывший шахтер, «сутулость которого, приобретенную за годы работы в низких штреках, не смог исправить воинский строй». Остапенко любил поворчать, но его за житейский опыт, за мудрость рабочего человека, который считал, что самое главное – «опять же работа без зряшной шумихи и показухи». Рядовой Федор Вавилин – младший брат закадычного друга Локтева, он погиб, пробыв на передовой всего лишь тридцать часов. На фронт Федор пришёл с мальчишескими представлениями о войне: «... вся война для парня умещалась в одну безоглядную атаку, когда он, подхваченный общим порывом, бежал вместе со всей ротой, куда-то раз выстрелил, надрывая горло бессмысленным торжествующим воплем... сознание почти отключилось, и его несло на крыльях опьяняющего восторга: «Вперёд! В атаку!». Но хмель порыва таял, и Федя постепенно начинал прозревать. Но так и не успел всё понять, был убит немецким снайпером. Сержант Степан Вашкевич и Степан Кретов – единственные, кто сумел выжить в бою с фашистами за новую высоту.

Название рассказа вызывает ассоциацию с раем. Рай – это место, где людям хорошо, уютно, то есть это самое благоприятное место для человека. Такое место Бог дает перед судным днём тем людям, которые не грешили на земле. В этом рассказе из героев выжили только двое, остальные погибли. Хотелось бы, чтобы остальные были живы, но так сложилась судьба. А те, кто сумел выжить – это уже для них «Рай». Может, после войны судьба будет благосклонна к ним.

В разные годы журнал «Дальний Восток» публиковал повести, рассказы и очерки А. Г. Терентьева, а в № 4 за 1986 год – военную повесть «И ещё один день...». В ней, выступая свидетелем фронтовых будней, Андрей Григорович описывает оборону небольшого хутора на территории Прибалтики. Возможно, повесть о командире батальона – лейтенанте Викторе Устюгове автобиографична. «Земля вокруг охнула, осела. Уцелевшие стены сарая рванулись от земли на чёрноседом, с багровыми проблесками вулкане. Вместе с тучей обуглившегося зерна низвергся густой камнепад, посыпались увесистые головёшки, обломки чего-то деревянного...

Картохин судорожно забил ногами, пытаясь столкнуть с себя лейтенанта. Они с минуту барахтались в тесноте, прежде чем смогли сесть друг против друга. Связист протяжно мычал, поглаживая ногу. На дне ровика, источая жар, валялся в кирпич размером, с золотистый на ровных изломах осколок». Только свидетель настоящего боя мог так детально написать в произведении батальную сцену. Читатель переживает вместе с героями этой повести: видит картину боя, ощущает накал его. В конце повествования автор, передавая настроение участников обороны хутора, вспомнил слова сержанта Головки: «Вот и ещё один день войны пережили, лейтенант».

Андрей Григорьевич Терентьев в своих художественных произведениях о Великой Отечественной войне не создает уникальных героев, он пишет о простых солдатах (каким был сам), которые относились к войне как к трудной работе и выполняли её добросовестно, честно. Они всегда, как бы ни было им трудно, холодно, голодно, больно, помнили о своих близких, родных, выполняя воинский долг.

Амурский журналист Павел Кижаяев вспоминал, как однажды после совместного просмотра с Андреем Григорьевичем передачи про Сталинградскую битву, Мамаев курган, про пленение десятков тысяч неприятельских солдат, услышал от Терентьева: «Немецкие солдаты, попавшие в плен под Сталинградом, вели себя достойно. Во всяком случае, по отношению друг к другу вели себя гораздо порядочнее своих союзников-румын и итальянцев».

В очерке «После Сталинграда я начал уважать немцев», опубликованном на страницах газеты «Амурская правда», А.Г. Терентьев написал: «На Сталинградский фронт я прибыл сразу после окончания военного скороспелого училища. Открывались такие в войну для фронтовиков. Понятно, офицеров на фронте не хватало, особенно младших. Лейтенанты погибали часто. Ситуация в моём полку после боёв в Сталинграде сложилась непростая: полк понес немалые потери, да и техника

пострадала – несколько боевых установок или сторели, или оказались безнадежно искалеченными. Наша разведка ошиблась: в окружение попало не девяносто тысяч, как предполагали вначале, а 300 тысяч вражеских солдат и офицеров. Наше командование не рассчитывало на такой “прилив” пленных. Я невольно испытал некоторое даже уважение к немцам: они не бросали своих обессилевших товарищей. Поднимали их и, поддерживая, упрямо шли туда, куда их вели конвоиры. Зато румыны и итальянцы являли собой самое жалкое зрелище. Часть пленных, в основном итальянцев, оставили в Сталинграде убирать убитых. Горы трупов, как сейчас помню, возвышались до второго этажа. Ко всему привыкшие сталинградцы проходили мимо трупов не задерживаясь. Для меня же это было страшное зрелище.

– Куда вас черт завел! Россия вам не Санта-Мария...».

Вчитываясь в искренние слова участника и очевидца страшных событий, начинаешь полностью понимать величие подвига нашего народа. Несмотря на то зло, которое принес фашизм жителям СССР, победители – русские делали всё возможное, чтобы облегчить участь военнопленных. Андрей Григорьевич приводит цитату из книги офицера немецкой разведки Йохима Видера, автора книги «Катастрофа на Волге»: «... русское командование, несмотря на бедственное положение своего гражданского населения, старалось по мере сил оказать помощь пленным и улучшить их положение... В этой связи хотелось бы особо подчеркнуть, что многие советские медсестры и женщины-врачи (в том числе и еврейки), движимые чувством истинного милосердия и гуманизма, жертвовали собой во имя спасения немцев, взятых в плен под Сталинградом: работая в госпиталях лагерей военнопленных, они заражались сыпняком и умирали...».

А. Г. Терентьев, прошедший всю войну, видевший все её ужасы, не восхваляет фашистских захватчиков. Просто он в них видит сильных противников. О чем он впоследствии напишет в рассказе «Санинструктор Машенька»: «Ничего не скажешь, немцы вояки – каких поискать. Но дойти до Сталинграда и капитулировать в своей столице – урок на века». Такую оценку дает воин-освободитель, писатель-фронтовик Андрей Григорьевич Терентьев.

Рассказы А.Г. Терентьева о войне: «Такая доля», «Райское место», «Лыжники», «Санинструктор Машенька» и другие, с их суровым реализмом, великолепным знанием жизни, на войне, органично вписываются в общерусскую литературу о войне, где большие художественные высоты занимают такие писатели, как В. Астафьев, В. Быков, Ю. Бондарев и другие. Писатель-фронтовик А. Терентьев своими военными рас-

сказами занимает в этой литературе, пусть скромное, но заметное место. Они обогащают читателей новыми подробностями о минувших событиях Великой Отечественной войны.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ А. Г. ТЕРЕНТЬЕВА

ОТДЕЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ

Повесть о солдатской дружбе : повесть. – Молотов : Кн. изд-во, 1953. – 336 с.
Повесть о солдатской дружбе : повесть. – Молотов : Кн. изд-во, 1956. – 336 с.
Такая доля... : рассказы. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1988. – 158 с.

ИЗ ПУБЛИКАЦИЙ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ И СБОРНИКАХ

И ещё один день... : повесть // Дал. Восток. – 1986. – № 4. – С. 14–50.
Лыжники : рассказ о Великой Отечеств. войне // Эхо. – 2005. – № 13. – С. 26.
На фронте затишье : публицист. ст. // Амур. правда. – 2002. – 28 апр. – С. 3.
Ода Машеньке-санинструктору : рассказ // Амур. правда. – 2002. – 31 авг. – Прил.: с. 9. – (Глагол).
Один день войны : отр. из повести // Амур. правда. – 1986. – 31 янв. – С. 4.
Райское место : рассказ // Дал. Восток. – 1985. – № 5. – С. 15–35.
Санинструктор Машенька : рассказ // Амур. гидростроитель. – 1991. – 26 янв. – С. 3.
Ягоды на ладошке : рассказ // Амур. правда. – 1985. – 13 янв. – С. 4.

ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ

Астафьев, В. П. Сын своего времени / В. П. Астафьев // Амур. вести. – 1992. – 29 авг. – С. 1.

Воин, рабочий, писатель : к 90-летию со дня рождения А.Г. Терентьева : информ.-метод. материалы / Амур. обл. науч. б-ка им. Н.Н. Муравьева-Амурского / сост. В. В. Соломенник. – Благовещенск, 2012. – 48 с. + 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – (Русские судьбы: амурские писатели ; вып. 1).

Кижаяев, П. 22 июня снова соберёмся у писателя Терентьева / П. Кижаяев // Амур. правда. – 2004. – 18 июня. – С. 3.

Кижаяев, П. Писатель-фронтовик А. Терентьев : «После Сталинграда я начал уважать немцев» / П. Кижаяев // Амур. правда. – 2004. – 31 янв. – С. 1, 7.

Кижаяев, П. Прозаик-фронтовик // Амур. правда. – 2002 – 31 авг. – Прил.: с. 9. – (Глагол).

Луста, Я. Жизнь ради жизни : [к 80-летию со дня рождения А. Г. Терентьева] / Я. Луста // Зейс. вестн. – 2002. – 31 авг. – С. 2.

Маркович, А. В. Терентьев Андрей Григорьевич : [биогр. справка и список лит.] / А. В. Маркович // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков / сост., ред., вступ. ст. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2013. – С. 372–373.

Машук, Б. Воин, рабочий, писатель : [А. Г. Терентьеву – 70 лет] / Б. Машук // Амур. правда. – 1992. – 29 авг. – С. 3.

Памяти писателя // Зейс. вестн. – 2006. – 13 янв. – С. 8.

Сачков, Н. Зоя литературная гордится богатым наследием : [о писателе А. Г. Терентьеве] / Н. Сачков // Амур. правда. – 2005. – 17 сент. – С. 3.

Сачков, Н. Такая доля, такая судьба / Н. Сачков // Эхо. – 2005. – Март (№ 11). – С. 8.

Сачков, Н. Судьба писателя / Н. Сачков // Зейс. вестн. – 2010. – 12 июня. – С. 4.

Терентьев Андрей Григорьевич : [биогр. справка и список лит.] // Писатели Дальнего Востока : биобиблиогр. справ. / Хабаров. краевая универс. науч. б-ка ; сост. Т. В. Кирпиченко, Л. Н. Циновская. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1989. – Вып. 2. – С. 319–320.

Терентьев Андрей Григорьевич : [биогр. справка и список лит.] // Амурская писательская организация, 1977–2007. – Благовещенск : РИО, 2007. – С. 21.

Терентьев Андрей Григорьевич : [биогр. справка и список лит.] // Амурские писатели : библиогр. указ. / сост. Г. В. Аверина. – Благовещенск, 2000. – С. 52–53.

Терентьев А. И ещё один день : [тема Великой Отечественной войны в творчестве А. Терентьева] // Десять книг о войне : беседы с родителями о кн. амур. писателей / сост. О. А. Барсова. – Благовещенск : АОНД, 2009. – С. 7–8.

Юбилей писателя. А. Г. Терентьев // Амур-наш-батюшка. – 1997. – № 2. – С. 43.

Станислав Петрович Повный: дойти до Берлина

Станислав Петрович Повный (20.05.1935–05.03.2012) родился на Украине. Счастливая пора детства продолжалась недолго. Оборвала её война. Во время эвакуации фашисты разбомбили эшелон, и Стас вместе со старшим братом Олегом потерялись от матери. Подростки скитались по кубанской степи, пока их не приютили солдаты артиллерийского полка. Вместе с ними они прошли по фронтовым дорогам до берегов Дуная. 20 декабря 1944 года при штурме Будапешта волей обстоятельств братья оказались на переднем крае и попали под огонь вражеской артиллерии. Олег погиб, а девятилетний Стас в результате тяжёлого ранения потерял зрение и провёл несколько месяцев в военном госпитале. Уже в зрелом возрасте, обращаясь памятью к страшному лихолетию, он написал в одном из стихотворений:

*Нет, я в те годы не учился в школе
И не пускал по лужам корабли –
Хлебнувшего сиротской горькой доли
Меня солдаты сыном нарекли.*

*Да, я был мал, хоть и горел отвагой,
И не ворвался в майскую зарю,
Чтоб расписаться на стене рейхстага.
И всё-таки по праву говорю:*

*«Я каждой клеткой тела, каждым нервом,
Всей памятью своей и всей душой
Сегодня там, в суровом сорок первом
И в сорок пятом – мёртвый и живой!»*

Через четыре месяца после ранения, за несколько дней до Победы, из госпиталя Станислава забрал командир полковник Николай Васильевич Немченко. Два месяца спустя он сумел отыскать мать Стаса и в августе 1945 года вернул ребёнка в семью.

После войны Станислав Повный некоторое время обучался в школе-интернате для незрячих детей в Днепропетровске и Костроме. В 1956 году окончил обычную среднюю школу с Золотой медалью и поступил на исторический факультет Ужгородского государственного университета. Окончив его в 1961 году, взял направление в Амурскую область. Работал учителем истории в средней школе № 176 г. Шимановска,

а в 1968 году был переведен в г. Благовещенск, где 23 года проработал преподавателем общественных дисциплин в Амурском строительном техникуме.

Литературным творчеством С. Повный начал заниматься в ранней юности. На фронтовых дорогах его свела судьба с писателем Константином Михайловичем Симоновым, который впоследствии стал его литературным наставником. Первые стихи опубликовал в 1953 г. В 1991 году С. Повный оставил педагогическую деятельность и целиком сосредоточился на литературной деятельности.

Поэзия и проза Повного объединены общим мотивным комплексом, в основе которого лежат события жизни их автора. Прежде всего, это события Великой Отечественной войны, пришедшейся на детство Повного, кардинально изменившей его жизнь и ставшей постоянной темой его творческих раздумий:

*Давно ушла в историю война.
Вы видите её лишь на экранах.
А в памяти моей живёт она,
Как с детства незалеченная рана.*

Как говорит сам поэт, он «родом из войны»:

*И сколько же осталось нас таких,
Детей судьбы и горькой, и жестокой,
В ту пору юных, а теперь седых,
Ещё не старых, а седых до срока!..
Нам не доснулись золотые сны –
С порога детства мы в войну шагнули.
(«Родом из войны»)*

И именно потому, что был он тогда не солдатом, а семилетним мальчишкой, эта тема в его творчестве имеет особое звучание. Возможно, поэтому его стихи о войне, искренни, просты и интересны.

*И потому, как из плена,
Памятью давних дней
Детство моё военное
Часто приходит ко мне.
Сядем мы с ним сегодня
И, не включая свет,
Петь будем в ночь новогоднюю
Песни военных лет.
(«Детство моё военное»)*

Многие стихотворения военной тематики С. Повного носят автобиографический характер: «Из детства», «На могиле брата», «Детство моё военное», «Родом из войны», «Нет, я в те годы не учился в школе». В них Станислав Петрович, рассказывая о своём военном детстве, вспоминает тех людей, которые были рядом, оберегали его.

Стихи Повного о войне – это, прежде всего, стихи о настоящих людях, сильных, мужественных и... добрых. Именно это качество русского человека – в любых, даже самых сложных обстоятельствах, оставаться неизлуженным, человечным, милосердным – выделяется в стихах поэта.

*В госпиталь из санбата
утром меня свезли.
Вскоре туда солдаты
Бдить под окно пришли.
Спрашивали, узнавали:
«Как он там, наш сынок?»
Военврачи вздыхали:
ждите, мол, нужен срок...
(«Детство моё военное»)*

Рефреном звучит во многих его стихотворениях антивоенная тема, неоднократно Повный подчёркивает античеловеческую суть войны, которая стирает границы добра и зла, обесценивает человеческую жизнь:

*Я клялся, что жизнь и юность
Народу отдам сполна,
Чтоб в мире большом подлунном
Исчезла навек война...
(«На могиле брата»)*

Характерной чертой военной темы в творчестве С. П. Повного является мотив памяти, в котором просматривается продолжение традиций А. Т. Твардовского, творчество которого также, как и творчество Станислава Петровича, пронизывает чувство обязательства живых перед павшими, невозможность забвения подвига русского народа. Этот мотив звучит в следующих стихотворениях Повного: «Обелиски», «Продолжение атаки», «Моим отцам», «Фронтвик», «Кипрей», «Фронтвикам опять весной не спится», «Память».

*Но время над памятью сердца не властно.
Она над веками упрямо встанет,*

*И взглядом солдата, призывным и страстным,
Правнукам нашим в глаза заглянет...
(«Обелиски»)*

*Проходят годы и десятилетия,
Но мы остались памяти верны
И, как сумели, рассказали детям
О том, о первом утре без войны.
Пусть они по жизни эту память,
Как знамя, как святыню пронесут.
И мир, добытый в сорок пятом нами,
Для новых поколений сберегут.
(«Фронтовикам опять весной не спится»)*

Именно так и продолжается жизнь, продолжается общая судьба народа и общее дело людей. Именно так и должны переходить от родителей к детям самые значительные, самые важные понятия:

*И знаю я: тем огненным годам
Не раствориться и не кануть в Лету.
О них я сыну память передам,
Как мужества и славы эстафету.
(«Память»)*

Временная дистанция позволяет С. Повному осмыслить национальную трагедию с точки зрения вечных ценностей. Так, особенно важна тема памяти и забвения, раскрывающаяся, в частности, в образе безымянных могил:

*Могилы безымянные... Они
Разбросаны от Волги и до Шпрее,
И нет надгробий мраморных на них,
Трава лишь в мае щедро зеленеет.*

Образ безымянных могил, пропавших без вести солдат, является здесь своеобразным симбиозом как заклинаний симоновского бойца из «Жди меня, и я вернусь...» о необходимости дожидаться его с войны, так и заклинаний бойца из стихотворения «Я убит подо Ржевом...». Ещё один фронтовой поэт, о котором нельзя не вспомнить в разговоре о Повном – Эдуард Асадов. По мысли Повного, не менее чем орудийными залпами, война отзывается и молчанием невернувшихся с неё. Безымянность же могил, разбросанных по всей России, ещё больше вызывает

к памяти о столь масштабной катастрофе.

Философское осмысление войны в стихотворениях С. Повного приводит к тому, что её фактические хронологические рамки размыкаются, она начинает пониматься как вневременное катастрофическое явление:

*Об атомном кошмаре на земле
забудет человечество едва ли,
и дети, погребённые в золе
к живым взывают в гневе и печали.
(«Памятник ребёнку»)*

Другая вариация военной темы в стихотворениях Повного связана с мыслью о необходимости армии не только воевать с захватчиком, но и охранять пока ещё мирные территории. Эта идея разработана в ряде стихотворений и рассказов, посвящённых службе пограничников. При этом описание С. Повным их особой службы явно наследует советской лирико-патриотической традиции и выдержано в схожей стилиевой манере:

*У границы строгое лицо,
А душа бесхитростно простая,
И она не терпит подлецов,
Трусости и фальши не прощает
(«У границы строгое лицо»)*

События войны, кардинально изменив жизнь С. Повного, обусловили особый характер восприятия им окружающего мира, и, как следствие, – особый характер лиризма его творчества. Преобладающим настроением его поэзии является неизменное подчёркивание значимости переживаемых впечатлений, необходимости ценить мир, данный нам в ощущениях. Доказывая эту мысль, Повный в то же время подчёркивает важность взаимоподдержки, наличия межчеловеческого пространства:

*И так скажу: на жизнь я не в обиде,
но помните, пожалуйста, друзья:
чем больше света вам дано увидеть,
тем больше света буду видеть я.*

Книга «Дойду до Берлина» (2008) посвящена ровесникам Станислава Петровича, настоящим патриотам, которые в годы Великой Отечественной войны, будучи подростками, испытали на себе ужасы фашистской оккупации. «Надеюсь, что их судьбы, их мужество и любовь к Родине станут для вас, мои дорогие читатели, достойным примером для

подражания», – пишет автор в предисловии. Не только личные переживания заставили писателя обратиться к трагическим событиям прошлого. Тема войны – одна из ключевых тем русской литературы – имеет непреходящее значение. Писатели вновь и вновь возвращаются к тем далёким событиям для того, чтобы мы, по словам А. Воронкова, «помнили, что такое настоящая беда. Чтобы мы не захлёбывались в собственном благополучии. Чтобы сопереживали всем обездоленным, были мудрыми и никогда не шли за теми, кто развязывает войны».

Все истории, рассказанные в книге, имеют реальную жизненную основу. «Многих их героев этих рассказов я знал лично, а о делах других мне рассказывали их родители и друзья», – пишет в разделе «От автора» С. Повный. В книгу вошли пять рассказов.

Непридуманной является трагическая история о смелом, самоотверженном подростке Леониде (рассказ «Сон майора Крюгера»), который в одиночку поджёг казино, где командование гарнизона отмечало день рождения фюрера, а затем из автомата «уложил» около десяти офицеров, выбежавших из горячего здания на улицу. Во время допроса в гестапо Леонид подвергся жесточайшим пыткам: «Крюгер сделал очередную затяжку и вдруг резким движением руки прижал горящий конец сигары к щеке пленного. От неожиданной боли юноша отшатнулся, коротко застонав. Лицо его стало ещё бледнее, а высокий лоб покрылся испариной. Затем отработанным до автоматизма движением гитлеровцев провёл по бровям своей жертвы. Запахло палёным, но на этот раз обречённый не проронил ни звука.

– Теперь ты будешь говорить?! – взвизгнул фашист, становясь вдруг похожим на рассвирепевшего бульдога. Не услышав ответа, он ударом кулака сбил юношу с ног и по-немецки дал какую-то команду своим подручным. Те мгновенно сорвали с пленного рубашку и начали расписывать его грудь, плечи, живот раскалёнными до красна железными прутьями, держа его в огромных щипцах, напоминающих клешни рака. Покрывающиеся красными полосами тело неподвижно лежало на полу. Юноша потерял сознание, и боли не ощущал». Страшные пытки не сломили Леонида. Даже смерть герой принял мужественно: «Он приподнял голову и, подставив под неё здоровую руку, вдруг запел чистым голосом: “У нашей Отчизны орлят миллионы, и нами горди...”. Резким движением фашист вскинул пистолет, нажал на спуск, и со звуком выстрела песня оборвалась на полуслове». Фашисты так и не узнали имён тех, кто уничтожил восемьдесят девять фашистов, семнадцать грузовиков, два склада.

Рассказ «Шуркина месть», безусловно, вызовет чувство радости за находчивого и смекалистого мальчику Шурку. Однажды он явился до-

мой с особенно большим уловом, но квартировавший в их доме немец забрал у него всю рыбу. Чтобы отомстить фашисту, Шурка поймал ядовитую змею и подбросил её в ящик письменного стола лейтенанта. Ужаленный змеей, офицер побежал в сторону штаба, но по дороге споткнулся, ударился затылком о камень и умер. Когда же из комендатуры пришли немцы, Шурка рассказал им заранее придуманную историю о том, как лейтенант решил полакомиться черешней, подпрыгнул, чтобы нагнуть самую хорошую ветку, в это время с его голову слетела фуражка, он нагнулся, чтобы поднять её и вдруг закричал. Рассказывая эту историю, мальчик несколько раз печально вздохнул, как будто бы сожалел о гибели немецкого офицера, за что получил похвалу коменданта.

Произведения, вошедшие в книгу «Дойду до Берлина», обозначенные как «рассказы о юных героях», раскрывают перед читателем особую грань всенародной трагедии: участие в войне детей и совершаемые ими подвиги. Притом, что сюжеты произведений не выдуманы (автор оговаривает это особо) их поэтика родственна традиции произведений об участии детей в Великой Отечественной войне – от «Сына полка» В. Катаева до «Ивана» В. Богомолова.

Рассказы Повного о юных героях служат развитию в подрастающем поколении чувства долга, ответственности за судьбу другого человека и страны в целом. Как справедливо заметил А. Воронков, книга «Дойду до Берлина» – это «несколько вложенных кирпичей в самую первооснову нашего государства, где тесно соседствуют рядом с национальными традициями россиян их высокий дух, не показной патриотизм и генетическая любовь к своей Родине».

Ещё более развёрнутое воплощение темы военного детства, на материале жизни автора, осуществлено в автобиографической повести «Моя война» (2005). Сама книга сразу привлекает внимание: на обложке – коллаж: в старческих, морщинистых руках потемневшая от времени фотография с изображением молоденького солдатика, а вокруг – страшное кроваво-красное зарево.

Повесть «Моя война» повествует о том, как в годы военного лихолетья он потерял родителей и с артиллерийским полком прошёл путь от Северного Кавказа до берегов Дуная. Как потерял зрение. Оборванное, опалённое войной детство, незаживающие физические и душевные раны – такова тема повести. «Тот воскресный день, 22 июня 1941 года, запомнился мне во всех подробностях», – так начинается захватывающее повествование о военном пути, который прошёл автор. Перед читателем проходят картины эвакуации, когда растерянные люди, толком ничего не понимая, испытывая страх перед неизвестностью, вынуждены оставлять родные места. Автору тогда было шесть лет, но он хорошо

всё помнит. Помнит, как отец добровольцем ушёл на фронт, как плакала мать, как переживала бабушка. А главное, помнит людей, которые помогали им в трудные минуты, делясь последним. Именно благодаря им семья Повных, как и тысячи других семей, смогла выжить.

Острота сюжетных коллизий – эвакуация, трагические картины войны, гибель брата, роковое ранение главного героя – определяются подлинностью описанного. Автор незрячий человек, но таким он был не всегда, зрение он потерял маленьким мальчиком в годы войны, последнее, что он видел в жизни, был столб огня, от которого во все стороны разлетались искры.

Тяжело читать страницы выхаживания главного героя после ранения: «Медсестра Виола стала мне настоящим другом, если не сказать – добрым гением. Это на её глазах произошло чудо моего возвращения к жизни. Увидев, что я ощупываю бинты на лице и пытаюсь приподнять их, чтобы открыть глаза, она мягко отвела мою руку и, держа её в своей тёплой ладони, негромко сказала: “Здравствуй, Славок, так тебя, кажется, зовут?”». С ней всегда было в палате уютно и хорошо. Читатель узнаёт о «кровном» родстве юного Станислава с венгерской девушкой – дочерью врача госпиталя Илоной. Она отдала свою кровь, потому что ждать другую не было времени.

Через двадцать с лишним лет у Станислава Повного появились стихи о приговоре, вынесенном врачом:

*Был Будапешт и госпиталь военный,
И почему-то не кончалась ночь.
Потом хирург кому-то откровенно
Сказал: «Ослеп. Ничем нельзя помочь».
Палату всю от потолка до потолка
Вдруг захлестнули волны темноты,
И медсестра по имени Виола
Роняла слёзы на мои бинты...*

Из повести С. Повного «Моя война» мы узнаём не только о судьбе автора и нравственном становлении его личности, но и о том, что двигало нашими соотечественниками, когда они, не жалея своей жизни, шли в бой. Узнаём, в чём истоки массового героизма русского народа, каким было поколение сороковых годов, на долю которого выпало суровое испытание.

Станислав Повный продолжает линию писателей-фронтовиков. Тема войны – одна из ключевых его тем. Однако самым примечательным в разработке этой темы является то, что главными героями его произведе-

дений являются дети. Те самые дети войны, которым выпало несчастье в свои малые лета пройти все ужасы военного лихолетья: эвакуацию, голод, холод, бомбежки, боль невосполнимых потерь, когда приходили похоронки, извещавшие о гибели отцов и братьев. Некоторые дети, потерявшиеся от своих семей на дорогах войны, попадали в детские дома, другие, на время поиска родных, усыновлялись полками и батальонами, и тогда родителей им заменяли солдаты и офицеры фронтовых частей. Нельзя не сказать ещё об одной группе подростков, которые оказались на оккупированной территории. на их незавидную долю выпали ужасы «нового порядка», установленного фашистскими захватчиками: физическое насилие, унижение и постоянный страх за свою собственную жизнь и за жизнь своих родных и близких. Многие из этих мальчишек и девчонок помогали взрослым бороться с оккупантами, принимая участие в партизанском движении и в работе подпольных организаций. Среди них выделяются те, то вёл борьбу с фашистами в одиночку, устраивая различного рода диверсии и иные акты, наносившие вред гитлеровцам.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ С. П. ПОВНОГО

ОТДЕЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ

- Берегите солнце : стихи. – Благовещенск : РИО, 1997. – 72 с.
В кругу друзей : стихи разных лет. – Благовещенск : [б. и.], 2003. – 112 с.
Дойду до Берлина : рассказы о юных героях. – Благовещенск : Радуга, 2008. – 86 с.
Избранное : стихи разных лет. – Благовещенск : [б. и.], 2010. – 110 с.
Моя война : автобиогр. повесть. – Благовещенск : [б. и.], 2005. – 304 с.
Предчувствие весны : стихи. – Благовещенск : Буквица, 2006. – 16 с.
С весной, нежностью, любовью... : стихи. – Благовещенск : Буквица, 2005. – 16 с.

ИЗ ПУБЛИКАЦИЙ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ И СБОРНИКАХ

- Бессмертие : воспоминания // Амур. дилижанс. – 2006. – 22 февр. – С. 6.
Воины России : стихи // Амур. правда. – 1979. – 29 июля. – С. 4.
Гармонист : стихи // Амур. дилижанс. – 2005. – 5 мая. – С. 4.
Дойду до Берлина : рассказ // Амур. дилижанс. – 2006. – 11 мая. – С. 6.
Кашляли надрывно миномёты... // Дал. Восток. – 1976. – № 2. – С. 44–45.

- Мой поклон : стихи // Амур. правда. – 1982. – 8 марта. – С. 4.
- Моя война : док. повесть // Амур. дилижанс. – 2003. – 4 июня. – С. 12.
- Наша Победа : стихи // Амур. правда. – 1983. – 9 мая. – С. 4.
- О ветеранах : стихи // Амур. правда. – 1981. – 9 мая. – С. 4.
- О себе : стихи // Приамурье моё. – Благовещенск, 1975. – С. 194.
- О себе и об этой книге : [о кн. «В кругу друзей»] // Повный, С. П.
- В кругу друзей : стихи разных лет. – Благовещенск : [б. и.], 2003. – С. 6–8.
- О себе ; Признание ; Другьям ; Январские фиалки : стихи // Я люблю эту землю... : сб. для семейного чтения. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2013. – Вып. 2. – С. 214–221.
- О солдате ; Сестра ; Детство моё военное : стихи // Проспект Пушкина. – 2004. – 7 мая. – С. 3.
- Обелиски : стихи // Амур. дилижанс. – 2004. – 6 мая. – С. 4.
- От автора : [о кн. «Дойду до Берлина»] // Дойду до Берлина : рассказы о юных героях. – Благовещенск : Радуга, 2008. – С. 7–8.
- Память ; Вдова ; Обелиски ; Из детства ; На могиле брата ; Фронтовик ; Кипрей ; У обелиска : стихи // Годы грозовые : стихи к 60-летию Победы. – Благовещенск : Буквица, 2005. – С. 47–56.
- Помню тот бой и поныне... : стихи // Приамурье-2010 : лит. художеств. альм. – Благовещенск : РИО, 2010. – № 9 (27). – С. 30–34.
- Родина : стихи // Амур. правда. – 1983. – 1 янв. – С. 4.
- Светлый праздник : стихи // Амур. правда. – 1974. – 1 мая. – С. 1.
- Солдаты слушают стихи : стихи // Амур. правда. – 1977. – 15 мая. – С. 4.
- Так было : стихи // Амур. комсомолец. – 1981. – 8 мая. – С. 3.
- Тишина : стихи // Амур. правда. – 1977. – 6 февр. – С. 4.
- Товарищ капитан : стихи // Амур. правда. – 1974. – 17 февр. – С. 3.
- Тревожное : стихи // Амур. комсомолец. – 1980. – 9 мая. – С. 3.
- Ты наша сила : стихи // Амур. правда. – 1974. – 8 февр. – С. 2.
- У могилы неизвестного солдата : стихи // Амур. правда. – 1982. – 9 мая. – С. 4.
- Фронтовики : стихи // Приамурье моё – 1983. – Благовещенск. – 1983. – С. 207–208.
- Часовым страны : стихи // Амур. правда. – 1982. – 28 мая. – С. 4.
- Человечность : стихи // Амур. правда. – 1982. – 31 янв. – С. 4.
- Шуркина месть : рассказ // Амур. комсомолец. – 1982. – 19 мая. – С. 7 ; 12 мая. – С. 4.
- Шуркина месть : рассказ // Проспект Пушкина. – 2003. – 29 сент. – С. 6–7.

ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ С. П. ПОВНОГО

Абрамова, Е. Н. Тот, кто всю жизнь боролся с темнотой, знает многие тайны прозренья... : изучение творчества С. П. Повного в shk. / Е. Н. Абрамова // Лосевские чтения – 2011 : материалы регион. науч.-практ. конф. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2011. – С. 137–147.

Владимирова, И. «Память горькая, слава – гордая!» : [о презентации в Амур. обл. науч. б-ке сб. стихов амур. поэтов, посвящ. Великой Отечеств. войне, о писателе и сост. сб. С. Повном] / И. Владимирова // Амур. дилижанс. – 2012. – 1 февр. (№ 5). – С. 5.

Воронков, А. Две книги к юбилею : [о творчестве С. П. Повного] / А. Воронков // Амур. вести. – 1995. – 2 июня. – С. 4.

Воронков, А. Маленькие судьбы большой войны : [о творчестве С. П. Повного] / А. Воронков // Повный, С. П. Дойду до Берлина : рассказы о юных героях. – Благовещенск : Радуга, 2008. – С. 5–6.

Воронков, А. Тайна прозрения : [о творчестве С. П. Повного] / А. Воронков // Повный, С. В кругу друзей : стихи разных лет. – Благовещенск : [б. и.], 2003. – 9–11.

Ворошилова, И. Мир он видит сердцем : [о писателе С. Повном] / И. Ворошилова // Амур. правда. – 2008. – 21 февр. – С. 11.

Дьякова, Н. Скажи мне, кто твой друг ... : [о кн. стихов С. Повного «В кругу друзей»] / Н. Дьякова // Проспект Пушкина. – 2003. – 17 июля. – С. 8.

Захаров, В. Граница и судьба – едины... : [об авт. кн. «У границы строгое лицо» С. П. Повном] / В. Захаров // Повный, С. П. У границы строгое лицо : повесть в рассказах / С. П. Повный. – Благовещенск, 1994. – С. 5–6.

Зубарев, И. Всю жизнь оставаться бойцом : [о С. П. Повном: жизнь и творчество] / И. Зубарев // Аргументы и факты. – 2010. – 20–26 окт. – Прил.: с. 3. – (АИФ–Благовещенск).

Маковецкая, Л. «Эту книгу нельзя читать без слез» : [о кн. С. Повного «Моя война»] / Л. Маковецкая // Самовар. – 2005. – 12 апр. – С. 9.

Михайлов, С. Память – горькая, слава – гордая! : [об амур. писателе С. Повном, одном из авторов сб. амур. поэтов «Память горькая, слава – гордая!»] / С. Михайлов // Граница России – Дал. Восток. – 2012. – 27 янв. – 2 февр. (№ 4). – С. 7.

Назарова, И. [О книге С. П. Повного «Дойду до Берлина»] / И. Назарова // Амур : лит.-художеств. альм. – 2008. – № 7. – С. 64. – (Книжная лавка).

Оробий, С. П. Повный Станислав Петрович : [биогр. справка и список лит.] / С. П. Оробий // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков / сост., ред., вступ. ст. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2013. – С. 302–304.

Палей, Н. Ни в чём не отставать от других ... [о поэте С. Повном] / Н. Палей // Благовещенск. – 1998. – 27 нояб. – С. 5.

Повный С. Моя война ; Дойду до Берлина : [тема Великой Отечеств. войны в творчестве С. Повного] // Десять книг о войне : беседы с родителями о кн. амур. писателей / сост. О. А. Барсова. – Благовещенск : АОНД, 2009. – С. 9–11.

Повный, С. Служу Отечеству : [интервью с поэтом С. Повным о его творчестве] / С. Повный // Амур. дилижанс. – 2002. – 5 июня (№ 22). – С. 3.

Станислав Повный // Игнатенко И. Неумолкающее эхо : амур. поэты о Великой Отечественной войне : очерк / И. Игнатенко// Приамурье-2015 : альм. : лит.-художеств. изд. – Благовещенск : РИО, 2015. – № 13 (31). – С. 20–21.

Станислав Повный : об авторе // Я люблю эту землю... : сб. для семейного чтения. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2013. – Вып. 2. – С. 213–214.

Комаров Пётр Степанович: время бесстрашных

В годы Великой Отечественной войны многие дальневосточные писатели и поэты служили в действующей армии или участвовали в военных действиях в качестве корреспондентов. Среди них был и Пётр Степанович Комаров (11.07.1911–30.09.1949).

В мае 1941 года, в связи с обострением болезни лёгких, Пётр Комаров поехал в отпуск в Казахстан, на курорт «Шафраново». 22 июня началась Великая Отечественная война. Не окончив курс лечения, поэт решил вернуться в Хабаровск. Возвращение было трудным и длительным: на железных дорогах развернулись военные перевозки, пассажирские поезда на восток постоянно задерживались, уступая путь воинским эшелонам, непрерывно идущим на запад. Почти три недели добирался Комаров до Хабаровска. С началом войны многие дальневосточные прозаики и поэты ушли на фронт. Комаров тоже хотел пойти в действующую армию. Но ему отказали: не позволяло здоровье, он давно был снят с воинского учёта. Комаров перешёл в Хабаровское отделение ТАСС, на должность корреспондента краевого отделения ТАСС, печатался в «Тихоокеанской звезде», был активным корреспондентом армейской газеты «Тревога».

В Хабаровске группа художников и литераторов стали выпускать сменные «окна» сатирических плакатов «Удар по врагу», возникшие по инициативе писателей Н. Рогая, П. Комарова и Д. Никишкина. В них сообщалось о положении на фронте, сатирически высмеивались захватчики нашей страны. Создавались «Окна» на основе последних сводок Совинформбюро, фронтовых корреспонденций в газетах, а также на основе ещё не опубликованных, полученных в самом конце ночи тасовских материалов.

Вскоре П. Комаров стал одним из самых значимых организаторов выпуска плакатов. Спустя семь лет поэт вспоминал об этом периоде жизни в автобиографии: «Большинство моих книг, как можно заметить, издано в годы Великой Отечественной войны. Работал я в эти годы много и напряжённо, и удивляюсь, откуда только брались силы! Так было, наверное, у всех советских людей. Писались ли стихотворная листовка на фронт, сатирический текст к плакатам, газетная статья или весёлая частушка по заказу махорочной фабрики, выпускавшей махорку для солдат Советской армии, – для всего находилось время, всё делалось с увлечением, какого мы не знали раньше».

Подписи П. Комарова к агитплакатам отражали создание санитарных дружин и отрядов самообороны, донорства, его стихотворения на листовке, открытке или этикетке махорочной фабрики, шедших многотысячными тиражами на фронт, призывали воинов умело и бесстрашно действовать в бою.

Показательны строки из характеристики для горвоенкомата, выданной ответственным секретарем Хабаровского отделения Союза советских писателей Н. Рогалем 10 ноября 1942 года: «Антифашистские стихи П. Комарова, его подписи к плакатам “Удар по врагу”, его стихи, воспевающие доблесть и мужество героев Красной Армии и героев трудового фронта, широко известны не только в нашем крае, но и за его пределами».

На страницах краевых газет всё чаще стали печататься стихи поэта, пронизанные тревогой за судьбу Родины, они выражали справедливый гнев и ненависть народа к фашистским захватчикам: «Вандалы», «Старик», «Святая месть» и другие.

В феврале 1942 года Комаров выехал в Комсомольск – участвовать в выпуске многотиражной газеты на стройке первого в крае металлургического завода «Амурсталь». 15 февраля наступил день первой плавки. Этому яркому событию в жизни металлургов Петр Комаров посвятил стихотворение «Обед для незваных гостей», написанное в ту же ночь для праздничного номера газеты. Юмористически заостренное

в форме сказки-были, стихотворение строится на художественной гиперболе, преобразующей сам факт производства стали для фронта в подготовку «обеда» для фашистских захватчиков. Тема решается в соответствии с фольклорной традицией: «обед» изображается обильным, по обычаю широкого русского хлебосольства, в «меню» содержались типичные русские национальные блюда. А перечень блюд и приправ имел двойной смысл: он давал образное представление о варке стали с примесью к шихте химических специй, и в то же время подразумевал различное оружие, что в качестве «блюдов» шло для «угощения» врагов. Весёлый юмор, с каким изображалось мастерство и удаль «поваров»-сталеваров соответственно переходил в сатирическую картину гибели фашистов.

В годы Великой Отечественной войны П. Комаров сразу же откликнулся на беду народную. В стихотворении «Родина» он находит зримый образ: «Колея на запад пролегла» «длинными солдатскими ремнями». Развивая удачно найденный образ, в чеканных строках метафорически изображает «Родину любимую» свою «воином», она «предстала перед нами» «Вся перепоясанная строго / Поясами фронтовых дорог». Как отмечает профессор БГПУ О.И. Щербакова: «Многие стихи военного времени носят патриотический характер, они задушевные, лиричны, напевны».

Во время войны вышли сборники стихов П. Комарова: «Время бесстрашных» (1941), «Как пруссак попал впросак» (1942), «С востока на запад» (1943), «Хинганский родник» и «Золотая просека» (1945). Стихи военного времени были завершены циклом «Маньчжурская тетрадь», куда вошли произведения об освобождении Советской Армией Северо-Восточного Китая, Монголии и Кореи. Этот цикл стихов относится к лучшему, что написано нашими поэтами об исторической миссии советского солдата на Востоке.

В первом военном сборнике П. Комарова «Время бесстрашных» большое место занимали стихотворения о боевых действиях советских войск, о мужестве и стойкости наших бойцов и командиров, отражавших натиск врага. В сюжетных стихах: «Хлопец» – о юном колхознике-партизане, «Наташа» – о девушке-медсестре, «Возмездие» – о старике-крестьянине, мстящем за злодеяния фашистов, автор стремился поэтическим языком зримо обрисовать то, что происходило как на фронте, так и на оккупированной территории.

В стихотворении «К оружию, патриот!» (1941) Комаров призывает каждого человека встать на защиту родного дома и необъятной Родины:

*В твой дом родной и твой очаг
Стучит прикладом лютый враг,
Он у твоих ворот.
К оружию, патриот.
Расчёты варвара грубы
Он – господин, а все – рабы.
У нас же с ним один расчёт:
К оружию, патриот!
Родная мать, в твоих детей
Фашистский целится злодей.
Но – смерть за смерть – сказал народ.
К оружию, патриот!
Гранатой бей, коли штыком.
Близка победа над врагом.
Взгляни вперёд: она идёт.
К оружию, патриот.*

Одна из тем стихотворений 1941 года – судьба городов, которым грозит враг, в первую очередь, Москвы, Ленинграда. Эти столичные города отделены от наших, дальневосточных, тысячами километров. Можно быть спокойным за себя, за своих близких, за родной дом. В стихотворении «Московскому другу» (1941) поэт не ощущает спокойствия, потому что «...есть расстоянье прямое / От нас до Кремлёвской стены». Передано в стихотворении чувство сопричастности с тем, что происходит сейчас в Москве: «С высоких отрогов Приморья / Мне древние башни видны. / Иду я по сопкам горбатым, / И кажется: дым фронтовой, / Проплыв над вечерним Арбатом, / Повис над моей головой». Просто, задушевно говорит поэт о близости русских людей всей страны, и это как раз находит отклик в душе читателя.

Тема судьбы городов также нашла отражение в стихотворениях «Тебе, Москва» (1941), «Сердцем – к сердцу» (1941), «Мы с тобой, Ленинград» (1941), «Рядом с тобой» (1941).

Во всех этих стихотворениях варьируется одна главная мысль: сопричастности делам и подвигам фронтовиков. Комаров показывает, как тыловики оказывали колоссальную поддержку тем, кто находится на местах сражений. Например, в стихотворении «Тебе, Москва!» (1941), звучат строки, в которых автор от миллионов людей, находящихся далеко от Москвы, поддерживает бойцов, беспощадно истреблявших врага.

*Москва! В суровый этот час
Ты не одна в борьбе, –
Нет, миллионы верных глаз
Устремлены к тебе.*

Несмотря на отдаленность от мест сражений, люди, находившиеся в тылу, были связаны невидимыми нитями с теми, кто непосредственно принимал участие в боях. Наиболее ярко это показано в стихотворении «Сердцем – к сердцу» (1941):

*Сердце невидимые нити
Единым связаны узлом.*

Развернутая метафора «нити сердец» наиболее полно отражает взаимосвязь людей, находящихся в разных концах страны.

Несмотря на то, что столичные города отдалены на несколько тысяч километров от Дальнего Востока, в стихотворении «Московскому другу» (1941) Комаров всё же не ощущает спокойствия за жителей, потому что «есть расстояние прямое/ От нас до Кремлевской стены». Непосредственную связь со столицей и её жителями ощущает поэт, он будто сокращает расстояния между городами.

*С высоких отрогов Приморья
Мне древние башни видны.
Иду я по сопкам горбатым,
И кажется, дым фронтовой,
Проплыв над вечерним Арбатом,
Повис над моей головой.*

В стихотворении открыто, задушевно выражено чувство сопричастности поэта с тем, что происходит сейчас в Москве.

В местном отделении ТАСС Комаров вёл рубрику «Вестник краевой информации» с первых дней войны, из которой хабаровчане первыми узнавали все новости о трудовых делах земляков. Поэт устанавливал контакты с колхозами, совхозами, заводами, железнодорожными узлами, строительными площадками края. Все это позволяет судить о том, насколько был информирован Петр Комаров о делах края.

Чувство причастности к героическому труду фронтовиков рождалось у Комарова при непосредственном общении с теми, кто работал для нужд фронта – создавал вооружение, строил военные заводы, варил сталь. В теме Великой Отечественной войны у Комарова появляется мотив тружеников тыла, отраженный в стихотворениях «Аэроград» (1942),

«Амурсталь» (1942), «Пути тысячеверстные легли» (1942), «Энский завод» (1942), «Ночной цех» (1942), «Награда» (1942), «Ходит слава по заводу» (1942), «Надпись на подарке» (1942).

Зимой 1942 года в городе Комсомольске развернулась ударная стройка: по приказу Государственного Комитета Оборона строителям необходимо было ввести в строй завод «Амурсталь» и как можно скорее выдать металл для нужд оборонной промышленности. Краевой комитет партии послал туда выездную редакцию «Тихоокеанской звезды», в том числе и Петра Комарова.

В этих стихотворениях отражена напряженная работа тех, кто находился в нескольких тысячах километрах от мест сражений, но знал, что на их плечах лежит огромная ответственность и долг перед всей страной. Люди разгружали ящики с деталями для станков, всю ночь проводили на заводе за работой.

Небольшое стихотворение «Энский завод» (1942) написано в те дни, когда поэт по собственной инициативе работал на заводе. Перед нами предстает картина разгрузки и установки деталей эвакуированного с Украины завода. Благодаря мастерству поэта и его богатой фантазии, завод превращается в образ завода-воина:

*Как воин, совершающий отход
На новые позиции среди боя, –
Он выбрал их и снова в бой идет,
И день и ночь дымя своей трубойю.*

По словам А. Татуйко: «Образ получает воплощение благодаря, во-первых, типичности взятой ситуации, а во-вторых, точным реалистическим деталям, которые так хорошо были знакомы поэту по личному опыту». Ящики, разгружаемые с платформ, станки, пыль, сыроватый запах песка и глины – все это придает образу завода-воина осязаемость, мы легко можем представить его в своем воображении.

Поэтизация трудового подвига в тылу получит свое дальнейшее развитие в стихотворении «Ночной цех» (1942), где создана картина напряженной ночи в только что отстроенном цехе.

*Всю ночь горели за спиной
Огней кочующие вехи,
И ветерок тайги ночной
Был между нами в гулком цехе.*

Стихотворение поражает своей реалистичной картиной, созданной по воспоминаниям самого поэта. Подлинный героизм тружеников за-

ключался в добросовестном, бескорыстном труде. Каждый осознавал серьезность того, чем он жертвует во благо страны, находящейся в опасности. Несмотря на отдаленность от мест сражений, любой ощущал себя непосредственным участником боя.

*Ты и в работе – фронтовик,
Ты и в труде – участник боя.*

Прошло время, и заводской цех, и площадки строек сменились картинами сельской жизни. Поэт отправился к хлеборобам Амурской области. Поездка эта была наполнена интересными встречами и новыми впечатлениями. Так в военной теме Комарова появляется мотив сельских тружеников, прошедший через стихотворения «Дзот в степи» (1943), «Военно-полевая дорога» (1943), «Вечер на полевом стане» (1943), «Зерновой двор» (1943), «Осень в деревне» (1943).

В стихотворении «Дзот в степи» (1943) мы видим степь военного времени со своими приметам. Едва Комаров увидел родную степь, как встрепенулась его душа. Ему показалось, что он перенесся в детство, увидев степь «вся в желтых пятнах молочая, в цветах ромашки полевой»

*И вечно будет одинаков
Для нас дымок степных палов,
Летучий снег июльских маков
И поздний крик перепелов.*

Поэт вспоминает, что степь всегда была такой, в далёком детстве и сейчас. Но дзот – та самая примета военного времени возвращает его в настоящее.

В стихотворениях, посвящённых сельским труженикам, проходит идея присутствия близкой границы, которая в любой момент может стать огненной чертой. Но, к счастью, этого не случилось, потому что на востоке армия твёрдо держала оборону. А в тылу страны кипела жизнь: трудились колхозники, которым выпала не менее легкая доля, чем людям, защищавшим Родину от вражеских сил. В стихотворении «Зерновой двор» (1943) показана напряжённая жизнь степи в разгар осенней страды:

*Здесь слышен только стук лопат,
Глухая речь машин, и всюду
Зерно шумит, как водопад,
Как дождь, который не забуду...*

О стихотворениях «Вечер на полевом стане» (1943), «Осень в деревне» (1943) и о других нельзя сказать, что это пейзажные стихи, хотя они наполнены пейзажными зарисовками:

*Пахнет полынью и мятой,
И от соседних болот
Легкий туман сизоватый
Низко над степью плывет.*

Главной задачей автора всё же становится показать напряженность обстановки в совхозной деревне, где работа идёт под девизом помощи фронту:

*За первым проселочным знаком
Раскинулся стан полевой.
Деревня стоит бивуаком,
Как будто готовится в бой...*

С темой Великой Отечественной войны, в стихотворениях П. Комарова связаны не только мотивы судьбы городов, которым грозит враг, мотив тружеников тыла, мотив сельских тружеников, но и мотив благодарности советским воинам-освободителям.

*Полушубок.
Взволнована важной причиной,
Старушка сюда забрела.
Простой полушубок овчинный
Она в партбюро принесла.*

*Вошла и неловко сказала:
«Вот эту овчину свою,
что я для зимы сберегала,
советским бойцам отдаю».*

В самый разгар войны, в 1943 году, Комаров написал стихотворение «На краю России». Идёт война, решается судьба России, а поэт, по мнению современных ему критиков, пишет о каких-то босых землекопах, топором прорубающих путь, о Беринге, поднявшем над дикими скалами флаг Петра, о поздних жалобах птиц, о вековечном покое тайги. Во время войны были люди, которых это возмущало. Они считали, что не патриотично писать подобные стихи в разгар сражений за родину. Известный поэт-амурчанин Олег Маслов сказал: «И невдомёк им было <критикам>, что всё это и есть самое дорогое, что защищается нашими

солдатами сейчас на полях сражений. Что более патриотичных стихотворений, чем “На краю России” и “Приамурье”, трудно представить».

В тяжёлые военные годы советские люди ощутили силу и величие национальных традиций. Нужно было осмыслить истоки героизма и патриотизма народа. И в творчестве Петра Комарова, как и в творчестве других писателей, начинает звучать историческая тема. Не случайно Петр Комаров обращается к истории. Как отмечает И. Добровольская: «Победы предков стали для дальневосточников примером служения Родине».

Патриотизм стихотворений, написанных во время войны, заключается в том, что поэт, раскрывая образ родной земли, обращается к её истории. Он раскрывает чувство привязанности к земле родной без ложного пафоса. Стихи очень душевны, лиричны. В стихотворении «На краю России» Пётр Комаров использует свой излюбленный приём – обращение к России как живому существу, как к товарищу, другу. На протяжении всего стихотворения звучат эти обращения: «Ты пугал меня, край лесной...»; «Ты и здесь обжилась, Россия, / С неподкупной своей судьбой!..»; «С Ерофеем – крестьянским сыном – / Ты из Вологды шла сюда...»; «Не забудь их, моя Россия, / Добрым именем помянуть...»; «Ты и здесь мне мила, Россия, – / Край суровый мой, край родной!». Доверительные интонации, душевность появляются благодаря найденному приёму.

Постепенно нарастает воодушевление поэта, который обозревает просторы России «от Москвы до конца земли» в поисках той минуты, когда он с удовлетворением сможет воскликнуть: «Всё здесь русское, всё здесь наше!». Так поэт передал ощущение единства дальневосточного «края сурового... края родного» со всей страной.

Историческая тема настолько увлекла П. Комарова, что рамки стихотворения показались ему узкими, и он обратился к монументальному жанру поэмы. В конце 1943 года Комаров завершил большое поэтическое повествование – амурскую легенду «Серебряный кубок», посвящённую мужественным первопроходцам, которые защищали приамурские земли от маньчжурских завоевателей.

Поэма «Серебряный кубок» – самая короткая по количеству строк из трёх поэм Комарова, но самая значимая по смыслу и патриотическому звучанию, была актуальна в год её написания и не потеряла актуальности в наши дни.

Известный дальневосточный журналист Евгений Корякин рассказывает, какие обстоятельства подвинули Петра Комарова взяться за перо: «В разгаре Вторая мировая. Самый пик её кульминации. На курских и белгородских чернозёмах, в плодородных степях под Прохоровкой

перемалывалась и крошилась в прах тевтоская сила, нахлынувшая на Отечество страшным потоком. Русская уральская сталь противоборствовала с немецкой крупновскою. Смертельный поединок обернулся тем, что русские выстояли и победили». А на Дальнем Востоке за рекою в полной готовности стояли отборные полки и дивизии японской императорской армии, готовые в любой момент вступить на нашу территорию. Поистине небывалую стойкость и выдержку, граничащую с героизмом, являли русские бойцы.

Сюжет «Серебряного кубка» незамысловат и прост. Фабула поэмы сводится к вполне вероятному и, может быть, имевшему место событию. На верхнеамурскую заставу «Орлиный утёс» (есть такая, кстати, в ордена Красной Звезды Сковородинском пограничном отряде) пришёл убелённый сединами человек, назвавшийся потомком албазинских казаков. Он принёс в дар солдатам-пограничникам наследие предков – серебряный кубок. Из него пил воду, почерпнув в Амуре, сам письменный голова Василий Поярков, сподвижник якутского воеводы Петра Головина:

Встал в лодке Поярков и машет рукой:

«Подайте серебряный кубок!

Другое ему назначенье дано –

Быть вечной утехой народу.

Но ныне, казаки, я пью не вино,

А эту холодную воду».

Воды зачерпнув после речи такой,

Он пил её жадно и долго.

«Пусть будет Амур

нашей русской рекой,

Как старая матушка Волга!»

Кубок, которому прежде иное «...назначенье дано – / Быть вечной утехой народа», теперь символизирует живительные истоки народной силы и героизма, придающие мужество русским людям, осваивающим и защищающим дальневосточные земли, потому что они пьют из него «чистую светлую воду» Амура.

Рассказ старого албазинца передан поэтом строками скупыми, но полными рельефной красочности и точными историческими реалиями. Словно со страниц летописи албазинец называет дату похода Василия Пояркова. Именно тогда, в лето Господне одна тысяча шестьсо сорок третьего года, посадские жёны провожали в поход струги Пояркова – вверх по Лене, а затем – по Алдану, к Становому и Яблоновому хребтам, к водоразделу с бассейном Амура.

*Давно это было. Июльской порой
Шестьсот сорок третьего года
Казачков сибирских в поход боевой
Якутский послал воевода.*

*Посадские жёны кричали навзрыд,
Людей провожая охочих.
К Амуру, где эта застава стоит,
Казачки поплыли на кочах.*

*Кого они встретят в чужой стороне,
Каких там дождутся подарков?..
А кочи бегут и бегут по волне.
Ведёт их Василий Поярков.*

Рассказывается в легенде и о том, как казаки под предводительством Ерофея Хабарова взяли приступом крепость даурского князя Албазы, «и слух и глаза своей дальнотзоркой России». И о жестокой битве казаков с шестью тысячами маньчжурских солдат, в которой «от воина к воину шёл по рукам казачкий серебряный кубок». Таким образом, в поэме Комарова источником силы является серебряный кубок, наполненный водой Амура:

*Мы сами искали и черпали в нём
И доблесть свою, и отвагу,
Что крепче железа стоит под огнём,
И верность российскому флагу.*

Идея поэмы заключается в следующем: поэт видит в подвигах предков прямое продолжение подвигов современников. Потомок абазинских казаков дарит солдатам серебряный кубок как символ мужества и героизма предшествующих поколений, тех людей, кто первым ступил на амурскую землю, кто возвёл первое поселение – Албазинский острог, кто возвёл на берегах Амура посёлки и города, построил мосты и дороги.

*Рассказчик опять свою трубку набил,
Себя оборвав с полуслова,
К бойцу подошёл, у него прикурнул
И начал рассказывать снова:
«Был только единственный сын у меня,
Но парень в минувшее лето
Погиб от немецкого злого огня
Под Новгород-Северским где-то.*

*Я знаю – немало моих сыновей
Стоят, как всегда, на Амуре.
Я вам этот кубок сегодня даю,
Чтоб вы сохранили навеки
И русское солнце в родимом краю,
И русские земли, и реки»*

Символично, что воины пограничной заставы принимают серебряный кубок, овеянный реальными легендами, олицетворяющий героизм и мужество предшествующих поколений, а значит, принимают эстафету своих отцов и дедов, чтобы вписать в неё новые героические страницы.

Комаров подчёркивает живую преемственную связь между казаками атаманов Василия Пояркова и Ерофея Хабарова и воинами сегодняшнего дня, защитниками дальневосточных рубежей. Причём символом этой героической преемственности, по мысли поэта, становится легендарный серебряный кубок, испив из которого, бойцы обретают силу и мужество в священной борьбе за Отчизну:

*По кругу серебряный кубок пошёл:
Дозорный, что был в карауле,
Сержант, что в дозор отделенье повёл, –
Все к этому кубку прильнули.*

*Не так ли и прадеды, в тесном кругу
Старинный сосуд поднимая,
Клялись не сдавать никакому врагу
Ни пяди российского края?!*

Не забывает Пётр Степанович и о лирике. В 1943 году он совершил поездку в Амурскую область и создал цикл стихотворений, в котором показал, какое участие приняли дальневосточники в войне: «Здесь покоем веяло когда-то, / И сейчас не слышится пальбы, / Но идут, как старые солдаты, / На восток дорожные столбы». Стихотворение «Сибирская легенда», созданное в 1943 году, рождает представления о боях, поэтому цветок сараны горит как «жаркая вспышка огня», и одновременно возникает мотив разлуки, рождённый образом «чьей-то косынки в лесу».

Когда в 1945 году советские воины, неся освобождение Северо-Восточному Китаю и Северной Корее, выступили против Квантунской армии, П. С. Комаров, невзирая на изнурявшую его болезнь лёгких, решил поехать на фронт. Ю. А. Шестакова пишет: «С большим трудом, преодолев немалое сопротивление и начальства, и врачей, Пётр Кома-

ров добился назначения в действующую армию. Вместе с писателем Николаем Задорновым – корреспондентом ТАСС, талантливым прозаиком, роман которого “Амур-батюшка” за год до этого вышел в местном издательстве, они проделали довольно большой путь с войсками 1-го и 2-го дальневосточного фронтов. Давняя их дружба, сложившаяся ещё в довоенную пору окрепла в совместных поездках по городам Маньчжурии. Рядом с Николаем Павловичем – человеком большого кругозора, предупредительным, весёлым и добродушным, Комарову было легче преодолевать неизбежные трудности. На маньчжурской земле многое открылось им тогда».

В своих воспоминаниях об амурских писателях «Литературные встречи» (журнал «Дальний Восток», № 3, 2012) амурский поэт О. К. Маслов в главе «Они были друзьями» рассказывает о встрече с Н. П. Задорновым: «Николай Задорнов и Пётр Комаров были друзьями. В 1945 году они оба имели удостоверения корреспондентов телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС), что давало право находиться в действующей армии и получать нужную информацию. Поэтому, как только началась война с Японией, Задорнов сразу оказался в пекле событий. А Комаров остался: был серьёзно болен, врачи и жена удерживали его дома.

– Но, как только я пересёк границу, – сказал Николай Павлович, – понял, что если Комаров не примет участие в этом походе, то потеряет нечто такое, что потом никогда не восполнит. И я вернулся в Хабаровск, уговорил жену отпустить Петра. <...>, и она мне поверила и доверила».

В августе 1945 года они выехали в качестве корреспондентов Хабаровского краевого отделения ТАСС в освобождаемые районы Маньчжурии, расположенные в радиусе действий 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов Советской Армии. В документе, выданном поэту, определено задание: «Описать жизнь маньчжурского населения при оккупантах, зверства и издевательства японцев над китайцами, работу советских комендантов, установление новой жизни в городах». За месяц с небольшим Комаров и Задорнов побывали в городах Санчагоу, Муданьцзяне, Нингуте, Дуньхуа, Харбине и окрестных сёлах, став живыми свидетелями и участниками маньчжурского освобождения от японских захватчиков. Комаров видел, как беспомощные местные жители приветствовали советских воинов-освободителей. В Государственном архиве Хабаровского края сохранилась записная книжка П. Комарова, на которой рукой поэта написано: «Записи сделаны во время поездки с армией по Маньчжурии в 1945 г.».

На основании острых впечатлений тех тяжелых дней возникли стихи, вошедшие в циклы «Манчжурская тетрадь» (1945), «Монгольские стихи» (1946), «Корейские мотивы» (1946), «На сопках Маньчжурии» (1946) которые вошли в книгу «Под небом Азии» (1947).

В цикл «Манчжурская тетрадь» входят стихотворения «Санчагоу» (1945), «Сунгарийские болота» (1945), «Фарфоровая ваза» (1945), «Китайчата» (1945), «На чужбине» (1945), «Вечер на Сунгари» (1945) и другие. Глубина и разносторонность тем и интонаций была присуща всем этим произведениям. Они содержали множество разнообразных картин и обобщений – настолько широко удалось Комарову охватить знаменательные события своего времени и проникнуть в их смысл.

Известно, что природно-климатические условия, в которых проходил освободительный поход, были исключительно тяжелыми. Пётр Комаров в стихотворении «Сунгарийские болота» (1945) даёт удручающую картину болот, увиденную им с самолета.

*Ты вниз посмотрел с самолёта, –
И ты не увидел привычной земли:
Глухие разводья, протоки, болота,
Озёра и топи лежали вдали.*

Последняя строфа стихотворения неожиданного обогащает первую:

*Бездонные топи. Озера. Болота.
Зелёная, рыжая, желтая мгла.
Здесь даже лететь никому не охота.
А как пехота все это прошла?*

Финальные строчки сразу вторгаются в память и властно заставляют повторять себя снова и снова. Всё больше – вместе с автором – удивляться отражённому ими событию. Им самим – тоже. «Здесь даже лететь никому неохота. А как же пехота прошла?». «Даже лететь!..», «А как же... прошла?!». В этом будто бы суховатом («риторическом» – по суровому определению одного из критиков) вопросе улавливается широкая градация смысловых и эмоциональных оттенков – от недоумения, даже откровенной растерянности, до восторженного изумления и, более того, преклонение перед подвигом наших пехотинцев, совершивших невероятное. Читатель ощущает в этих строках восторженное удивление автора, поражающегося стойкости и терпению советского война.

Мотив благодарности советским воинам-освободителям, благодарности, звучавшей из уст корейцев, китайцев, манчжуров, проходит через стихотворения «Фарфоровая ваза» (1945), «Вечерняя школа русско-

го языка в городе Нинани» (1945), «Китайчата» (1945), «Вечер на Сунгари» (1945), «Дорога на Дуньхуа» (1945).

Наиболее ярким впечатлением освободительного похода было то, как встречали воинов советской армии, принесших людям свободу. В стихотворении «Дорога на Дуньхуа» (1945) описывается как раз один из таких моментов, когда восторженные жители встречают освободителей:

*Люди вскинули, как полымя,
Красный флаг над головой,
Машут нам широкополыми,
Шляпами наперебой.*

Сцены такого рода, свидетелем которых был Комаров, глубоко запали ему в сердце. Например, в стихотворении «Фарфоровая ваза» (1945) встречаются такие строки:

*Тебе навстречу, будто ожидая
Не первый год спасителей своих,
Выходит китаянка молодая
И к танку прикасается на миг.
Она выносит вместо хлеба-соли
(Здесь хлеба не видали с давних пор)
Всё, что сумела сохранить в неволе, –
Драконами расписанный фарфор.*

Освобожденный народ бесконечно благодарен русским воинам, готов отдать последнее, что у них осталось. В конце этого стихотворения поэт высказывает мысль о том, что русский человек повсюду «от Праги до Китая» со своей гуманистической освободительной миссией был желанным гостем.

Надолго запоминается рослая фигура сержанта Пахома Пономаренкова из стихотворения «Китайчата» (1945), угощавшего освобождённых китайских детей своим домашним пирогом:

*Хоть от усушки и утруски
Не так уж сдоба хороша, –
Я угощаю вас по-русски,
Как мне велит моя душа...*

И весёлый повар не смог остаться в стороне, он досыта накормил ребятишек:

*Наш повар шустрым китайчатам
Дал знак движением руки:
– А ну-ка, хлопцы! Борщ горячий! –
И показал на котелки.
В благодарность за это китайчата:
Недаром же ему вдогонку,
Пока не замер гул шагов,
Они выкрикивали звонко,
Легко и весело: – Шанго!*

А стихотворение «Вечерняя школа русского языка в городе Нинани» (1945) заканчивается так:

*– Вы думаете, это входит в моду? –
Мне говорили в дальнем уголке,
– Мы много- много русскому народу
Хотим сказать на русском языке.*

Много слов благодарности слышали тогда в свой адрес советские воины-освободители от жителей, освобожденных от оккупации территорий.

Лирический герой этих произведений – пламенный патриот. И в то же время он интернационалист, не жалеющий своей жизни для освобождения китайского народа из-под японского ига. Об этом стихотворение «Санчагоу»:

*...Мерцает и качается слегка
Цветной фонарь из рисовой бумаги.
Шаги конвоя. Тусклый блеск штыка
И солнце самурайское на флаге...*

*Бездомный пёс пролаял на луну.
И снова – ночь. И ничего другого.
...Мы расстреляли эту тишину,
Когда входили в город Санчагоу.*

В ряде стихов этих циклов Комаров встречаются описания деталей местного колорита, увиденных глазами автора или его лирического героя. Например, в стихотворении «Степной бивак» (1946) боец, отдыхающий на воинском биваке, следит за лунной дорожкой на песке, которая «То вспыхнет вся, то скроется во мраке»:

*То ляжет над кочевьями Жэхэ,
Где пахнет степь кизячными дымками,*

*Кумысом, забродившем в козжухе,
Бараньей шерстью, салом, курдюками...*

В некоторых стихотворениях этих циклов, в особенности монгольских, Комаров «использует характерные традиции национальной поэзии, идущие, в свою очередь, от фольклора», – замечает Б. Рясенцев. Они заключаются в метафорическом изображении природы Комаровым. Отсюда у Комарова в стихотворении «Чахар» (1946) ветер изображен метафорически:

*Скоро пригонит ветер-пастух
Гурт облаков грозовых в Чахару.*

А в стихотворении «Степной бивак» (1946) ночь уподобляется «монголке» – лошади.

*Осенних звезд несметные стада
Монголка-ночь ведет по небосклону.*

Причём уподобление здесь двойное, оно звучит и в последней строфе:

*Монголка-ночь ведет по небесам
Осенних звезд табун неисчислимый.*

Комаров обращается к эстетическим богатствам с целью обогащения изобразительных средств русского поэта, это давало, по словам Б. Рясенцева: «Возможность художественно убедительнее рассказать об увиденном».

Комаров филигранно точен в своих беглых характеристиках встреченных людей: массовые сцены на улицах (стихотворение «Харбин»), портретные зарисовки в стихотворении «Старик», экспрессивный рисунок идущей по улице женщины, у которой «...и в руках – узлы, на голове – корзина и плачущий ребёнок за спиной» (стихотворение «Кореянка»). Пётр Комаров часто использует приём перечисления, придающий эмоциональную нагрузку стихотворению. Так, например, в стихотворении «Харбин» приём перечисления служит передаче всплеска радости на улицах городов, куда вошли советские воины-освободители с красными флагами и цветами на штыках:

*Никто не позабудет этой встречи:
Увитых георгинами штыков,
Малюток чьих-то, поднятых на плечи,
Коленопреклонённых стариков,*

*Мужской слезы, оброненной впервые,
Молитвенного ропота вокруг,
И взглядов нежных: «Русские! Родные!»
И трепета горячих женских рук.*

«Маньчжурская тетрадь», все три цикла Петра Комарова, куда вошли стихотворения о Китае, Корее и Монголии – явление уникальное в отечественной поэзии. Не только в силу единственности такого широкого взгляда, объемлющего многоликие страны Азии, но и по художественной выразительности описаний и силе образов, созданных автором.

Короткий жизненный путь отмерила судьба Петру Степановичу Комарову, но своим поэтическим пером он успел принять участие в Великой Отечественной войне, а завершил её военным корреспондентом действующей армии в победном сентябре 1945 года.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ П.С. КОМАРОВА

- Время бесстрашных : стихи. – Хабаровск : ОГИЗ : Дальгиз, 1941. – 56 с.
Избранное : стихи и поэмы. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1973. – 336 с.
Избранное : стихи. – Москва : Гослитиздат, 1950. – 272 с.
Избранное : стихи. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1959. – 288 с.
Избранное : стихи. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1992. – 256 с.
Избранное : стихотворения и поэмы. – Москва : Совет. Россия, 1982. – 448 с.
Избранные стихи. – Москва : Совет. писатель, 1950. – 140 с.
Как пруссак попал впросак : сатир. стихи. – Хабаровск : Дальгиз, 1942. – 54 с.
На сопках Маньчжурии : стихи. – Хабаровск : Дальгиз, 1946. – 64 с.
Под небом Азии : стихи. – Москва : Совет. писатель, 1947. – 88 с.
С востока на запад : стихи. – Хабаровск : Дальгиз, 1943. – 80 с.
Серебряный кубок : амур. легенда // Амур – река подвигов. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1971. – С. 224–228.
Сочинения : стихи. – Хабаровск : Дальгиз, 1951. – 560 с.
Стихи и поэмы. – Иркутск : Иркут. обл. гос. изд-во, 1950. – 240 с.
Стихи. – Чита : Читин. обл. гос. изд-во, 1951. – 184 с.
Стихотворения. – Хабаровск : ОГИЗ : Дальгиз, 1947. – 288 с.
Стихотворения и поэмы. – Москва : Художеств. лит., 1977. – 430 с.
Стихотворения. – Москва : Художеств. лит., 1960. – 264 с.
У берегов Амура : стихи. – Хабаровск : Дальгиз, 1940. – 84 с.
Хинганский родник : стихи. – Хабаровск : Дальгиз, 1945. – 72 с.

ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ П. С. КОМАРОВА

Богатова, Е. И. П. С. Комаров – певец Советского Дальнего Востока (1911–1949) / Е. И. Богатова. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1951. – 112 с.

Богоявленский, П. Поэзия П. С. Комарова (1911–1949) / П. Богоявленский // Комаров, П. С. Избранное : стихи и поэмы. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1973. – С. 5–24.

Вольпе, Л. Заветные струны : о стихах Петра Комарова // Комаров, П. С. Стихотворения и поэмы. – Москва : Художеств. лит., 1977. – С. 5–12.

Гай, А. А. Жизнь – источник поэтического слова : заметки о языке стихов П. Комарова / А. А. Гай // Дал. Восток. – 1955. – № 2. – С. 151–163.

Гай, А. А. Наш земляк : воспоминания о Петре Комарове / А. А. Гай // Приамурье : лит.-художеств. альм. – Благовещенск : Амур. кн. изд-во, 1955. – № 4. – С. 317–338.

Гай, А. А. Пётр Комаров : очерки жизни и творчества / А. А. Гай. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1956. – 176 с.

Гай, А. А. Поэт Пётр Комаров : крит.-биограф. очерк / А. А. Гай // Дал. Восток. – 1950. – № 4. – С. 98–116.

Добровольская, И. Творческое горение : Пётр Комаров – классик дальневост. лит. / И. Добровольская // Дал. Восток. – 2011. – № 3. – С. 142–149.

Еселев, Н. Х. Пётр Комаров / Н. Х. Еселев // Комаров, П. С. Стихотворения. – Москва : Художеств. лит., 1960. – С. 5–20.

Еселев, Н. Х. Пётр Степанович Комаров / Н. Х. Еселев // Комаров, П. С. Лирика. – Москва : Совет. Россия, 1968. – С. 5–13.

Еселев, Н. Х. Пётр Степанович Комаров // Еселев, Н. Х. Писатели-землепроходцы / Н. Х. Еселев. – Москва : Совет. Россия, 1972. – С. 194–209.

Задорнов, Н. Это было в Маньчжурии : [к 75-летию со дня рождения П. Комарова] // Дал. Восток. – 1986. – № 7. – С. 144–147.

Иртышский, Б. Здравствуйте, товарищ Комаров! : репортаж с места событий / Б. Иртышский // Дал. Восток. – 1976. – № 8. – С. 139–140.

Комаров П. Избранное : [тема Великой Отечеств. войны в творчестве П. Комарова] // Десять книг о войне : беседы с родителями о кн. амур. писателей / сост. О. А. Барсова. – Благовещенск : АОНД, 2009. – С. 5–7.

Корякин, Е. Амурская твердыня : [о поэме П. Комарова «Серебряный кубок»] // Комаров, П. С. Серебряный кубок. – Хабаровск : Ковчег, 2006. – С. 4–26.

Крюков, Н. Пётр Комаров и его стихи / Н. Крюков // Комаров П. С. Избранное : стихотворения и поэмы. – Москва : Совет. Россия, 1982. – С. 3–18.

Лукин, Ю. Стихи на службе народу («Зелёный пояс», «Новый перергон», «Маньчжурская тетрадь» П.С. Комарова) / Ю. Лукин // Советская

литература на подъёме. Лауреаты Сталинских премий 1949 года : сб. ст. – Москва : Совет. писатель, 1951. – С. 240–247.

Маслов, О. К. Литературные встречи : из воспоминаний / О. К. Маслов // Дал. Восток. – 2012. – № 3. – С. 200–213.

Машуков, И. Пётр Степанович Комаров // Комаров, П. С. Сочинения : стихи. – Хабаровск : Дальгиз, 1951. – С. 3–20.

Певец родного Приамурья : о жизни и творчестве Петра Комарова : информ-метод. материалы / Амур. обл. науч. б-ка им. Н.Н. Муравьева-Амурского / сост. В. В. Соломенник. – Благовещенск, 2013. – 136 с. + 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – (Русские судьбы: амурские писатели ; вып. 3).

Пётр Комаров // Игнатенко И. Неумолкающее эхо : амур. поэты о Великой Отечеств. войне : очерк / И. Игнатенко // Приамурье–2015 : альм. : лит.-художеств. изд. – Благовещенск : РИО, 2015. – № 13 (31). – С. 11–12.

Пётр Степанович Комаров : [биограф. справка] // Писатели Дальнего Востока : биобиблиограф. справ. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1973. – С. 120–125.

Рогаль, Н. Новая книга о Петре Комарове : [о кн. Б. Рясенцева «Пётр Комаров : лит. портр.»] / Н. Рогаль // Дал. Восток. – 1976. – № 8. – С. 135–138.

Рясенцев, Б. К. Изумлённость : о творчестве Петра Комарова / Б. К. Рясенцев. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1979. – 128 с.

Рясенцев, Б. К. Пётр Комаров / Б. К. Рясенцев. – Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1976. – 72 с. – (Серия «Литературные портреты»).

Рясенцев, Б. К. «Помнишь, как мы уходили из дома» : [о поэзии П. Комарова] / Б. К. Рясенцев // Проспект Пушкина. – 2004. – 8 дек. – С. 3.

Татуйко, А. Героика ратного подвига : поэзия П. Комарова воен. лет / А. Татуйко // Дал. Восток. – 1983. – № 5. – С. 149–153.

Феоктистов, С. Золотая просека : [главы из повести о П. Комарове] / С. Феоктистов // Дал. Восток. – 1961. – № 5. – С. 109–126 ; № 6. – С. 125–143.

Феоктистов, С. Золотая просека : док. повесть, посвящ. замечат. рус. поэту Петру Комарову / С. Феоктистов // Дал. Восток. – 2011. – № 4. – С. 168–220 ; № 5. – С. 198–220 ; № 6. – С. 196–221.

Шестакова, Ю. Высокое и сокровенное слово : [к 75-летию со дня рождения П. Комарова] // Дал. Восток. – 1986. – № 7. – С. 139–144.

Шестакова, Ю. Родник его поэзии : [о жизни и творчестве Петра Комарова] / Ю. Шестакова // Комаров, П. С. Избранное : стихи. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1992. – С. 5–34.

Шестакова, Ю. Родник его поэзии : о жизни и творчестве Петра Комарова / Ю. Шестакова // Дал. Восток. – 1993. – № 4. – С. 127–149.

Щербакова, О. И. Изучение темы Великой Отечественной войны, отражённой в стихотворениях П.С. Комарова, на уроках литературы / О. И. Щербакова // Лосевские чтения – 2010 : материалы регион. науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2010. – Вып. 3. – С. 171–178.

Щербакова, О. И. Комаров Пётр Степанович : [биогр. справка и список лит.] / О. И. Щербакова // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XX веков / сост., вступ. ст. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2013. – С. 196–198.

Головин Андрей Андреевич: «окопная правда»

Точная дата рождения и смерти прозаика Андрея Андреевича Головина не установлена. В «Энциклопедии литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков» указано: «около 1915–1970-е годы (?)».

Перед Великой Отечественной войной Головин окончил военное училище в Одессе, служил на Дальнем Востоке, в Хабаровске. В городе Бикин занимал должность начальника разведшколы. Участвовал в советско-японской войне (1945). После жил в Благовещенске, работал техническим редактором в Амурском книжном издательстве, помощником режиссёра на Благовещенской студии телевидения.

А. Воронков в очерке об А. Головине «Фронт без тыла» пишет: «Я помню его с детства – наша семья жила с Головиными в Благовещенске в квартале друг от друга. О нём тогда много говорили: совсем недавно вышло первое издание его романа “Тыл-фронт” и уже готовилось его переиздание. Причина известна: до сих пор в нашем городе не рождался писатель такой величины, никогда ещё у нас не рождалось такое сложное и многогранное произведение, каким являлся роман ставшего мгновенно известным и популярным в народе Головина. <...> Это был человек с запоминающейся внешностью, худошавый, с острым взглядом. Его возраст было трудно угадать – он, как и все наши отцы-фронтовики, выглядел старше своих лет. Лихая этому поколению досталась доля – вот и состарила людей жизнь раньше поры».

Роман «Тыл-фронт» оказался одной из первых советских книг о войне 1945 года на Дальнем Востоке. Работа над книгой велась с 1953 по 1959 годы. За это время А. Головин, как отмечает Л. Васильев,

«художественно переосмыслил богатейший фактический материал, почерпнутый как из непосредственных наблюдений автора, так и путём изучения множества документов и материалов». Книга «Тыл-фронт» о фронте, тыловом по отношению к западному направлению, но готовом к отражению возможного нападения на СССР Квантунской армии союзника Гитлера милитаристской Японии.

Один из первых рецензентов романа Г. Буренкова пишет: «В романе А. Головина “Тыл-фронт” радует не только новизна темы, но и глубокое знание её. Убеждаешься, что автор был участником этих волнующих событий и ему хорошо знакомы причудливые, неприступные сопки, глухие таёжные тропы, распадки и глубокие ущелья. А главное – он хорошо знает тех, кто в невероятно трудных условиях стоял на страже Дальнего Востока <...> А. Головин доказывает, что дальневосточный рубеж – это тыл-фронт».

В 1958 году в Благовещенске вышла первая «Мёртва полоса», а в 1960 году – вторая «Смертельный удар» часть книги монументального произведения А. Головина «Тыл-фронт». Роман сразу стал популярным и имел большой успех. В 1963 году Амурское отделение Хабаровского книжного издательства выпустило роман единым томом тиражом 100 тысяч экземпляров. Тираж полностью разошёлся.

Сегодня роман «Тыл-фронт» является библиографической редкостью. Книга Головина – «писателя, знавшего о войне подлинную, “окопную” правду, лишена фальши и ура-патриотического пафоса», – пишет П. Савинкин.

Роман воскрешает события 1941–1945 годов на Дальнем Востоке, где в то время сложилась острая военно-политическая обстановка. Милитаристская Япония, сосредоточив на территории Маньчжурии огромную Квантунскую армию, выжидала удобный момент для нападения на дальневосточные рубежи Советского Союза. Советское правительство вынуждено было создать мощный Дальневосточный фронт, протяжённостью более трёх тысяч километров. Головин показывает напряжённую жизнь Дальневосточного фронта, соотношение сил по обе стороны границы. Во второй книге изображается победоносный поход советских войск в Маньчжурию.

Японский милитаризм – это идеология высшей самурайской касты, готовой положить истребительную не только для других народов, но и для самой себя войну даже вопреки воле божественного микадо. По мысли Н. Недельского: «Изуверские понятия военной чести, высокомерие и оголтелая ненависть к другим народам – характерные черты милитаристской идеологии, с большой убедительностью показаны в романе».

Генерал-лейтенант Г.В. Савельев в трудные дни обороны Москвы неожиданно для себя получает направление на Дальневосточный фронт

командующим Отдельной Приморской армией. Савельев был раздосадован и разочарован таким решением Наркомата Обороны. После окончания Академии Генерального штаба Георгий Васильевич ожидал назначения в действующую армию. И вдруг Дальневосточный фронт...

С таким настроением генерал явился в Государственный Комитет Обороны, где генерал (в скором времени – маршал) Василевский, обрисовав тяжёлое положение на фронтах, объяснил Савельеву, что происходит на западном фронте и что предстоит делать: «Здесь положение ясно: нужно бить, бить всеми способами и средствами. Там нужна ещё и политическая проницательность: когда на японскую провокацию ответить “огнём”, а когда оттолкнуть, не ввязываясь в драку...».

И, тем не менее, по мнению большинства советских людей, Дальний Восток был тогда глубоким тылом. Но так ли на самом деле?

Для японского командования Советский Союз был объектом номер один. А. Головин знакомит читателя с материалами секретного дела совещания в августейших апартаментах Токио под председательством императора Хирохито. Обсуждалась настоятельная просьба Гитлера – включиться в войну с Советским Союзом. Победило мнение военного министра генерала Тодзио – с Россией нужно повременить до падения Москвы. А после этого – «ударные соединения Четвёртой армии и Вторая воздушная армия вклиниваются в направлении Читы, рассекая Россию на две части. Первый Восточно-маньчжурский фронт овладевает Приморьем. Четвёртая отдельная армия наступает на Благовещенск – Свободный». И далее – «все советские законы считать недействительными, русскому населению не будет разрешено участвовать в политической жизни». Из выступления главнокомандующего Квантунской армией генерала Умадзу: «Опыт борьбы Германии на оккупированной территории показывает, что мы должны быть безжалостны. Империя стоит на грани великих, предначертанных небом событий. А сейчас необходимо использовать все меры для подрыва воинского духа и боеспособности Красной Армии. Необходимо активизировать также действия русских эмигрантов. Не скупитесь на инциденты...».

И начались будни «тылового фронта». Ежедневные провокации, стрельба на поражение, воинственные демонстрации, засылка диверсантов-подрывников, – как правило, из русской, кстати, глубоко презираемой японцами, эмиграции. Подготовка к масштабной бактериологической войне против СССР, которой занимался командующий засекреченным отрядом 731 генерал Исии, результаты которого высоко оценил японский генеральный штаб. Вчитаемся в фрагмент романа, где Исии демонстрирует фильм о своей работе принцу Такеда. «На экране запрыгали иероглифы. Потом появилось улыбающееся лицо Исии. Его сме-

шило несметное количество блох: в плотных ящиках, ящичках, коробках. Но вот появились десятки тысяч крыс. Он жадно набросились на заражённое чумой мясо. Вот в специальных приспособлениях на грызунов набрасываются мириады голодных блох. Они сосут их кровь. Блох помещают в аппарат с распылителями. Самолёт над китайской территорией. Внизу испуганные женщины, любопытно разглядывающие самолёт ребятишки, апатичные старики. Блошиная масса через распылители дождём падает на землю. На экране сначала появляется крупная надпись “Результаты”, а затем китайская газета и японский перевод: “В районе Нимбо внезапно появилась сильная вспышка чумы. Костлявая рука чумной смерти убивает детей, матерей, стариков. Все на борьбу с чумой!”. Когда в зале вспыхнул свет, аудитория шумно рукоплескала апологету бактериологической войны. Генерал Исии стоял возбуждённый и бледный».

Временные рамки романа «Тыл-фронт» не ограничиваются исключительно сюжетом. В произведении часто упоминаются более ранние события первой половины XX века. Так, мотивы поведения белогвардейских офицеров связаны с исходом Гражданской войны в России. Амбициозные действия японских генералов определяются жаждой реванша за поражение на Халкин-Голе. Офицеры Красной армии, готовясь к военному конфликту, вспоминают о поражении России в войне с Японией в 1904–1905 годах: «Прот-Артур повторить не позволим». Как отмечает В. В. Гуськов: «К событиям начала XX века автор обращается, раскрывая жизненные истории действующих в произведении персонажей».

Столь же широко представлена и география изображаемого. Упоминаются важнейшие мировые политические центры, от решений которых зависит дальнейшее развитие событий: Москва, Токио, Берлин, Рим, Вашингтон. Но преимущественно действие разворачивается на Дальнем Востоке: в Хабаровске, на разных участках границы с Китаем, в Маньчжурии, в Японии и пр.

В первой книге романа даётся широкий срез напряжённой жизни тех лет на дальневосточных рубежах страны – как в тылу, так и на фронте. Отсюда и название романа. Описываются подготовительные мероприятия Японии, собирающейся с помощью оружия решить «северную проблему», и Советского государства, ведущего одновременно тяжелейшую войну с фашистами. Вторая книга романа посвящена «стремительному удару» Красной армии по армии Квантунской. В 10 часов утра 2 сентября 1945 года, в 20-й год эры Сева, что означает у японцев «эру света и мира», японский министр иностранных дел Сигемицу и начальник генерального штаба генерал Умедзу на борту американского линкора «Миссури» в Иокогаме поставили свои подписи под актом о безоговорочной капитуляции.

Как отмечает Л. Васильев: «Роман А. А. Головина – произведение сложное и многоплановое. Перед нами проходит целая галерея художественных образов и исторических лиц. Его действие развёртывается то на дальневосточной границе, то в Маньчжурии и Китае, то в императорском дворце японского микадо».

Читатель знакомится с образами советских воинов: лейтенантом артиллерии Роциным, генералами Савельевым и Николаевым, разведчиками Фёдоровым, Новожиловым, Варовым, Федорчуком, отважным пограничником Любимовым, политруком Бурловым и другими, чьими усилиями укреплялся дальневосточный рубеж. В лабиринте сложных человеческих взаимоотношений ярко очерчены характеры генералов и офицеров, сержантов и простых солдат, раскрыты типические черты и подчёркнуты индивидуальные особенности.

В романе широко представлены образы врагов Советского Союза – генералитета и офицерства Квантунской армии, высшего японского военного командования, харбинских белогвардейцев всех рангов. Командующей Квантунской армией генерал Умедзу и его преемник генерал Ямада, принц Такеда, небезызвестный учёный бактериолог, генерал Исии, полковник Хасимото, майор Танака – образы, не похожие один на другого. У них разные характеры и судьбы, служебное положение и сферы деятельности. Но их объединяет одно – это опасные и сильные враги, не лишённые военного таланта, знаний и ума.

Роман А. Головина «Тыл-фронт» – книга о мужестве солдат и офицеров Советской Армии, её преданности Родине, великой освободительной миссии советского воина.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ А. А. ГОЛОВИНА

Жаворонок : глава из романа «Тыл-фронт» // Амур. правда. – 1958. – 26 янв. – С. 3.

Смертельный удар : глава из романа «Тыл-фрон» // Наша победа : рассказы амур. и хэйлунцзян. авторов (на рус. и кит. яз.). – Благовещенск : Амур. обл. обществ. писат. орг., 2015. – С. 10–31.

Тыл-фронт : гл. из романа // Приамурье : лит.-художеств. и обществ.-полит. альм. – Благовещенск : Амур. кн. изд-во, 1956. – С. 7–43.

Тыл-фронт : роман. – Благовещенск : Амур. кн. изд-во, 1963. – 832 с.

Тыл-фронт : роман. Кн. 1. Мёртвая полоса. – Благовещенск : Амур. кн. изд-во, 1958. – 340 с.

Тыл-фронт : роман. Кн. 2. Стремительный удар. – Благовещенск : Амур. кн. изд-во, 1960. – 504 с.

ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ А. А. ГОЛОВИНА

Буренкова, Г. Первая книга писателя / Г. Буренкова // Амур. правда. – 1958. – 3 дек. – С. 3.

Васильев, Л. Победа на Западе и на Востоке / Л. Васильев // Дальневост. комсомолец. – 1965. – 23 марта. – С. 3.

Воронков, А. А. Фронт без тыла : о писателе А. Головине / А. А. Воронков // Амур : лит.-художеств. альм. – 2007. – № 6. – С. 79–82.

Гуськов, В. В. Головин Андрей Андреевич : [биогр. справка и список лит.] / В. В. Гуськов // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XX веков / сост., вступ. ст. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2013. – С. 108–110.

Ефименко, В. Вторая книга романа / В. Ефименко // Дал. Восток. – 1961. – № 3. – С. 176–179.

Ефименко, В. Удачи и промахи первой книги писателя / В. Ефименко // Дал. Восток. – 1958. – № 5. – С. 183–184.

Лосев, А. В. Головин А. Тыл-фронт // Лосев, А. В. Приамурье в художественной литературе : аннот. указ. / А. В. Лосев. – Благовещенск : Амур. кн. изд-во, 1963. – С. 31.

Недельский, Н. Н. Тыл-фронт : лит. Приамурья о Великой Отечеств. войне : заметки / Н. Н. Недельский // Вест. АмГУ. – 2005. – Вып. 28. – С. 78–80.

Савинкин, П. Листки потёртого блокнота : лит зарисовки. Головин / П. Савинкин // Амур : лит.-художеств. альм. – 2013. – № 12. – С. 61–62.

Овечкин Константин Севастьянович: время полное тревог

Константин Севастьянович Овечкин – амурский, дальневосточный поэт, прозаик, журналист, документалист – родился в 1921 году в Хабаровске. С августа по сентябрь 1945 года – участник боевых действий на 2-м Дальневосточном фронте в составе 2-й Краснознамённой армии; корреспондент армейской газеты, лейтенант. Участник боевых действий в отрогах Малого Хингана в Китае.

В региональной Книге Памяти Хабаровского края (выпуск 6, книга 1), в которой дословно сказано: «Род. в 1921. Участвовал в боевых действиях с августа по сентябрь 1945 на 2-м Дальневосточном фронте в составе 2-й Краснознамённой армии. Корреспондент армейской газе-

ты, лейтенант. Награждён: орден Отечественной войны II степени, медаль “За победу над Японией”».

Литературная деятельность К. Овечкина началась в Приамурье в годы Великой Отечественной войны во время службы в 12-й стрелковой дивизии, дислоцировавшейся в Благовещенске. Первые стихотворения – «Девушке с Амура» (1944, 2 апр.), «Любимой» (1944, 16 апр.), «Матери» (1944, 30 апр.) – были опубликованы в «Амурской правде» с пометкой «полевая почта». Написанные в жанре послания, они были своеобразным голосом с фронта, в чём, по предположению В. В. Гуськова, «и состояла их основная ценность».

Блок произведений, посвящённых событиям Великой Отечественной войны, составляют рассказы и стихотворения о действиях Красной армии на Дальнем Востоке незадолго и сразу после начала военных действий против милитаристской Японии. Автор, участник войны Японией, рассказывает о мужестве, стойкости и высоком боевом умении советских воинов, разгромивших в августе 1945 года Квантунскую армию.

В своих произведениях К. Овечкин выражает важную примету Приамурья – близость к другому государству, стране с иной культурой, языком и традициями. Мотив дружбы между русскими и китайскими воинами, а по большому счёту и народами, является одним из ключевых в военной тематике К. Овечкина.

Особенности восприятия молодым лейтенантом разворачивающихся на территории Китая военных действий, его чувства и мысли нашли воплощение и отражение в целом ряде посвящённых войне стихотворений:

*В час, когда на нет сойдёт
В степи вечерняя заря,
Застава на границу шлёт
Надёжный боевой наряд.*

*Пусть непогода – дождь и град –
Рубеж не перейдут враги.
Здесь даже тополь, как солдат,
Стоит на страже у реки
(«Рубеж», 1944)*

*У светлых окон шепчут травы.
Журавль кочующий трубит.
У этой маленькой заставы
Боец в дозоре был убит.*

*Врагов он встретил на рассвете.
Он храбро дрался до конца...
Теперь висит в казарме светлой
Портрет отважного бойца.*

*И прежде, чем в часы ночные
Идти в дозор или секрет,
Бойцы подходят молодые
И долго смотрят на портрет.
(«Портрет», 1945)*

К. Овечкин в стихотворении «Тополя» создаёт образ поруганной родины:

*И тополь тот, что снился мне,
Теперь передо мной
Стоит печальный в стороне,
Обуженный войной.*

Один из главных образов в литературном творчестве военных лет – образ женщины-матери, на плечи которой легло тяжкое бремя войны. Он раскрывается в произведениях многих авторов. Развитие этого образа обнаруживается в стихотворении К. Овечкина «Мать»:

*Всё шумит высокая осина,
Дождь сечёт осенний за окном.
Ты опять кручинишься о сыне,
Вспоминаешь снова о родном.
.....
Из шкатулки карточку достанешь,
И над ней задумаешься ты.
С болью в сердце взглядываться станешь
В дорогие, близкие черты,
И вздохнёшь томительно и горько –
Жаль, так мало вместе жили с ним...
.....
Так вот будет тот последний вечер
Жить в воспоминании твоём.
Так вот будешь сердцем видеть сына,
Что ушёл тогда, в сорок втором...*

К. Овечкин внимательно следил за событиями, происходившими на фронтах Великой Отечественной войны, на полях сражений, окликаясь на них своими стихотворениями:

*Гремят бои. Их отзвук прилетает
К амурским пограничным берегам.
И мы флажком на карте отмечаем
Тот город, что очищен от врага.*
(«Два стихотворения», 1943)

Неудержимо мощные наступления советских войск в 1944–1945 годах было уже не остановить. Чем ближе был долгожданный день Победы, тем светлей и радостней становились стихотворения К. Овечкина:

*Славься русской, богатырской силой,
Закаляйся и мужай в боях,
Боевая, гордая Россия,
Родина, любимая моя!*
(«Расплата», 1945)

В этом стихотворении К. Овечкин отразил победоносное наступление советских войск на Берлин.

Мотивом дружбы между русским и китайским воинами, а по большому счёту и народами определяется патетика стихотворений из цикла «Здравствуй, друг!» (сборник «Здравствуй, друг», 1957) и «Памятный год» (сборник «Страна родная», 1950).

В одном стихотворении «Братья» (1945) дружба русского и китайского воинов достигает своей высшей формы – дружбы братской:

*Руку мне подаёт,
Рад нашей встрече.
Партизан-патриот
Стиснул мои плечи.*

*Счастьем светится взгляд.
Сели на циновку.
Рядом две лежат
Верные винтовки.*
.....

*На двоих котелок
Каши ароматной.
– Пын-ю чи!
– Ешь, дружок! –
Говорим от души,
Словно брат брату.*

Выражение «Пын-ю чи!» в переводе с китайского языка означает – «кушай, друг!».

В этом поэтическом произведении дружба двух воинов трансформируется в братскую дружбу двух народов. В первом стихотворении «Незабываемое» (1945) (в сборнике «Сторона родная» оно опубликовано под названием «Мы свободу принесли») К. Овечкин выражает чувство гордости за русского солдата-освободителя:

*Когда сегодня о Китае
Мой друг беседу поведёт,
Невольно я припоминаю
Суровый сорок пятый год.*

*Военный август. Битвы в сопках.
Поля маньчжурские в дыму.
Наш батальон по узким тропкам
В обход врагу спешит во тьму.*

*Жестокий бой на горной круче.
Японцы смяты. Город взят.
Сердечным словом, самым лучшим,
Китайцы нас благодарят.*

*Повсюду взрослые и дети
Стоят с поклоном до земли...
Всё помню. И горжусь, что это
Мы им свободу принесли.*

Лирический герой осознаёт, что ощущает не только на правах освободителя, участника борьбы с японскими захватчиками. Он осознаёт, что именно советский народ помог строительству в Китае нового общества, на новых основах. Поэтому в стихотворениях сквозит не только вера в нерушимую, закалённую войной «боевую» дружбу двух народов, но и надежда и даже видение дружбы мирной, трудовой.

В подцикле – «В гостях у друга» – обращение «друг» адресовано, прежде всего, боевому товарищу – китайцу Лю Чену, с которым лирический герой встречается более чем через десять лет и который сопровождает его в путешествии по Китаю.

*В рассветный час у обелиска
Остановились мы вдвоём.
И оба думаем о близком,
О самом в жизни дорогом:*

*Чем дышим мы и чем отныне
Сердца свободные полны,
И что сегодня, как святыня,
Роднит великих две страны.*

Лирический герой ощущает чувство гордости от осознания того, что и он сам в качестве воина представляет страну, способную изменить в лучшую сторону жизнь в другом государстве. Величие подвига русского солдата-освободителя мощно звучит в стихотворении «Хинган»:

*Здесь гремели грозные орудия,
Били по утёсам вековым.
По камням наверх взбирались люди,
Шли на подвиг сквозь огонь и дым.
На хребты хинганские солдаты,
Смерть, презрев в решительной борьбе,
Как в горах суворовцы когда-то
Пронесли орудья на себе.
Опалённые деревья, травы
И воронки полные воды –
Как живые памятники славы.
Нашего оружия следы.
Сколько дотов взорвано – на диво!
И врагов немало полегло.
Здесь прошла стальная справедливость,
Русского величие прошло!*

Основным мотивом творчества К. Овечкина-прозаика является мотив памяти-долга перед теми, для кого война не закончилась весной 1945 года. Перед теми, кто обязан был внести, порой и ценой своей жизни, решающий вклад в дело прекращения одного из самых кровопролитных конфликтов в истории человечества («Через Хинган», 1982).

Задачей «памяти» обусловлена и повествовательная манера произведений сборника «Время, полное тревог» (1985), многие из которых созданы в форме «воспоминаний». В них рассказ от лица автобиографического героя перемежается с историческими экскурсами и справками. Читатель узнаёт не только о боях, частных, часто трагических, а порой и курьёзных случаях, но и ходе самой Маньчжурской операции, крупных её событиях, баталиях (рассказ «Время, полное тревог»).

В рассказах и повестях о Великой Отечественной войне центральное место занимает повествование о героизме воинов-амурцев. Показателен в этом отношении рассказ «У реки Суньбилахэ», в котором описывается подвиг скромного сельского жителя, а на войне пулемётчика Григория Михнюка, сумевшего в одиночку противостоять нескольким десяткам японцев.

В большинстве произведений изображён героизм не индивидуальный, а коллективный. Так, центральным героем повести «Через Хинган» оказывается не отдельный солдат, а вся армия Советского Союза, смело вступившая в бой с японскими захватчиками. В произведении запечатлена хроника подвигов этого главного собирательного персонажа, направляемого волей военных и партийных командиров.

Изображая в качестве корреспондента военные события, К. Овечкин не мог не показать и людей, совершавших военно-трудовой подвиг во имя скорейшего окончания Великой Отечественной войны, не остановившись в восхищении свой взгляд на столь близкой ему дальневосточной природе, приметах и отблесках родного края. Неординарное, исторически значимое событие, опасное для жизни, но осознаваемое как героическое, обострило внимание художника к людям, к природе.

Рассказ «Одно дыхание» (сборник «Сарана», 1962) ведётся от лица бригадира слесарей Дмитрия, который направляется в начале 1960-х годов вместе с профсоюзной делегацией в китайский город Сунью. Эта поездка пробуждает в нём воспоминания об одном из «боевых» эпизодов августа 1945. Разведчик Митя и его товарищ Алим Батыров за несколько часов до полномасштабного выступления 9 августа против Японии получают важное задание: «Высадиться на тот берег и разведать пути, по которым будет наступать полк». Выполнив успешно данное поручение и указав координаты огневых точек японцев, герои после форсирования нашими войсками Амура и закрепления плацдарма отправились выполнять следующий приказ, но уже вглубь Маньчжурии. В сложных боевых условиях разведчики «напоролась на мину» и получили серьёзные ранения. Однако чудесным образом на чужой территории, когда нельзя было ждать ещё помощи от своих войск, потерявшие сознание Митя и Алим оказались спасены.

Повествование о разведчиках сопровождается описанием места действия и условий: «Мы жили на самом краю России, в двадцати километрах от Благовещенска»; «Август 1945 года был на редкость ненастным. Сутками лил дождь – мелкий, холодный. Небо затягивалось пеленой. Серая морось покрывала всю реку. Чужой берег был не виден»; «Там, за Амуром, копошились японцы, от которых всего можно было ожидать».

К. Овечкин изображает важную приметку русского Приамурья – близость к другому государству, государству с иной культурой, языком и традициями: «На той стороне, напротив нашей землянки, была деревня. Виднелись низкие серые фанзы, пустынные улицы». Однако разделённые Амуром страны в рассказе не противопоставляются. Несмотря на подчёркнутые отличия, у двух народов оказывается один порыв, одно дыхание в борьбе против общего врага. Название же рассказа становится метафорой дружбы, возникшей между советскими воинами и китайскими партизанами в дни совместных действий против японцев. Именно ею повествователь объясняет чудесное спасение подорвавшихся на mine разведчиков: «<...> Только верные друзья могли так поступить – рискуя своей жизнью, подобраться к японскому доту и вынести нас с Алимом...».

Как известно, 2-я Краснознамённая армия, в которой служил Константин Овечкин, первоначально выполняя задачи по охране дальневосточных границ СССР, в дни активных действий против японских захватчиков приняла боевое участие в Маньчжурской операции (точнее в её части – в операции Сунгарийской). В ходе наступательных действий она форсировала реки Амур и Уссури, осуществила стремительный переход через горный хребет Малый Хинган и освободила от японцев такие китайские города, как Сахалян (Хэйхэ), Суньхэ, Сунь, Лунчжэнь, Бэйаньчжэнь, Цицикар и Мэргень (Нэньцзян).

В рассказах и повестях центральное место занимает повествование о подвигах воинов-амурцев, дальневосточников. Так, например, в рассказе «У реки Суньбилахэ» описывается подвиг скромного, не любившего распространяться о своей службе жителя села Тамбовка, а на войне ручного пулемётчика Григория Михнюка. Он не только сумел в одиночку долгое время отстреливаться от окружавших его японцев, но и нашёл в себе силы и мужество после того, как кончились патроны, а кольцо окружавших его врагов сомкнулось, вступить в рукопашный бой и в одиночку победить шестерых самураев, сохранив тем самым себе жизнь. При этом описание подвига не лишено и некоторой доли юмора: своих врагов Григорий сокрушил, удальски размахивая, казалось бы, уже бесполезным пулемётом.

Записки военного корреспондента «В отрогах Малого Хингана» вошли в сборник «Августовские грозы», вышедший к 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. В сборник включены произведения художественной прозы о завершающем этапе Великой Отечественной войны. О тех августовских днях и ночах 1945 года, когда советские войска, вступив на территорию Маньчжурии, уничтожали укрепрайоны японцев, преодолевали безводную пустыню Гоби и хребты Большого Хингана, и объединёнными силами 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов, Забайкальского фронта, войсками Тихоокеанского флота разгромили Квантунскую армию, освободили народы Китая и Кореи и заставили милитаристскую Японию подписать акт о безоговорочной капитуляции.

Автор записок рассказывает о батальоне капитана Ярового, который в августе 1945 года форсировал Амур, преодолев оборонительные линии японских войск. Батальон дал возможность другим частям переправиться через Амур и начать наступление широким фронтом. Однако сам попал во вражеское кольцо, натолкнувшись на отчаянное сопротивление японцев. Вместе с автором читатель едет на грузовике-полупортке зенитчиков, затем на машинах автомобильного батальона и с офицерами оперативного отдела, передвигаясь по разрушенной войной Маньчжурии. Описывая боевые передвижения наших войск, К. Овечкин рисует картины огня и дыма, а затем и руины города Суну – бывшего военного гарнизона японской армии.

Некоторые эпизоды военных операций, предпринятых командованием, описанные на страницах записок, не оставят равнодушным ни одного читателя. Вот один из них: «Наш грузовичок обогнул рощицу, и мы увидели на дороге “дожд”, который нас обогнал, а ещё дальше и “виллис”. Возле него на обочине дороги стояли три солдата. По всей видимости, тут что-то произошло. Мы подъехали. Переднее стекло “виллиса” было разбито. Старшина-шофёр сидел на обочине дороги без головного убора, без одного погона. Рукав по локоть закатан, рука обмотана белой тряпкой.

– Что случилось? – подошёл я и осёкся.

Впервые в жизни мне довелось увидеть заплаканного мужчину. Старшина кусал губы и, трудом сдерживая слёзы, глухо твердил:

– Ой, полковник, полковник... Какой был человек!

Только тут я увидел под кустом тело полковника, прикрытое плащ-палаткой.

Старшина поднял на меня печальные глаза, потом оглядел всех.

– Ребёнка не пожалели. Вот сволочи! – выругался он.

А произошло вот что. Когда “виллис” выскочил из-за поворота, полковник и старшина увидели на дороге ребёнка лет двух. Сидит посередине и забавляется какой-то безделушкой. Старшина затормозил, а полковник пошёл к ребёнку. И только поднял его, как грохнул взрыв.

– Убрали мы останки, – с хрипотцой сказал старшина, – не могли смотреть. Ребёнок ведь... Заминированный. Ребята прочесали лес, – фазенда тут недалеко, пустая. А рядом наткнулись на самураев. Дали им жизни».

Записки корреспонденты представляют героизм солдат и офицеров советской армии, реальные факты последних дней Великой Отечественной войны. Помогая друг другу, русские солдаты и китайские партизаны вели борьбу с японскими захватчиками. Беседуя с бойцами, корреспондент Константин Овечкин, написал рассказы о сложных ситуациях, в которые попадали воины-освободители. Так, разведчик Ланин вместе с ефрейтором Нуриевым, переправившись через Амур, попали под огнём налёт и были ранены. А китайские партизаны из отряда Лао Чжана сделали всё необходимое, чтобы русские бойцы залечили свои раны и встали в строй. Записки корреспондента написаны от первого лица, небольшие по объёму, они объединены местом и временем действия. Язык повествования прост и понятен.

Обращение к теме памяти приближает Овечкина к таким известным отечественным литераторам, как Твардовский, Ахматова, Солженицын и другие. Подчёркивается это и тем уникальным, практически исключительным местом, которое занимает автор в ряду «мемористов»: в отечественной литературе тема советско-японской войны 1945 года разработана слабо. И на этом фоне творчество Овечкина – не просто художника, но и участника событий – оказывается очень ценным.

Стремление быть честным и объективным в раскрытии данной темы, желание не погрешить перед памятью сослуживцев определяют и художественное своеобразие рассказов и повестей, вошедших в сборник «Время, полное тревог», которые обозначаются как документальные. Произведения Овечкина оказываются уникальным свидетельством дальневосточного, амурского писателя о борьбе Красной Армии с японскими агрессорами в Китае. Использование военного опыта в качестве материала для художественных текстов, к тому же с целью отдать дань памяти, определяет принципы построения произведений, суть которых – помнить и чтить военные подвиги конкретных людей.

Для повестей, вошедших в сборник «Время, полное тревог» характерно обязательное использование военной терминологии, точное обозначение воинских подразделений и даже их состав, упоминание и вве-

дение в качестве персонажей реальных офицеров среднего и старшего звеньев: командующий 2-й Краснознамённой армией генерал-лейтенант Терёхин, командир 12-й дивизии генерал-майор Крючков и др.

Эти произведения автобиографичны. В каждом из них присутствует и действует литературный двойник автора. У К. Овечкина роль литературного двойника в повести играет молодой дивизионный репортёр, корреспондент армейской газеты лейтенант Нестеров. Автор не только повествует о его участии в военных операциях, но и раскрывает его историю, приход в журналистику, начало поэтической деятельности, любовные переживания и т. д. Даже приведённое в повести стихотворение «Ветер-вестник, крылатый ветер!..», написанное ещё ефрейтором, но в будущем военным репортёром Нестеровым, очень похоже по своему образному строю на опубликованное в газете «Амурская правда» стихотворение «Ветер с запада» самого Константина Овечкина.

По мысли В. В. Гуськова: «Творчество Константина Овечкина занимает уникальное место в амурской литературе, в которой тема советско-японской войны разработана слабо. И на этом фоне произведения о военных событиях в августе 1945 года оказываются очень ценными».

ПРОИЗВЕДЕНИЯ К. С. ОВЕЧКИНА

ОТДЕЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ

Время, полное тревог : док. повести и рассказы. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1985. – 272 с.

Сторона родная : стихи. – Благовещенск, 1950. – 64 с.

Песня над Амуром : стихи. – Благовещенск, 1956. – 72 с.

Здравствуй, Друг : стихи. – Благовещенск, 1958. – 112 с.

Через Хинган : док. повесть. – Москва, 1982. – 78 с.

ИЗ ПУБЛИКАЦИЙ В ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ И СБОРНИКАХ

В отрогах Малого Хингана : из зап. воен. корреспондента // Августовские грозы : советские писатели о победе на Дал. Востоке в авг. 1945 г. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1975. – С. 318–379.

Ветер с запада : («Пролети надо мной соколом...») : стихи // Амур. правда. – 1944. – 1 окт. – С. 2.

Думы о Родине : («Мне милы в тумане синем горы...») : полевая почта 64647 – Б : стихи // Амур. правда. – 1944. – 21 мая. – С. 2.

Идут, врага сметая бурей... ; Гремят бои. Их отзвук прилетает... : стихи // Амур. правда. – 1943. – 6 нояб. – С. 2.

Любимой ; Мне всегда мечталось и хотелось... : полевая почта 64647 – Б : стихи // Амур. правда. – 1944. – 16 апр. – С. 2.

Октябрь послевоенный ; Друзья мои, сегодня снова... : стихи // Амур. правда. – 1945. – 7 нояб. – С. 3.

По дорогам Маньчжурии : стихи // Амур. правда. – 1945. – 28 окт. – С. 2. – Содерж.: 1. Хинган : Здесь гремели грозные орудия ; 2. Песня : Ночь темна. Накрапывает дождик...

Россия : стихи // Амур. правда. – 1944. – 7 нояб. – С. 4.

ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ К. С. ОВЕЧКИНА

Гуськов, В. В. Загадки Овечкина, или о трудностях исследования региональных авторов : отчёт с постановкой проблемы / В. В. Гуськов // Лосевские чтения – 2010 : материалы регион. науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2012. – С. 82–86.

Гуськов, В. В. Овечкин Константин Севастьянович : [биогр. справка и список лит.] / В. В. Гуськов // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XX веков / сост., ред., вступ. ст. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2013. – С. 290–291.

Гуськов, В.В. От патетики к художественной объективности «солженицынского» типа : специфика тематико-мотивного комплекса произведений К. Овечкина / В. В. Гуськов // Лосевские чтения – 2011 : материалы регион. науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2012. – С. 58–73.

Константин Овечкин // Игнатенко И. Неумолкающее эхо : амур. поэты о Великой Отечеств. войне : очерк / И. Игнатенко // Приамурье-2015 : альм. : лит.-художеств. изд. – Благовещенск : РИО, 2015. – № 13 (31). – С. 9–10.

Книга Памяти : Здесь названы жители Хабаровского края... : Кн. 1. – Хабаровск, 2010. – Вып. 6. – С. 324.

Лосев, А. В. За творческую смелость : о кн. К. Овечкина «Сторона родная» и «Песни над Амуром» / А. В. Лосев // Амур. правда. – 1956. – 29 июня. – С. 3.

Лосев, А. В. За творческую смелость : о кн. К. Овечкина «Сторона родная» и «Песни над Амуром» / А. В. Лосев // Лосев, А. В. Избранные труды по литературному краеведению Приамурья / сост., ред., вступ.

ст., примеч. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2011. – С. 309–292.

Лосев, А. В. О творчестве молодых поэтов Приамурья : [есть о поэзии К. Овечкина] // Лосев, А. В. Избранные труды по литературному краеведению Приамурья / сост., ред., вступ. ст., примеч. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2011. – С. 289–292.

Лосев, А. В. О творчестве молодых поэтов Приамурья : [есть о поэзии К. Овечкина] / А. В. Лосев // Амур. правда. – 1953. – 4 дек. (№ 287). – С. 3.

Овечкин К. В отрогах Малого Хингана : из зап. воен. корреспондента // Десять книг о войне : беседы с родителями о кн. амур. писателей / сост. О. А. Барсова. – Благовещенск : АОНД, 2009. – С. 3–4.

Овечкин Константин // Лосев, А. В. Приамурье в художественной литературе : аннот. указ. / А. В. Лосев. – Благовещенск : Амур. кн. изд-во, 1963. – С. 57–59.

Рогаль, Н. Первый сборник молодого поэта / Н. Рогаль // Дал. Восток. – 1951. – № 1. – С. 141–142.

Рожкова, В. П. Из истории литературной жизни Приамурья военных лет : по материалам газ. «Амурская правда» 1941–1945 гг. : [есть о поэзии К. Овечкина] / В. П. Рожкова // Амур. краевед : материалы науч.-практ. конф. (январь 2005). – 2005. – Вып. 22. – С. 144–150.

Смоляков, С. Радости и огорчения : [о творчестве К. Овечкина] / С. Смоляков // Дал. Восток. – 1958. – № 3. – С. 180–183.

«ДУМЫ НАШИ СВЯЗАНЫ С ВОЙНОЮ...»: ПИСАТЕЛИ, НЕ БЫВШИЕ НА ВОЙНЕ

*Прошла война, прошла страда,
Но боль взывает к людям.
Давайте, люди, никогда
Об этом не забудем!
Пусть память вечную о ней
Хранят, об этой муке,
И дети нынешних детей,
И наших внуков внуки.
Пускай во всем, чем жизнь полна,
Во всем, что сердцу мило,
Нам будет памятка дана
О том, что в мире было.
Затем, чтоб этого забыть
Не смели поколения.
Затем, чтоб нам счастливей быть,
А счастье – не в забвенье.*

А. Твардовский.

Поэма «Дом у дороги».

Фотьев Николай Иванович: мы остались за вас

*Не счесть ушедших на тот свет
В течение злых военных лет.*

Н. Фотьев.

Амурский баснописец и прозаик Николай Иванович Фотьев (21.12.1927–02.04.2010) родился в селе Малиновка Алтайского края.

Когда началась война, семья осталась без кормильца. Отец ушёл на фронт, но не сразу. Вначале он работал на военном заводе в Барнауле. Мать писателя – Кристина Ильинична – одна воспитывала четырёх детей, младшая Мария родилась в первый военный год. Выжили только благодаря щедрой матушке-природе: ловили рыбу, понемногу охотились, работали в огороде. За эти годы Николай Фотьев сильно повзрослел, многому научился, стихотворно стал постигать плотницкую науку.

Героиня повести «Родительский день» (1982) Ирина Мерзликина, в судьбе которой прочитывается биография матери писателя, вспоминая о тяжёлом военном времени, рассуждает: «Как раздумаешься, почто не заболели, почто не умерли, так удивительно даже. Может, трава-то, она как лекарство была. Черемша, сказать – как чеснок вроде. А вместо воды, бывало, берёзовый сок пили. Да ещё из соку-то квасу наделаешь».

Позже об этих событиях своего детства амурский прозаик рассказал на страницах повести «Вы остаётесь за нас» (1974). В ней он рисует картины жизни алтайской деревни 1930-х–начала 1940-х годов, рассказывает о трудном военном детстве крестьянских ребятешек. Но пафос повествования не в изображении трудностей. Главное для художника – это красота труда, который делает людей духовно богатыми и требовательными к себе. Лучшие страницы повести – это рассказ о детях, которые обстоятельно, со знанием дела, не хуже любого взрослого, выполняют порученную им работу: «Главный пекарь, конечно, Генка. Так мать велела. Вот он снимает с припечка квашню, развязывает наквашенный, и в нос бьёт кисловатый вкусный, с хмелинкой запах дрожжей и хлеба. Вот квашня стоит на лавке, а в ней большая тёрка установлена. Лёшка моет картошку и червивины выколупывает, а Генка трёт. Если на треть истереть картошку, то запросто пальцы ободрать. Это уж сколько раз было. Осторожней надо. Полведра Генка изотрёт, полведра Лёшка. По справедливости. Потом главный пекарь две больших пригоршни муки бросит в квашню и веселком перемешает хорошенько, завяжет наквашенный и на шесток квашню поставит, к теплу поближе. Печь всегда тёплая. А завтра утречком, когда квашня подойдёт, надо ещё пригоршни три муки бросить и окончательно замесить. Это самая тяжёлая работа – окончательный замес».

Осенью далёкого 1944 года, в деревне Шварцы Бауцкого уезда Латвии, пал смертью храбрых отец будущего писателя. В том же году Николай Фотьев закончил семь классов и отправился в Томск, чтобы поступить в индустриальный техникум. Жилось голодно, тяжело. Стены общежития защищали только от ветра, да это и понятно, ведь шёл уже четвёртый год войны. Проучившись год, Н. Фотьев вернулся в родную деревеньку сильно истощённым. По дороге домой узнал о победе: радость была неописуемая. Из всех деревенских техникумов закончили только двое, те, у которых отцы вернулись с фронта. Об этих страшных годах талантливый прозаик написал повесть «Томская зима».

Образы героев, вернувшихся с войны калеками, не редкость в художественной литературе, в том числе и в литературе Приамурья: здесь можно вспомнить рассказ Н. Фотьева «Распутица» (1971). Главный ге-

рой рассказа ветеринар Тарас Калядин во время одного из боёв, потерявший руку и потому раньше других вернувшийся с войны, отправился в соседнюю деревню, где не могла «растелиться» корова. Встретив на пути голодного волка, герой, ни минуты не сомневаясь, вступил с ним в ожесточённую схватку. Тарас понимал, что не имеет морального права вернуться домой. Корова, которая в любой момент может погибнуть, является единственной кормилицей в семье старухи, обратившейся к Тарасу за помощью. Обстоятельства становятся для героев Н. Фотьева серьёзнейшим испытанием, характер персонажа раскрывается через поступок, действие.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ Н. И. ФОТЬЕВА

Вы остаётесь за нас : роман, повести. – Благовещенск : Хабаров. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1978. – 478 с.

Вы остаётесь за нас : роман, повести. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1974. – 384 с.

Вы остаётесь за нас : роман, повести. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1978. – 384 с.

ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ Н. И. ФОТЬЕВА

Аверина, Г. В. Быть на земле человеком : [о творчестве Н. И. Фотьева] / Г. В. Аверина // Кадры – селу. – 2012. – 30 апр. (№ 3). – С. 9.

Воронков, А. Реки радости Николая Фотьева : [о творчестве Н. И. Фотьева] / А. Воронков // Проспект Пушкина. – 2003. – 29 авг. – С. 5.

Вы остаётесь за нас : [о выходе повести Н. Фотьева «Вы остаётесь за нас» в Амур. отд-нии Хабаров. кн. изд-ва] // Амур. правда. – 1974. – 14 дек. – С. 3.

Вы остаётесь за нас : интервью Н. И. Фотьева газете «Амурские вести» // Амур. вести. – 1992. – 26 дек. – С. 2.

Ерёмин, И. В поисках горной малины : о прозе Николая Фотьева / И. Ерёмин // Амур. правда. – 1981. – 7 окт. – С. 4.

Литвиненко, И. Три грани таланта / И. Литвиненко // Дал. Восток. – 1987. – № 12. – С. 148–155.

Маликов, А. Узелки Николая Фотьева / А. Маликов // Амур. правда. – 2003. – № 18. – С. 8–9.

Назарова, И. С. Нравственная проблематика повестей Н. И. Фотьева / И. С. Назарова // Краеведение Приамурья. – 2007. – № 1. – С. 109–114.

Назарова, И. С. Путь Николая Фотьева : [о жизни и творчестве писателя] / И. С. Назарова // Амур : лит.-худож. альм. – 2004. – № 3. – С. 73–82.

Назарова, И. С. Рассказы Н. Фотьева о детях / И. С. Назарова // Литературный мир Приамурья на перекрестке эпох : 1-е Машуков. чтения : материалы науч.-практ. конф. – Благовещенск, 2008. – С. 24–30.

Назарова, И. С. Типология персонажей в повестях Н. И. Фотьева / И. С. Назарова // Материалы докладов 55-й научно-практической конференции преподавателей и студентов : в 3 ч. Ч. 2. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2005. – С. 140–145.

Назарова, И. С. Фотьев Николай Иванович : [биогр. справка и список лит.] / И. С. Назарова // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XX веков / сост., ред., вступ. ст. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2013. – С. 397–401.

Недельский, Н. Быть на земле человеком : [о повести Н. Фотьева «Вы остаётесь за нас»] / Н. Недельский // Амур. правда. – 1975. – 1 нояб. – С. 4.

Николай Фотьев // Игнатенко И. Неумолкающее эхо : амур. поэты о Великой Отечественной войне : очерк / И. Игнатенко // Приамурье-2015 : альм. : лит.-художеств. изд. – Благовещенск : РИО, 2015. – № 13 (31). – С. 15–16.

Фотьев Николай Иванович : [биогр. справка] // Писатели Дальнего Востока : биобиблиогр. справ. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1973. – С. 268–270.

Фотьев Николай Иванович : [биогр. справка и список лит.] // Писатели Дальнего Востока : биобиблиогр. справ. / Хабаров. краевая универс. науч. б-ка ; сост. Т. В. Кирпиченко, Л. Н. Циновская. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1989. – Вып. 2. – С. 341–343.

Леонид Андреевич Завальнюк: то, что помню....

Даже людям далёким от литературы хорошо известно имя поэта Леонида Андреевича Завальнюка (1930–2010). Но не все москвичи, петербуржцы, жители других крупных городов России знают, что творческий путь известного писателя, поэта, драматурга, сценариста, художника и автора песен начинался в городе, расположенном у слияния рек Амура и Зеи.

Поэт, прозаик, драматург, художник Леонид Андреевич Завальнюк родился 20 октября 1930 года в городе Умани Киевской области.

Весной 1941 года у 11-летнего Лени умерла мама. Летом, перед самой войной, отец женился на Елене Климовне Федченко. Они не были духовно близки, но это не мешало Завальнюку вспоминать о ней с глубокой признательностью, именно Елена Климовна воспитывала его в военные годы и помогла выжить. Отца почти сразу призвали на фронт, а Леонид с мачехой два года прожили в эвакопоезде, исколесив почти всю страну. Елена Климовна тогда работала поваром, а Леонид ей помогал.

Скучали по отцу и ждали от него писем. Утоляла тоску только песня. Любовь к песне поэт пронёс через годы и написал множество песен, которые стали любимыми народом. Спустя тридцать лет Леонид Андреевич написал об этом в стихотворении «Поём. Встаёт рассвет...»:

*Поём. Встаёт рассвет.
Трещит мороз большой.
Поём. И я в родстве
С неблизкой мне душой.
У мачехи моей
Чугунная рука.
Но вот поём мы с ней
Про гибель ямищика.
Но вот поём мы с ней
И плачем в два ручья
Над тем, что я ничей,
Да и она – ничья,
Над тем, что мы поём,
Чтоб отогреть сердца,
Над тем, что мы вдвоём,
В пустой степи вдвоём
Ждём писем от отца,
Которых нет и нет,
Как нет войне конца.*

В автобиографическом повествовании «То, что помню...» Леонид Андреевич вспоминает: «...Моя мачеха Елена Климовна замечательно пела особенно украинские песни. Как-то я стал ей подпевать, что ей очень понравилось, и часто потом мы пели в два голоса. Помню такой случай. В военной теплушке. Где мы ехали, стоял большой не то ларь, не то сундук, в том сундуке я обычно спал. Однажды я проснулся от того, что прямо надо мной, на крышке сундука, брякала посуда, звенели стаканы. Слышалось несколько мужских голосов, которые пытались подпевать Елене Климовне. Мужчинам это плохо удавалось. Наконец, мачеха не выдержала, постучала бутылкой по крышке сундука:

– Лёнька. Спишь?

– Нет.

– Тогда давай вторым голосом. Ну! Ой, на гори тай жєнци жнуть!

Это была моя любимая песня. Я ту же подхватил, и мы стали петь с ней, как привыкли. Мужчины затихли. А по окончании второй или третьей песни крышка сундука откинулась, и какой-то незнакомый мне лётчик протянул тарелку с бутербродами и четверть стакана водки. Водку Елена Климовна, конечно, тут же изъяла...».

В 1943-м, после освобождения Украины от фашистов, Леонид Завальнюк с мачехой вернулись в Киев. Елена Климовна поселила мальчика в большой нетопленной гостинице, а сама уехала устраиваться на работу в город Калигорку. Оставшемуся в одиночестве подростку пришлось искать способы выживания: он кормился тем, что продавал газеты на еврейском базаре в Киеве. Мачеха вернулась только через месяц и увезла мальчика с собой в Калигорку, где устроилась на работу следователем. Вскоре Елена Климовна уволилась с работы, купила дом в родном селе Крымки. И мальчик пошёл на работу. Он боронил, сгребал сено на конных граблях, подвозил снопы к молотилке, носил воду хлебоборам.

Вскоре с войны пришёл отец и они уехали в своё родное село Мервин, где царили запустение и голод. Урожая практически не было, кормились тем, что удавалось собрать на пустых колхозных полях. Огромной удачей считалось найти мёрзлые картошины, ведь из них можно было испечь очень вкусные «блины».

Читаем в автобиографии «То, что помню...»: «Зима кончилась. Потеплело. Стало немного полегче. В дело пошёл крахмальный промысел. Колхозы и совхозы стали перепахивать картофельные поля. Там и сям наверх выходила перезимовавшая, вымерзшая до чистого крахмала картошка. И опять же, когда вместе с местными ребятами, а когда один я бродил по полям, собирая эти серо-коричневые комочки. Из них потом тётя Настя, сестра отца, пекла блины. Посмотреть – гадость, а есть было можно, даже вкусно, за неимением лучшего».

От голода спасала только корова, но и её кормить было нечем: сначала разбирали на корм соломенную крышу, а когда и эта еда закончилась, кормилицу пришлось зарезать. Эти события нашли отражение в стихотворении «Беглец»:

*Из жести смастерили крупорушку
И перетёрли прелое черно.
И стало жёлтой кашею оно.*

.....
*Я был добытчик хлеба и тепла, –
Глава семьи в свои пятнадцать с малым.
Пронизанная током страсти алым.
Светло и тяжко жизнь моя текла.
И всё ж зимой, скормив корове крышу.
Потом дорезав, стельную её.*

Завальнюк – из поколения поэтов, которые не принимали участия в сражениях Великой Отечественной. Однако память о войне является одним из мотивов его творчества. Ключевое место в теме памяти занимает осмысление войны и мира. Личное – воспоминания об отце и военном детстве – переплетается с общественно-значимым. Победа в войне, по убеждению поэта, была одержана не столько силой, сколько способностью к состраданию, способностью воспринимать чужую боль как свою. Защитить себя для поэта означает, прежде всего, защитить тех, кто рядом:

*Тебя согреть – себя согреть.
Тебя забыть – себя отринуть.*

Эта мысль красной нитью проходит через всё творчество Л. Завальнюка, и горе каждого человека, как и смерть в те страшные трагические годы войны переживается им глубоко лично:

*Перенесу бывшее в наши дни.
Вот здесь убит я. И вот здесь – взгляни...
Когда сквозь вас я в прошлое гляжу,
Я на свои могилы прихожу*

Действительно, с войной у Леонида Андреевича очень много связано и в жизни, и в стихах, естественно. Но он не считал себя беглецом от войны. Потому что нёс её с собой всё время – и те времена, и всё, что там было. Поэт был убеждён, что «...та война так глубоко где-то в истории, что кажется, её и не было. Но, тем не менее на всех людях и тех,

которые рождаются и даже рождаются завтра, – всё равно след этой войны и этой Победы существует. Для меня это очень важно, и я об этом много пишу».

*Смиранный юноша с бунтующей подкоркой,
Прошедший за войсками в два конца,
Не потому ль я потерял отца,
Что так надменно угощал его махоркой?
Вернувшийся с войны почти что без наград,
В годах немалых, писарь батальонный,
Он думал: я прощу его как человек, как брат.
А я простил как сын. С печалью затаённой.
Он спился. Я живу, забыв о нём на век.
Но где-то там, под памятью, под снами,
Он всё бредёт во мне, бряцая орденами,
Невзрослый, штатский, старый человек.*

Известный амурский поэт И. Игнатенко в беседе с Л. Завальнюком (1997) сказал: «Мне кажется, что применительно к вам очень верно выражение одного из поэтов, что все мы родом из детства. Я вспоминаю ваши стихи, где описана Украина, тяготы войны, где вы рано почувствовали себя ответственным не просто за самого себя, а за семью, за других людей. Раннее взросление – это ведь определило вас на всю жизнь, как ни страшно само слово «война», да? Из детства-то вы никуда так и не убежали».

Леонид Завальнюк не ставит временных границ войне, ведь ей «забвенья нет», и не разделяет свою судьбу и чужую, она одна – судьба народа, сложенная из общих страданий и горестей.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ Л. А. ЗАВАЛЬНЮКА

- Беглец : стихи разных лет. – Тула : Пересвет, 1996. – 238 с.
Дальняя дорога : стихи. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1987. – 290 с.
Лирика : кн. стихов. – Благовещенск : Амур. кн. изд-во, 1963. – 128 с.
Мой дом: стихи. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1966. – 72 с.
Стихи. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2001. – 272 с.
Стихотворения. – Москва : Молодая гвардия. 1990. – 174 с.

ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ Л. А. ЗАВАЛЬНЮКА

Бобошко, А. Мы пришли к Завальнюку, к стихотворцу, к земляку : [Л. Завальнюк в Амур. обл.] / А. Бобошко // Амур. правда. – 2004. – 27 марта. – С. 7.

Гамерман, Ю. Леонид Завальнюк : грани судьбы, грани таланта : [о творчестве Л. Завальнюка] / Ю. Гамерман // Амур : лит.-художеств. альм. – 2004. – № 5. – С. 82–91.

Гамерман, Ю. В. Человек, которого я люблю... / Ю. В. Гамерман. – Благовещенск : Макро-С, 2009. – 190 с.

Данилова, Т. А. Тема Родины в творчестве Л. Завальнюка / Т. А. Данилова // Лосевские чтения – 2014 : материалы регион. науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2014. – С. 111–118.

Завальнюк, Л. «В поющем мире есть надежда, а в не поющем мире – нет!» : интервью с поэтом Л. Завальнюком / провела Т. Судакова / Л. Завальнюк // Амур. правда. – 1997. – 4 февр. – С. 4.

Завальнюк, Л. «Где дом друзей, там родина моя...» : интервью с писателем / провёл С. Михайлов // Благовещенск. – 2004. – 6 мая. – С. 12–13.

Завальнюк, Л. «Не умирайте, господа...» : интервью с писателем, поэтом Л. Завальнюком о творчестве и ситуации в стране / провёл А. Ярошенко // Рос. газ. – 2008. – 18 сент. – С. 16.

Завальнюк, Л. «Печаль его светла...» : интервью с поэтом / провела А. Геут // Рус. берег. – 1998. – Янв. (№ 1). – С. 12.

Завальнюк, Л. А. То, что помню...: автобиография / Л. А. Завальнюк // Приамурье–2005: лит.-художеств. альм. – Благовещенск : РИО, 2005. – № 7 (25). – С. 35–78.

Знакомый незнакомец: о жизни и творчестве Леонида Завальнюка : информ.-метод. материалы / Амур. обл. науч. б-ка им. Н. Н. Муравьева-Амурского ; сост. В. В. Соломенник. – Благовещенск, 2015. – 132 с. + 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – (Русские судьбы: амурские писатели ; вып. 6).

Игнатенко, И. «Прочтите мне только по памяти...»: [воспоминания о Л. Завальнюке] // Амур : лит.-художеств. альм. – 2011. – № 10. – С. 11–19.

Игнатенко, И. «Прочтите мне только по памяти...» : [воспоминания о Л. Завальнюке] // Игнатенко, И. Избранное : в 3 т. Т. 3. Воспоминания. Очерки. Статьи. Рецензии / И. Игнатенко. – Благовещенск : Зея, 2012. – С. 268–292.

Красовская, С. И. Завальнюк Леонид Андреевич : [биогр. справка и список лит.] / С. И. Красовская // Энциклопедия литературной жизни

Приамурья XIX–XXI веков / сост., ред., вступ. ст. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2013. – С. 149–153.

Киреева, Н. Леонид Завальнюк: поэт с планеты Зет : вместо предисл. / Н. Киреева // Амур : лит.-художеств. альм. – 2006. – № 5. – С. 3.

Киреева, Н. На узком пяточке – душа, бессмертье, небо... : [о жизни и творчестве поэта] / Н. Киреева // Амур : лит.-художеств. альм. – 2011. – № 10. – С. 19–25.

Киреева, Н. В. Образ пути в лирике Леонида Завальнюка / Н. В. Киреева, В. В. Тимошкова // Лосевские чтения – 2014 : материалы регион. науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2014. – С. 46–54.

Леонид Завальнюк // Игнатенко И. Неумолкающее эхо : амур. поэты о Великой Отечественной войне : очерк / И. Игнатенко // Приамурье–2015 : альм. : лит.-художеств. изд. – Благовещенск : РИО, 2015. – № 13 (31). – С. 16–17.

Малык, А. Звонит высокая тоска... : [о поэте Л. Завальнюке – его биография и творчество] / А. Малык // Амур. правда. – 2002. – 2 марта. – Прил.: с. 9. – (Глагол).

Савинкин, П. Листки потёртого блокнота. Литературные зарисовки. Завальнюк / П. Савинкин // Амур : лит.-художеств. альм. – 2013. – № 12. – С. 62.

Фраер, В. С ним было очень легко... : [воспоминания о Л. Завальнюке] / В. Фраер // Амур : лит.-художеств. альм. – 2012. – № 11. – С. 88–90.

Черкесов, В. «Сам на себя и ставлю, и бегу...» : [о творчестве Л. Завальнюка] В. Черкесов // Амур : лит.-художеств. альм. – 2009. – № 8. – С. 117–120.

Черкесов, В. Ключ от бессмертия не добыть... : [воспоминания о Л. Завальнюке] В. Черкесов // Амур : лит.-художеств. альм. – 2011. – № 10. – С. 29–30.

Широков В. Последний из могикан. Несимметричная поэзия Леонида Завальнюка [электронный ресурс] / В. Широков. – Режим доступа: http://exlibris.ng.ru/lit2006-10-127_zavalnuk.htmu.

Иванов Аркадий Иванович: детство моё военное

Аркадий Иванович Иванов родился 9 сентября 1931 года в г. Ворошилов (ныне Уссурийск) Приморского края в семье железнодорожников. В 1935 году семья Ивановых переехала в Амурскую область, в Куйбышевку-Восточную (ныне Белогорск). Родители Аркадия были железнодорожниками. Лишился он их рано – в возрасте 12 лет. Воспитывался сначала у бабушки, а затем, в последние годы войны, у своей тёти в Благовещенске. Вся жизнь Аркадия Ивановича связана с Дальним Востоком. С 1959 года Иванов живёт в городе Свободном Амурской области.

Аркадий Иванов в книге «Тайна архиерейской дачи» отправляет своих читателей в путешествие в Благовещенск 1944–1945 годов, когда пришло сообщение об окончании Великой Отечественной войны, и начиналась война с японскими интервентами на границе с Китаем.

В основу повести легли воспоминания А. Иванова о детских годах, проведённых в Благовещенске. В то время ему было 14 лет, он жил у родственников в районе судоверфи, учился в школе № 3.

«Шёл 1944 год... Был тогда поселок судостроителей совсем небольшой и размещался он на единственной улице. По одной стороне её высился заводской забор, по другой выстроились в ряд двухквартирные бревенчатые дома, за которыми сплошь тянулись огороды. В западной стороне улица упирается в двухэтажный деревянный дом, в котором живут семьи переселенцев и который все называют бараком. От барака в сторону Зеи – заводской сад. Небольшой полузаброшенный парк кто-то окрестил садом, хотя кроме тополей да нескольких душистых лип, других деревьев здесь нет».

По воспоминаниям автора, военные годы были нелёгкими: на Дальнем Востоке все жили в постоянном ожидании войны с японцами, дети хлеб получали по карточкам, работали на заготовке дров для школы. Но зато умели крепко, по-честному дружить и не теряли интереса к приключениям.

Главные герои этой приключенческой повести – друзья Антон Кудрявцев (автор книги) и Лёнька Шпагин раскрывают тайну архиерейской дачи, которая является достопримечательностью г. Благовещенска. Подростки случайно обнаруживают в подвалах бывшей архиерейской дачи тайники с оружием и рацией и начинают самостоятельно слежку за японским шпионом. Основное действие разворачивается в сентябре 1945 года – во время начала военных действий Красной армии против японских войск за Амуром.

Лёнька, искавший вход в здание архиерейской дачи, случайно упал в яму, и с этого события и начались все приключения подростков. Закончившиеся, кстати, тем, что друзья Лёнька и Антон обнаружили и помогли задержать опасного преступника и предателя Родины, агента иностранной разведки Струминского. Мальчишки, преследуя шпиона, тайком проникают на баржу и переправляются нашими войсками на другой берег. В китайском Сахаляне (Хэйхэ), ребята столкнулись с опасными приключениями. В конце концов, всё завершается благополучно, и мальчишки даже удостоились похвалы советского военного начальника.

Приведём небольшой отрывок из повести.

«...Прошло несколько минут, которые для ребят показались вечно-стью, и тогда стало слышно, как щёлкнул металлический засов. Незнакомец открывал железную дверь.

– Странно?! – подумал Антон, – никаких железных ящиков и дверей они с Лёнькой в зале не замечали. Ещё через минуту воцарилась полнейшая тишина, а через другую послышался едва уловимый прерывистый писк.

– Слышь... рация! На рации работает! – прошептал прямо в ухо Лёньки Антон.

Вскоре писк умолк, и снова стало слышно, как стукнула металлом не то крышка, не то дверь. У ребят ужасно затекли ноги. Хотелось сесть тут же рядом на пол, но об этом нечего было даже думать. Даже небольшим шорохом мальчишки могли вызвать на себя подозрение.

Наконец свет в зале потух, и в противоположной стороне хлопнула дверь.

– Хкм! Поджилки свело! – дрожащим голосом хрипло сказал Лёнька.

– Тихо! – остановил его Антон.

В залу снова, теперь ещё более торопливо, вошёл человек. Он опять направлялся к двери. С каждым шагом всё сильнее нарастали удары по бетонному полу. Чем можно было объяснить неожиданное возвращение незнакомца? Скорее всего, наверное, тем, что дверь, за которой притаились ребята, родила у него какие-то подозрения. Вот человек приблизился к двери, подёргал её сильнее, чем прежде, и кашлянул. Антон с Лёнькой сжались в один комок.

Кто знает, сколько прошло времени, прежде чем опомнились от испуга мальчишки. Даже тогда, когда стало ясно, что в зале уже никого нет, Антон с Лёнькой ещё долго сидели, боясь тронуться с места.

Но не одно только это испытание было для ребят в этот день последним.

– Вроде бы ушёл?!.. Будто совсем ушёл?! – тихо и неуверенно сказал Лёнька.

Небольшая пауза, и снова Лёнькин голос: «Что теперь делать будем?»
– Что? Надо двигать обратно! – Антон приподнял фонарь, чтобы посмотреть, как открывается дверь.

Но... что такое?!

Не от удивления, а от ужаса Антон с Лёнькой широко открыли глаза. Со стороны коридора была обыкновенная ручка с замочной скважиной, отороченной медной накладкой. Она совсем не походила на ту ручку, что была изнутри и которую можно было открывать как рычагом.

Ребята потолкали дверь... но безуспешно.

Обратный путь для них был отрезан.

От растерянности Антон с Лёнькой даже не смогли оценить всю трудность своего положения. Только через минуту сработала тревожная мысль: – Как теперь выбраться из проклятой ловушки?..»

Книга «Тайна архиерейской дачи» также знакомит читателя с историей Благовещенска. Многие места, описанные в повести, стали историческими достопримечательностями, которые сегодня являются памятниками истории и культуры областного центра Приамурья: архиерейская дача, в которой жил Святитель Иннокентий, здание Речного вокзала возле площади Победы, железнодорожный вокзал, где проходил гамовский мятеж. В одном из интервью писатель отметил: «В описаниях окружающих мест есть художественное приукрашивание, потому что реальность была далека от идеальной. Шла война. Всем: и детям, и взрослым – приходилось туго».

Что касается архиерейской дачи, то её деревянных строений не сохранилось, осталось лишь одно основное каменное здание – «архиерейские палаты» – на территории судостроительного завода имени Октябрьской революции (бывшей судовой верфи). «Сейчас дача не в таком виде, как описано в повести, так как мне было интереснее представить ее в более красочном изображении», – отмечает писатель. Ныне в здании архиерейской дачи располагается цех по изготовлению мягкой мебели.

Реальные прототипы героев – это сам автор и его школьный друг Эдик Иванов. Эдуард Михайлович Иванов свою дальнейшую жизнь посвятил службе в военной разведке, в настоящее время он – профессор Российского института стратегических исследований, живёт в Москве и изредка приезжает в гости к другу детства.

Работу над повестью А. Иванов начал в 1982 году. Первая публикация книги «Тайна архиерейской дачи» (1995) была посвящена 50-летию Победы над фашистской Германией и империалистической Японией. Повесть вызвала большой интерес у читателей-школьников.

В 2010 году в Благовещенске вышло третье издание книги (второе состоялось в 2008 году), куда, помимо повести, вошло 11 рассказов, написанных А. И. Ивановым в разные годы. Наиболее интересны те, сюжеты которых взяты из воспоминаний военных и послевоенных лет («Ой, Днепр, Днепр...», «Вот она, вот она...», «Сталинская реформа»), а также из жизни железнодорожников.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ А. И. ИВАНОВА

Тайна архиерейской дачи : повесть. – Свободный, 1997. – 90 с.

Тайна архиерейской дачи : повесть ; рассказы. – Благовещенск : РИО, 2010. – 192 с.

ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ А. И. ИВАНОВА

Бобошко, А. «Тайна архиерейской дачи» раскрыта : [автор кн. А. Иванов делится с юными читателями воспоминаниями] / А. Бобошко // Амур. правда. – 2008. – № 198. – С. 3.

Кулакова, М. «Тайна архиерейской дачи» : [о кн. А. Иванова и г. Благовещенске] / М. Кулакова // Амур. дилижанс. – 2008. – 29 окт. – С. 15.

Михайлов, Ф. М. Иванов Аркадий Иванович : [биогр. справка и список лит.] / Ф. М. Иванов // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XX веков / сост., вступ. ст. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2013. – С. 165.

Об авторе : [биогр. справка об А. Иванове] // Иванов, А. И. Тайна архиерейской дачи : повесть ; рассказы / А. И. Иванов. – Благовещенск : РИО, 2010. – С. 191.

Попова, И. Тайна архиерейской дачи : история Благовещенска на страницах книги / И. Попова // Благовещенск. – 2008. – № 43. – С. 12.

Тема города в книге А. Иванова «Тайна архиерейской дачи» : экскурсия по городу прошлого // Приамурье литературное : внеклас. занятия по прогр. «Литературное краеведение» для 1–9 кл. : в помощь дет. и школ. б-кам / сост. О. А. Барсова. – Благовещенск, 2004. – С. 22–24.

Маслов Олег Константинович: сильнейшее впечатление детства

Маслов Олег Константинович (31.08.1932–27.05.2015) родился в Благовещенске, но детство, довоенное и военное, провёл в горняцком посёлке Кивда Амурской области. Вся обстановка и атмосфера детских лет в семье сформировали у Маслова твёрдое убеждение – он должен стать врачом-хирургом. Примером был отец, поселковый, а в годы войны – военный хирург.

Поэзия для Олега Маслова – средство осмысления жизни, включая профессию, и доверительного общения с людьми. Маслов-поэт говорит лишь о том, что знает не понаслышке. Так, в стихотворении «Воспоминание» через сюжет воспоминание о друге из далёкого военного детства разыгрывается характерная и одновременно актуальная для Приамурья тема принадлежности его к России:

*Ещё во всю палили пушки,
Но, зная, что дела не ждут,
К родным местам помчал в теплушках
Эвакуированный люд.*

*И друга школьного спросил я,
Когда и он собрался вдруг:
Куда ты, Коль? –
Домой, в Россию! –
Ответил радостно мой друг.*

Одно из самых сильных впечатлений в жизни Маслова оставила война. Военная тема – одна из главных тем его творчества. Он присутствует и в «чистом» виде, и, переплетаясь, сопутствует иным темам. Так, в сюжетном стихотворении «Праздник» воспоминания о школе, школьном учителе – бывшем фронтовике, списанном по состоянию здоровья в глубокий тыл, неотделимы от воспоминаний о войне:

*– Освобождён сегодня Киев! –
Мы дружно грянули: «Ура!»
А он, вскочив, какой-то высшей
Железной властью поднял нас –
И вдруг огромным сапожищем
Как грохнет и ... пустился в пляс.*

*Всё видел, но такого пляса
Я больше в жизни не встречал –
Он так плясал, как будто насмерть
Змею гремучую топтал.
Порядок вечера сломался,
Стоял, примолкнув, школьный зал,
А он слезами обливался
И всё плясал, плясал, плясал...*

Впечатление тем сильнее, чем конкретнее, обыденнее ситуация. Среди героев Маслова нет необыкновенных в эпическом смысле героев, все они – обыкновенные люди, живущие простую обыкновенную жизнь. И тем выпуклее на фоне их внешней обыкновенности их необыкновенная душевная сила, мужество и благородство.

Война, её образ, как самое сильное впечатление детства, не покидает Маслова всю жизнь. Не случайно, что свою особую, личную тему – тему профессии врача, его будней, переживаний, побед и поражений, сомнений и страхов, Маслов раскрывает в образах и через образы войны:

*Тревожно – на войне как на войне –
Здесь, на переднем – ближе нету! – крае,
Где жизнь всегда со смертью наравне,
И всяк сюда ступивший это знает.
Но войне все конец имеют свой,
А этот – никогда не прекратится,
Поскольку жизнь и смерть между собой
Не в силах ни о чём договориться*

.....

Сегодня – бой.

И завтра тоже – бой.

(«В операционной»)

В стихотворении «На “Скорой”» тревожный звук машины «Скорой помощи» вызывает ассоциацию с взрывом мин и снарядов в военное время:

*Опять, махнув на светофоры,
Стремглав лечу на красный свет
На самой жданной, самой скорой
И безотказной из карет.*

*До правил ли, когда досрочно
На чьих-то жизненных часах
Кончает стрелка путь урочный
И ключ от них – в твоих руках?*

*Как визг влетевшей в город мины,
Пронзит сердца сирены вой,
На миг порядок жизни мирной
Взорвав командой фронтовой.*

Травма войны у Маслова усугубилась ещё и личным нездоровьем и, как следствие, непригодностью для службы в армии. Для советского юноши, воспитанного в духе служения Родине, это было подлинной трагедией – ведь «все тогда мечтали служить в РККА», и «так хотелось быть похожим / На тех, кто на передовой!» («Передний край»). Казалось бы, иного выхода нет, как подчиниться судьбе, но Маслов находит его:

*Но одолел судьбу я всё же,
Надев халат врачебный свой.*

Свою жизнь Олег Константинович превратил в непрекращающуюся войну со смертью, и пафос сражений на поле операционного стола стал пафосом его автобиографической прозы и многих стихотворений:

*Пусть счастье ратное не в драке,
Но я восторга не таю –
Какие схватки и атаки
На долю выпали мою.*

*Нет счастья большего на свете,
Чем, сжав оружие в руках,
Идти вперед навстречу Смерти
И видеть страх в её глазах.
(«Передний край»)*

*Давно уж флаг Победы поднят,
Грозна лишь в памяти война,
А для меня и по сегодня
Не прекращается она:
В строю палаты – как палатки,
И каждый миг – настороже,*

*И на дежурстве – сон украдкой,
Как в час затишья в блиндаже.
Но, как и прежде, смерть встречая,
Не отвожу в смятенье взгляд –
В огне моя передовая,
И я в бою, её солдат.
(«Фронтовой врач. Памяти отца»)*

Маслова – романтик, певец ежедневного врачебного подвига, который приравняется в его стихотворениях подвигу военному.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ О. К. МАСЛОВА

В небесах, на земле и на море : стихи и рассказы. – Благовещенск : [б. и.], 1998. – 96 с.

Ещё не спето столько песен... : кн. лирики. – Благовещенск : [б. и.], 1995. – 86 с.

Жизнь продолжается : стихи и рассказы о врачевании. – Благовещенск : [б. и.], 1996. – 90 с.

И чаша, и лира : рассказы, очерки, пьеса. – Ашкелон ; Тель-Авив : [б. и.], 2009. – 336 с.

Из века в век : стихи и проза. – Tel-Aviv : [б. и.], 2007. – 202 с.

Избранное. – Благовещенск : Зея, 2002. – 272 с.

Костер : стихи. – Благовещенск : Хабар. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1985. – 48 с.

Лицом к лицу : стихи. – Благовещенск : Хабар. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1989. – 62 с.

Мой век : избр. стихи. – Благовещенск : [б. и.], 1989. – 62 с.

Мой век : избр. стихи. – Благовещенск : [б. и.], 1994. – 192 с.

Мой крест : стихи, рассказы, воспоминания. – Благовещенск : Зея, 2003. – 126 с.

Моя профессия : стихи. – Хабаровск : Хабар. кн. изд-во, 1973. – 30 с.

Передний край : стихи. – Благовещенск : Хабар. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1980. – 64 с.

Страда земная : стихи. – Благовещенск : Хабар. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1975. – 56 с.

ИЗ ПУБЛИКАЦИЙ В ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ И СБОРНИКАХ

Праздник ; Встреча ; Плюшевые жакетки // Эхо прошедшей войны : сб. стихов амур. поэтов. – Благовещенск : [б. и.], 2000. – С. 32–38.

Праздник ; И мы по карточкам делили... ; Встреча ; Фронтовой врач ; У памятника герою ; В Освенциме : стихи // Годы грозовые : стихи к 60-летию Победы. – Благовещенск : Буквица, 2005. – С. 41–46.

На «Скорой» ; Мой крест ; Плюшевые жакетки ; Звёзды ; День как день, и вдруг – как свечерело... ; И рядом был с его бедою... ; О славе и о власти... ; На реке // Приамурье моё – 1979 : лит.-художеств. сб. – Благовещенск : Хабар. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1979. – С. 33–36.

ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ О. К. МАСЛОВА

Демидов С. Стихи, идущие от сердца : [о сб. «Моя профессия»] / С. Демидов // Амур. комсомолец. – 1973. – 1 авг. – С. 4.

Игнатенко И. Верность слову и делу : [о сб. «Передний край»] / И. Игнатенко // Дал. Восток. – 1981. – № 3. – С. 148–150.

Игнатенко И. И лира, и чаша : [о поэте, прозаике О. К. Маслове] / И. Игнатенко // Амур. правда. – 1992. – 1 сент. – С. 3.

Кайда А. Эра человечности : [о сб. «Костёр»] / А. Кайда // Амур. правда. – 1985. – 28 апр. – С. 3.

Красовская, С. И. Маслов Олег Константинович : [биогр. справка и список лит.] / С. И. Красовская // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XX веков / сост., вступ. ст. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2013. – С. 250–252.

Маслов, О. «Я пишуший врач...» / О. Маслов // Амур. правда. – 2000. – 9 дек. – С. 1, 3.

Олег Маслов // Игнатенко И. Неумолкающее эхо : амур. поэты о Великой Отечественной войне : очерк / И. Игнатенко // Приамурье-2015 : альм. : лит.-художеств. изд. – Благовещенск : РИО, 2015. – № 13 (31). – С. 17.

Хоцкина, Т. Радоваться жизни : [о беседе с О. К. Масловым о жизни и творчестве] / Т. Хоцкина // Амур. правда. – 1987. – 6 дек. – С. 4.

Черкесов В. «Что людям отдано – твоё...» : [о сб. «Страда земная»] / В. Черкесов // Амур. правда. – 1976. – 10 янв. – С. 3.

Ерёмин Игорь Алексеевич: судьба Родины и народа

Игорь Алексеевич Ерёмин (17.09.1934–25.04.1983) родился в селе Понзари Сампурского района Тамбовской области. Детство будущего поэта пришлось на военные годы. После окончания войны семья Ерёминых переехала на Дальний Восток – в село Волочаевку Хабаровского края.

Первые стихи Игорь Ерёмин начал писать в старших классах. Окончив Благовещенский пединститут, работал учителем в Волочаевке, журналистом в газетах Амурской области и Хабаровского края. И одновременно занимался литературной работой. Его стихи с 1957 года печатались в областных и краевых газетах, в альманахах «Приамурье», журнале «Дальний Восток», литературных сборниках. В сборнике «Ладони» (1972) отчётливо обозначилась главная тема всего поэтического творчества Игоря Ерёмина – судьбы родины и народа. В 1975 поэма «Солдатка» (первоначальное название «Красно Солнышко») была признана лучшей публикацией года среди стихотворных произведений журнала «Наш современник».

Ведущими темами поэтического творчества И. Ерёмина стали: тема родины и народа – труженика, созидателя, защитника отчества, тема любви, и смысла жизни. Людские судьбы и человеческая ответственность за всё, что происходит, гимн труду и добру, земной поклон всем, кто отстоял свободу и независимость – живым и мёртвым, женщинам-матерям, оставшимся в тылу. Вот темы творчества И. Ерёмина.

Ерёмин, сполна испытавший и военное тревожное, голодное и холодное детство, в стихотворении «Не хватало тишины...» описывает тяготы военного лихолетья:

*Не хватало тишины,
Как еды и отчей ласки...
Мы в дыму и диком лязге
Жили звуками войны.*

.....
*Из разбитых окон школы
Стоны раненых слышны.
Как ожившие иконы,
Были лица их страшны.*

*И играл, рыдал на хромке
Призывник в последний день.
И, роняя похоронки,
Бабы бились о плетень.*

*И тянули руки дети.
Хлеба – плакали они.
И молчали на планете
Лишь убитые одни.*

Из стихотворения «О детстве», «Встреча с детством» и других узнаём о послевоенной жизни:

*...Снова в школе
Нехватка дров. Застывший класс.
И дрожь берёт, и поневоле
Лишь физзарядка греет нас.
А как учились? О предметах
Каких заботились в те дни,
Когда писали на газетах
Мы упражнения свои?*

Или:

*Знает тот, кто голодал хоть малость,
Что за мука сутками не есть!..
Я с утра одной заботой маюсь:
Может, хоть к обеду что-то есть.*

А вот ещё:

*А мы в холодном, как подворье,
Войной разграбленном дому
Отцу и вовсе не подспорье –
Замена были мы ему.*

Стихи Ерёмина вводят в мир суровых испытаний, выпавших на долю народа в годы войны. Большая часть детства поэта – военная. Ерёмин видел и голод, и смерть, слышал горький плач женщин по не вернувшимся с войны. Память детства очень крепка, поэтому эта тема неотступно следовала за ним. Стихотворения «Солдатик», «Грибы», «День Победы», «Возвращение с войны» – это связанная между собой цепь событий военных и послевоенных лет.

Со временем поэт стал говорить о войне с позиции не подростка, а взрослого человека, понимающего, что война калечит не только физически, но духовно, нравственно.

Гражданственная направленность лирики поэта в полной мере отразилась уже в его первом сборнике «Ладони» (1972). Своё название он получил по одноимённому стихотворению, лирический герой которого – человек-труженик, всю жизнь отдавший работе на земле, а в страш-

ные военные годы самоотверженно защищавший её от захватчиков.

Ладони олицетворяют собой неистребимую силу духа русского человека в борьбе за свободу и независимость родной земли:

*Но сжималась ладонь в кулак,
И врагу становилось страшно.*

Присущий стихотворению позитивный пафос отразил настроение целого поколения советских людей, которые после победы в Великой Отечественной войне остро ощутили чувство собственного достоинства.

В стихотворении «Возвращение» образ рук становится символом включённости человека в поток живой, настоящей жизни. Лирический герой, чудом вернувшийся с фронта, не чувствует себя счастливым:

*Он был не павший – без вести пропавший.
Его не ждали в сенокосный день.
А он пришёл, лекарствами пропахший.
Пустой рукав заправлен за ремень.*

*Все на виду блестят его медали,
И говорили стар и млад: – Герой! –
А он вздыхал: в лугах стога метали.
А как метать ему – с одной рукой?*

Герой стихотворения, оставшись без руки и не имея возможности работать, остро ощущает свою ущербность, не только физическую, но и духовную. Превозмогая боль, он всё же берётся за косу, и только это возвращает его к жизни:

*И парой рук косить совсем непросто.
А тут одной! Где взять солдату сил?
Косьё в живот торцом кололо остро,
А щёки пот обильно оросил.*

*Так тяжело коса ходила, словно
Кустарник рос – не клевер – из земли.
Но он косил! Он был помощник снова,
А не помеха для своей семьи.*

*Пусть строчка шла неровно, словно волны.
Но так же, как и в довоенный год,
Он свой прокос оглядывал, довольный,
И улыбался, смахивая пот.*

Образы героев, вернувшихся с войны калеками, не редкость в художественной литературе, в том числе и в литературе Приамурья: здесь можно вспомнить рассказ Н. Фотьева «Распутица», стихотворения В. Яганова «Учитель физкультуры» и «Учитель музыки» и др. События в них происходят тогда, когда жизнь героев уже вошла в привычную колею. И. Ерёмин же выбирает самый напряжённый момент – возвращение солдата с фронта, позволяющий ему показать драму человека, так тяжело переживающего свою непричастность мирной жизни.

Лучшие стихотворения Ерёмина о войне. В них заключена искренняя, не затухающая с годами боль невосполнимых утрат, горечь военных поражений. Одно из самых пронзительных стихотворений «Сирень». В первых строчках поэт рисует страшную картину: солдаты, отступая, уходят их деревни. Это значит, что её скоро займут враги. Крупным планом Ерёмин изображает скорбные лица жителей, провожающих солдат, и детей, малопонимающих, что происходит:

*Перед лицом России не солгать...
Смотрели люди горше ликов древних
На них, уставших до смерти солдат,
Без боя оставляющих деревню.*

*А девочка, должно быть подражая
Обычным встречам довоенных лет,
К колонне запылённой подбежала
И в чьи-то руки сунула букет.*

Фразеологизм «ладони жечь» позволил поэту очень точно передать чувства горечи и вины, переживаемые солдатом, который вместе с другими бойцами без боя оставляет деревню. Букет сирени, традиционно являющийся символом весны, мира, победы, в данной ситуации воспринимается солдатом как укор его, и без того измученной совести:

*Солдату слёзы застилали свет,
Ладони жёг пучок сирени бледной,
Эх, как бы кстати был он в день победный,
И как некстати был теперь букет.*

*Нет, девочка была не виновата,
Что принесла не вовремя сирень,
Что верила по-прежнему в солдата,
А он деревню оставлял в тот день.*

Стихотворение «Махорка» представляет собой воспоминание И. Ерёмкина о военном детстве. Самая сильная эмоциональная нота произведения – жалость и сострадание к детям, осиротевшим при живых родителях. В жизни миллионов советских людей война расставила свои акценты: не только на фронте, но и в тылу все силы были направлены на борьбу с фашистскими захватчиками:

*По большаку, в тяжёлых клубах пыли,
Шли торопливо к западу войска.
Мы у бойцов, что в речке воду пили,
Тихонько попросили табака.*

*Они глядели на худые лица,
На одежонку, что была бедна.
– От рук отбились.
– Как тут не отбиться? –
Солдат солдату говорил. – Война!*

Использованное поэтом устойчивого словосочетания «от рук отбились» становится композиционным центром стихотворения, благодаря чему тема войны начинает звучать намного отчётливее, напоминание о ней – болью отзывается в детских сердцах:

*И пусть сейчас она совсем негромко
До слуха доносилась – всё равно:
За похоронкой шла к нам похоронка,
А писем с фронта не было давно.*

Так, образ отцовских рук, которых нет рядом, становится символом сиротства, а фразеологизм, имеющий в словаре помету «неодобрительное», в стихотворении И. Ерёмкина получает иную эмоциональную окраску: в нём чувствуется горечь и сострадание к осиротевшим детям:

*– Беда, и только! – И кисет с махоркой
Достал солдат. – Берите ребятня.
Курите! – крикнул он с надсадой горькой. –
Войну закончим – будет вам ремня!*

С этим стихотворением тесно связано другое – «Отцы». Действие в нём разворачивается уже в послевоенное время, но образ отцовской ладони, которая, «как крыша от невзгод», «на детскую ложится головёнку», усиливает трагический колорит «Махорки», позволяет в полной мере ощутить, как много потеряли те, чьё детство пришлось на тяжёлые военные годы.

Тема нелёгкой судьбы русской женщины-крестьянки в годы Великой Отечественной войны отражена в поэме «Солдатка». В 1975 году увидела свет поэма «Солдатка». Об истории создания произведения рассказывал И. Полтавцев: «35 страниц поэмы автор вынашивал и писал более двух лет – с 1972 по 1974 год. Но как писал! И днём и ночью. <...> И не зря. Получилось истинно народное сказание о русской женщине». В рецензиях на поэму подчёркивалось, что она развивает традиции русской классической поэзии, в частности Н. А. Некрасова, создавшего неповторимые образы русских женщин.

Сюжет поэмы «Солдатка» прост. Главная героиня поэмы – жена солдата Алёна получает письмо с фронта от мужа, в обыденной жизни молчуна, который, кроме «здравствуй и прощай», и не говорил ласковых слов. И вдруг такие нежные слова, или, как написал автор, – «не слова, а пенье струн»:

*Красно солнышко Алёнушка,
Ясный месяц мой сынок!
Как живёте, как здоровыице?..*

Эти строки – главное доказательство искренних, по-настоящему глубоких чувств героя. Кровавая война... Солдатский треугольник, и то – дойдёт ли? Но человеку, ставшему солдатом, «...полным голосом захотелось говорить»:

*И пришло не слово тусклое!
Знать, лицом к лицу с врагом
Что-то очень-очень русское
Он открыл в себе самом.*

.....
*И войной не заглушённые.
Сами шли, как в рост трава.
Эти древние, исконные,
Эти русские слова.*

Ерёмин подчёркивает истинно-народный характер Степана, его кровную, впитанную с молоком матери связь с русской землёй.

А что же Алёнушка? Она тоже найдёт слова, которые обрадуют воина. Он из строчек её письма будет знать «...что устроено по дому всё как при нём». Про сынка – что он

*...ухоженный
По военным временам.*

*Про коровку – в срок положенный
Принесла телёнка нам.
По колхоз –
...что даёт не меньше
Урожай нынче рожь,
Что мужей ждут с фронта женщины,
И сама ты тоже ждёшь!..*

За чтением долгожданного письма от мужа она вспоминает о мирной жизни – о первом свидании со Степаном, живущим по соседству, и последнем семейном обеде, когда ничто не предвещало беды:

*И приятно было в белёном
Доме рядышком-рядком
За столом сидеть обеденным,
Как на празднике каком.*

*И о счастье думать заново.
Не тревожась ни о чём.
Крепкое плечо Степаново
Чужа собственным плечом.*

На смену светлым воспоминаниям приходят размышления о трудностях военного лихолетья. Вместе ребёнком, появившимся на свет «в день рождения войны», Алена пахала, сеяла, косила:

*С ним, небось, и в хате хлопотно,
А в телеге да копне
Вовсе матери неопытной
Нынче хлопотно – вдвойне!*
.....
*Кто ж присмотрит?.. Заменявшие
Мужиков пришли на луг
До одной все няньки бывшие –
От девчушек до старух.*

Постепенно в воображении Алены возникают картины военных сражений:

*Он лежит, солдат в окопчике,
Не предчувствуя того
У какой на чёрном кончике
Вражьей мушке смерть его.*

*И снарядами навыворот
Перевернута земля.
И летит она за шиворот,
И глаза слепит, пыля.*

*На язык ложится хрусткая,
По окопам давит грудь.*

Такое сюжетно-композиционное решение придает поэме «Солдатка» эпический размах. В судьбе Алёны отразилась судьба русских женщин-солдаток, тех, что

*...встают в любую рань,
Не какие-то лишь мелочи
Могут по дому справлять,
А работают умеючи
Мужикам любим под стать.*

*По-мужски тверды характером,
Хоть осталась женской стать.
Могут всё: и править трактором,
И косить, и скирдовать.*

Но, согласно мысли поэта, несмотря на все тяготы военного времени, русская женщина остаётся нежной, заботливой матерью и верной женой:

*Он ушёл по долгу общему,
Чтоб хранить в борьбе с врагом
Каждый подступ к дому отчому,
Ты, жена, храни сам дом.*

*Всё в твоём распоряжении,
Как война предала,
Не доля, где есть женины,
А где мужнины дела.*

Голос автора звучит открыто и трагедийно, там, где он раздумывает о величии испытания, выпавшего народу, о кровавой и затяжной войне с фашизмом:

*Ой, война!.. Живём не ведая,
Сколько дней пройдёт в огне.
Ведь не каждый день с победою
Достается на войне.*

Как великий апофеоз, как напоминание будущим поколениям о том, кто выковал победу, звучат строки, заключающие девятую главу это небольшой, но воистину «фольклорной» поэмы, написанной простыми русским словами:

*И великою Россиею
Поднималась из веков,
Возвеличенная силою
Баб её и мужиков.*

Позднее в поэме «Далёкий свет» (1977) Игорь Ерёмин обращается памятью к своему, опалённому войной, детству. И совмещает лирическую, автобиографическую тему полудетской любви с фоном общенародного горя:

*А война идёт и чаще, жёстче
Гам напоминает о себе.
Самолёта вражьего средь ночи
Будит гул, как ветра вой в трубе...*

*Вечером, когда постель мне в пору,
В нашем доме уж в который раз
Приступают бабы к разговору:
– Ну, сдадим, а что у нас в запас?*

*– Вовсе ничего. – Но немец, он-то,
Землю нашу топчет сапогом!...
И решают всё отдать для фронта,
Для победы скорой над врагом.*

*И с утра смотрю я, как сутулясь,
Мать уходит с полмешка зерна,
Как другие бабы с наших улиц
Вслед за нею с торбами... Война!*

Далёкий свет – это душевный свет русской женщины, выстрадавшей Победу, терпеливо и беззаветно, сдававшая для фронта последний мешок зерна. Это «печальное сиянье» глаз сироты Кати, «сердце материнское» учительницы Клавдии Петровны, потерявшей на войне сына. Лирический герой поэмы – это человек, остро чувствующий и понимающий тяготы женщин, боль материнского сердца:

*И душа невольно сжалась, словно
Птаха, вдруг попавшая в силок.
Весть пришла: у Клавдии Петровны
Сын погиб – единственный сынок.*

В поэме «Дальний свет» слышится боль за всех, кто потерял близких в годы войны:

*И поверить, кажется, не в силах,
И не верить не хватает сил.
«Похоронен, – пишут, – у осинок...»
Сколько-то в России их, осин!*

Русская женщина становится в стихах И. Ерёмкина олицетворением судеб Родины, воплощением лучших черт национального характера. Именно русская женщина личным примером и делами учила творить добро, быть милосердными.

О долгожданной победе над фашистской Германией читаем в стихотворении «День Победы»:

*Был близок май. И люди жили верой,
Что день Победы где-то недалёк.
Но шёл на смену солнчному серый,
Сырой, совсем не праздничный денёк...*

*И как же неожиданно у клуба –
Так, будто бы не радиоволна,
А молния вошла в динами к грубо, –
Гром прекратился: – Кончилась война!*

*А бабы – пусть в ту пору кто у печи,
Кто у корыт, кто около коров, –
Но, бросив всё, скорей платки на плечи
И к площади бегом со всех дворов.*

*И грудь спирало им – но не от бега,
А оттого, что были за спиной
У каждой больше, чем четыре века, –
Четыре года, полные войной...*

Стихотворения И. Ерёмкина утверждают ратный подвиг тех, кто «пал во имя праздника Победы, во время жизни, чтоб живущим жить» («День Победы»), «кого дороги фронтовые не привели с войны

назад» («Солдतिक»), и тех, кто вернулся с запахом «госпитальных, в одежду въевшихся лекарств» («Возвращение с войны»), о детях войны, спасённых и воспитанных женщинами (бабушками, матерями, сёстрами).

Лучшие стихотворения Игоря Ерёмкина – воспоминания о военном детстве. В них искренняя, не утихающая с годами боль невосполнимых утрат, выстраданная радость Победы.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ И. А. ЕРЁМИНА

ОТДЕЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ

Большак : поэмы. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1982. – 128 с.

Земные корни : стихи. – Москва : Современник, 1973. – 80 с.

Зрелость : стихи. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1984. – 128 с.

Ладони : стихи. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1972. – 94 с.

Окоём : стихи и поэмы. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1978. – 102 с.

Сердцевина : стихи и поэма. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1976. – 80 с.

ИЗ ПУБЛИКАЦИЙ В ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ И СБОРНИКАХ

Армейцы : стихи // Амур. комсомолец. – 1964. – 15 нояб. – С. 4.

Байроны. Стихи поэтов, павших на войне : стихи // Лен. путь. – 1964. – 29 июля. – С. 4.

В дни войны : [отрывок из поэмы] // Амур. правда. – 1977. – 8 мая. – С. 4.

В дни войны ; Крестоносцы : стихи // Амур. комсомолец. – 1970. – 13 мая. – С. 4.

В сорок первом : стихи // Совет. Приамурье. – 1971. – 12 авг. – С. 3.

Возвращение с войны : стихи // Амур. правда. – 1975. – 25 сент. – С. 4.

Ерёмин, И. Возвращение с войны : стихи // Приамурье-2010 : лит. художеств. альм. – Благовещенск : РИО, 2010. – № 9 (27). – С. 8–9.

Всё для фронта : стихи // Лен. путь. – 1976. – 10 июля. – С. 3.

День Победы : стихи // Амур. комсомолец. – 1975. – 7 нояб. – С. 3.

День Победы : стихи // Наш современник. – 1975. – № 2. – С. 73–75.

Красно солнышко : поэма // Лен. путь. – 1973. – 31 марта. – С. 3 ; 3 апр. – С. 4 ; 30 мая. – С. 3 ; 26 июня. – С. 3 ; 15 сент. – С. 4 ; 1 дек. – С. 3.

О детстве ; Сердцевина : стихи // Лен. путь. – 1975. – 22 июля. – С. 3.

Перед войной ; Махорка ; Возвращение с войны : стихи // Годы грозы : стихи к 60-летию Победы. – Благовещенск : Буквица, 2005. – С. 21–24.

Письмо с фронта : стихи // Победа. – 1972. – 12 февр. – С. 4.
Пленный : стихи // Лен. путь. – 1981. – 2 окт. – С. 3.
Солдат : [отрывок из поэмы] // Лен. путь. – 1977. – 22 янв. – С. 3.
Солдатик ; Возвращение с войны ; Завещание ; Красные следопыты ;
Осень на Амуре ; Ты опять говоришь о другой... : стихи // Дал. Восток.
– 1975. – № 9. – С. 3–6.
Ходоки ; В дни войны ; Санная дорога ; Из детства : стихи // Наш
современник. – 1969. – № 7. – С. 3–5.

ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ И. А. ЕРЁМИНА

Вейцман, З. Беспокойство : [о кн. «Земные корни» И. Ерёмину] /
З. Вейцман // Зейс. огни. – 1974. – 30 янв. – С. 4.
Викулов С. Доверяясь естественному чувству / С. Викулов // Ерёмин,
И. А. Земные корни : стихи. – Москва : Современник, 1973. – С. 4.
Викулов, С. Не из глубинки – из глубины : [о поэте И. Ерёмине] /
С. Викулов // Наш современник. – 1988. – № 8. – С. 105–106.
Воронков, А. Игорь Ерёмин : слава и забвение / А. Воронков // Амур.
дилижанс. – 2004. – 20 сент. – С. 6, 11.
Воронков, А. Сердце поэта : [о поэте И. Ерёмине] / А. Воронков //
Амур : лит.-художеств. альм. – 2007. – № 6. – С. 87–91.
Воронков, А. Сердце поэта : [о поэте И. Ерёмине] / А. Воронков //
Кадры – селу. – 2004. – 15 сент. – С. 6–7.
Воронков, А. Энергия сердца : [о кн. «Сердцевина» И. Ерёмину] /
А. Воронков // Амур. комсомолец. – 1976. – 6 авг. – С. 4.
Воронков, А. Это был поэт с большой буквы : [о поэте И. Ерёмине] /
А. Воронков // Проспект Пушкина. – 2004. – 2 апр. – С. 2.
Демидов, С. Верность традиции : [о поэме «Солдатка» И. Ерёмину] /
С. Демидов // Амур. правда. – 1975. – 31 окт. – С. 4.
Демидов, С. Гражданственность – талант нелёгкий буквы : [о поэте
И. Ерёмине] / С. Демидов // Амур. комсомолец. – 1974. – 4 янв. – С. 3.
Демидов, С. Мир открытый и радостный : [о кн. «Ладони» И. Ерёмину]
/ С. Демидов // Амур. комсомолец. – 1972. – 10 сент. – С. 4.
Добровенский, Р. Быть первооткрывателем : [о кн. «Ладони» И. Ерёмину]
/ Р. Добровенский // Дал. Восток. – 1976. – № 6. – С. 148–149.
Ерёмин И. Солдатка ; Далёкий свет ; Зрелость : [тема Великой Оте-
честв. войны в творчестве И. Ерёмину] // Десять книг о войне : беседы
с родителями о кн. амур. писателей / сост. О. А. Барсова. – Благовещенск : АОНД, 2009. – С. 11–15.

Игорь Ерёмин // Игнатенко, И. Неумолкающее эхо : амур. поэты о Великой Отечеств. войне : очерк / И. Игнатенко // Приамурье–2015 : альм. : лит.-художеств. изд. – Благовещенск : РИО, 2015. – № 13 (31). – С. 18–19.

Кабушкин, И. Большак, вместивший судьбу народа : [о кн. «Большак» И. Ерёмина] / И. Кабушкин // Амур. комсомолец. – 1982. – 18 апр. – С. 3.

Кадомцев, С. Поэма о солдатке: [о творчестве И. Ерёмина] / С. Кадомцев // Лен. путь. – 1975. – 6 авг. – С. 4.

Камышникова, И. О сборнике «Земные корни» И. Ерёмина // И. Камышникова // Неделя. – 1973. – 3 авг. – С. 14.

Лебедев, Б. Тема Родины и народа : [о кн. «Большак» И. Ерёмина] / Б. Лебедев // Амур. правда. – 1982. – 16 мая. – С. 4.

Лещенко, В. Жизни основа : [о кн. «Сердцевина» И. Ерёмина] / В. Лещенко // Лен. путь. – 1977. – 10 сент. – С. 4.

Маслов, О. Живое слово : [о кн. «Земные корни» И. Ерёмина] / О. Маслов // Амур. комсомолец. – 1973. – 9 дек. – С. 4.

Назарова, И. С. Ерёмин Игорь Алексеевич : [биогр. справка и список лит.] / И. С. Назарова // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XX веков / сост., вступ. ст. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2013. – С. 141–145.

Назарова, И. С. Образ ладоней в лирике И. Ерёмина / И. С. Назарова // Лосевские чтения – 2010 : материалы регион. науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2010. – Вып. 3. – С. 87–96.

Недельский, Н. Новая встреча с поэтом : [о кн. «Сердцевина» И. Ерёмина] / Н. Недельский // Амур. правда. – 1976. – 20 авг. – С. 4.

Недельский, Н. С любовью к Родине, к России : [о кн. «Большак» И. Ерёмина] / Н. Недельский // Амур. правда. – 1981. – 27 июня. – С. 4.

Полтавцев, И. Дни и годы с Игорем Ерёминим / И. Полтавцев // Амур : лит.-художеств. альм. – 2005. – № 4. – С. 78–92.

Филатов, А. «...светом стать и пережить себя» : [о поэте И. Ерёмине] / А. Филатов // Дал. Восток. – 2006. – № 2. – С. 161–167.

Филатов, А. «...светом стать и пережить себя» : [о поэте И. Ерёмине] / А. Филатов // Приамурье–2003 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск : РИО, 2003. – С. 111–117.

Фотьев, Н. Зрелость : [о кн. «Земные корни» И. Ерёмина] / Н. И. Фотьев // Амур. правда. – 1974. – 6 янв. – С. 4.

Фотьев, Н. И. Жизнь, отданная творчеству : [творч. путь поэта И. Ерёмина] / Н. И. Фотьев // Ерёмин И. Зрелость : стихи / И. Ерёмин. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1984. – С. 3–4.

Фотьев, Н. И. Неразрывность судьбы : [об И. Ерёмине и его кн. «Окоём»] / Н. И. Фотьев // Ерёмин, И. Окоём : стихи и поэмы. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1978. – С. 5–8.

Чеботина, Л. Ф. Особенности лирики И. Ерёмина / Л. Ф. Чеботина // Лосевские чтения – 2008 : материалы регион. науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2008. – Вып. 1. – С. 116–124.

Машук Борис Андреевич: ради жизни на земле

Детство Бориса Андреевича Машука (13.02.1937–24.01.2000) пришлось на суровые военные годы. Жили на хлебную карточку деда-пенсионера, получая неполную булку хлеба на два дня, подкармливая себя перезимовавшей картошкой, собранной на полях соей, лебедой, щавелем. Иногда в дом попадало ведро с озадками (отходы при молотье и веянии зерна), которые доставали у жителей небольшого села, расположенного в километре от полустанка. В селе была школа, зимой её стены промерзали, и тепло держалось плохо. В неё ходили учиться и дети железнодорожников. «В общем, всё было, как у многих моих сверстников, – вспоминал Борис Машук. – Были тетрадки из газет, несладкое житьё в интернате с кормёжкой на дотацию, малую, как выдаваемая пайка хлеба. Но война уже кончилась, дядьки возвращались домой, жизнь обещала улыбку...».

Редкий писатель не обращается к истории своей жизни, к истории своего детства. Не оставил без внимания тему своего детства и Борис Андреевич Машук. В 1978 году вышел сборник рассказов о военном детстве «Горькие шанежки». Во Всероссийском конкурсе произведений для детей, проводившемся Госкомиздатом РСФСР, Союзом писателей и Союзом художников РСФСР в честь 40-летия Победы в Великой Отечественной войне под девизом «Ради жизни на земле», этот сборник рассказов из 376 представленных был удостоен диплома и поощрительной премии.

14 рассказов, вошедших в книгу «Горькие шанежки», объединены одной темой – трудная жизнь детей и взрослых в тылу от первого до последнего дня войны. Александр Филоненко, помня о том, что ради написания «того главного» Борис Машук ушел со штатной работы в газете, во время одной из встреч «...выпытал у Андреевича, что новая книжка у нег на подходе – уже в типографию сдана. Называется “Горькие шанежки”».

– Это то, главное?

– Не знаю. Но, может быть, и так окажется. Во всяком случае, за неё, кажется, мне стыдно не будет. Она о военном детстве нашего поколения... Подарю сигнальный экземпляр, – пообещал Машук. – Прорецензируешь?

– Конечно, но...

– Что “но”?

– Если книжка понравится...

Борис даже не среагировал на привередливость будущего рецензента, а думая о чём-то своём. Ответил односложно и серьёзно, как припечатал:

– Обязательно понравится».

Рецензию А. Филоненко написал, его «за душу тронул сборник незатейливых рассказов о мальчишках и девчонках с небольшого железнодорожного полустанка...»: «О той страшной войне написано много. И героического, и трагического. Машук увидел её по-своему. Это уже, если хотите, определённый уровень мастерства!».

Герои книги «Горькие шанежки» – дети, на долю которых выпал нелёгкий жребий безотцовщины, взрослых проблем. Главным героем, проходящим через все рассказы, является Шурка Орлов. Персонаж этот во многом автобиографичен: он, как и автор, в раннем возрасте остался без матери и воспитывался дедушкой и бабушкой по материнской линии, проживавшими на небольшом железнодорожном полустанке. В предисловии к сборнику рассказов «Горькие шанежки» Б. Машук написал: «Моим дядькам Даниловым – Алексею Николаевичу, Льву Николаевичу, Павлу Николаевичу, Петру Николаевичу, светлой памяти, Илье Николаевичу и Виктору Николаевичу с благодарностью посвящаю».

В рассказе «За кисликой-травой», открывающем цикл, показана довоенная жизнь станции и посёлка, когда Шурка ещё может позволить себе отлучиться на целый день из дома, дабы изведать нехоженые пути-дороги и нарвать кислики-травы, которую так любит бабушка. Перед читателем предстаёт мир цельный и гармоничный. Маленький герой, несмотря на сиротство, не чувствует себя обездоленным, ведь у него есть дом, а в нём «добрые-добрые» дед и бабка, а также любимые «дядьки», «рядом с которыми никто на свете не страшен».

С началом войны этот мир рушится, о чём повествует рассказ «Вечером под праздник». Война «опустошила дом», от прежней счастливой жизни остались лишь воспоминания: «И в Шуркиной памяти, подетски цепкой, оживали картины его жизни в старом доме с дедом, бабушкой и тремя их сыновьями. Молодые и смешливые, они все уезжали

и уходили по своим делам, а потом опять собирались вместе, привозя с собой запахи мороза и вольного ветра, а заодно игрушки, конфеты и пакеты с печеньем». Теперь Шурка из школы без задержки спешит в избу к бабушке, так как «остался единственным мужиком в доме и главным работником по хозяйству». Деда увезли в больницу, дядьки с началом войны отбыли на фронт. Дом опустел, и даже русская печка – средоточие домашнего пространства, символ тепла и уюта – перестала топиться. От прежнего съестного изобилия остались лишь горстки овощей, молоко, идущее на убыль, мешочек с отходами пшеницы, бережно перемалываемыми бабкой в домашней мельнице-крупорушке. Шурка не по-детски осознаёт, что к былому нет возврата: уже никогда не вернётся дядька Фёдор, погибший при корректировке огня батарей, не вернуть «добродушного быка Пушкаря», сданного на мясopоставку из-за большого налога. Знаком окончания беззаботного детства становится сгоревший пароход, некогда сделанный младшим дядькой и впервые пущенный на воду всем семейством Орловых. Однако военные невзгоды, уводя родных людей, разбивая домашний быт, не разрушают главного: семейного тепла, бесконечной заботы бабушки, родственных нитей, навсегда связавших Орловых, поэтому все тяготы военного времени представляются Шурке преодолимыми, и он засыпает с радостной улыбкой.

Рассказ «Горькие шанежки» дал название всему автобиографическому циклу. Шанежки (шаньги) – румяные, сладкие, пахнущие творогом лепёшки, становятся символом горькой кратковременной встречи/невстречи отца с сыном, который едет на фронт. Семилетняя девочка Карлушка по просьбе начальника станции бежит, преодолевая разные препятствия, до села, где живёт дед Колотилкин, чтобы передать важную новость: его сын, отслужив два года, не побывав дома, едет на фронт через станцию. До прибытия поезда всего два часа, но девочка успешно выполняет доверенное ей дело. Дед собирает для сына посылку, в том числе кладёт сладкие шанежки, однако поезд на станции не останавливается. Закинуть посылку и письмо в вагон на ходу не удаётся. Шанежки – важнейший образ, помогающий автору передать внутреннее состояние и деда Колотилкина, и всех других людей, чьи сыновья отправляются на войну. Вкус лепёшек горек потому, что горьки чувства тех, чьи дети вступили в смертельную битву с жестоким врагом. Сладкими для героев цикла шанежки могут стать только тогда, когда их родные вернутся с фронта.

Разницу субъективного восприятия вкуса шанежек в данной ситуации демонстрирует следующий эпизод: дед отдаёт их Карлушке со словами: «Бери, птаха, бери <...>. Нам со старухой эти шаньги горькими

будут», а Карлушка, «чувствуя <...> медовый запах, надкусила румяный краешек и, повернувшись, удивлённо посмотрела вслед старику <...>. Шанежка была сладкой, как и те, которые она ела в кухоньке деда». Девочка не может понять, почему сладкие шаньги для деда горьки. Читатель же к финальному эпизоду, к пониманию этого смыслового парадокса подготовлен автором, который ещё до произнесения дедом ключевой фразы о горьких шанежках не раз делает акцент на слове «горький»: «С горечью проговорил Чалов», старик «с горечью выдохнул» и т. д. Понимает значимость происходящего соседка Ульяна, она сама ждёт писем с фронта, поэтому старается помочь деду собрать сумку: «В женских руках всё получалось легко, ловко, быстро. Через минуту сумка была собрана. Сверху в неё положили белый мешочек с шанежками». Стоит отметить, что мать Кольки незадолго до этого испекла шаньги из последней муки. Шаньги – часть души старших Колотилкиных, они трепетно ждут воссоединения с сыном Колькой. Шаньги были положены сверху, чтобы сын отведал их в первую очередь. Кроме шанежек, дед Колотилкин складывает в сумку для сына «туесок мёду, варенья банку». Соседка передаёт для солдата два колобка жёлтого масла на капустных листьях, кукурузу, а также подсказывает положить что-нибудь «из тёплого»: безрукавку из мягкой овчины, шерстяные носки и варежки, куски байки.

Образ войны-разлучницы воплощён в поезде, несущемся через полустанок: «паровозы начинали гудеть требовательно и сердито», поезд «издали был похож на длиннотелое чудовище, гремевшее железными суставами». Жизнь на тихом и мирном полустанке меняется с началом войны, а поезда, безостановочно гремя тяжёлыми составами, напоминают о разрушенных судьбах, жизнях, семьях.

Среди других предметных реалий, отражающих тяготы военного времени, можно отметить «всегда пустующий зал ожидания с единственным диваном»: никто не ожидает на вокзале радостных встреч, хотя идёт уже третий месяц войны. Карлушка, несмотря на свою детскую наивность, стремится быть полезной, это проявляется даже в её играх в «больничку»: «<...> он увидел кирпичи, застеленные белыми тряпочками; около них лежала сумка с неумело нашитым красным крестом, а на одном из кирпичей прикорнул заяц с забинтованной лапой. Тут же сидела девочка и, напевая, баюкала завернутого в лоскуты плюшевого медвежонка с перевязанной головой». Окружающие героиню предметы дают представление о ней, как об отзывчивой, заботливой, страдающей девочке, которая ещё мала по-настоящему понять, что такое война. Она не понимает, почему её «больничку» Чалов называет

«медсанбат» и почему для деда Колотилкина шаньги кажутся горькими, но она умеет чувствовать чужое горе, ей очень хотелось, чтобы состав остановился и дед встретился со своим сыном. Не зная, что сказать или сделать, чтобы утешить деда, она подбирает сумку и выпавший из неё мешочек с шанежками, чтобы отдать Колотилкину.

В «Рыбном супе» действие происходит весной 1943 года. Мальчик Лёнька Чалов с другом Пронькой и его младшим братом Толиком возвращаются вдоль линии домой после длительной прогулки. Мимо проходит поезд, и из открытой двери матрос в поварском колпаке со словами «Эй, пехота, держи!» кидает Лёньке огромную голову кеты. Мальчики всё найденное делили поровну, но в этот раз Лёнька не стал делиться, объясняя это тем, что мать велела всё приносить в дом, к тому же у него есть маленький брат, а отец на фронте. По дороге домой Лёнька пытается оправдать свой поступок, мысленно приводя аргументы в пользу своего решения, вспоминая все горести, начавшиеся с уходом отца на войну. На плечи мальчика легла детская ноша: нужно было копать и перетаскивать в подполье картошку, убирать огород, укладывать у стайки сено, собирать щепки для растопки печи. Но самое тяжёлое для Лёньки – это перемены в характере матери: когда перестали приходить письма от отца, она стала часто ругаться, кричать, перестала улыбаться. Катерина работала в путевой бригаде, порой ей приходилось идти ночью на мороз, если лопалась рельса. Вернувшись домой, Лёнька не был удивлён тем, что мать накинулась на него из-за долгого отсутствия, ведь ей так необходима помощь. Но Толик поспешил защитить Лёньку, рассказав без тени обиды про рыбу. В грозном голосе сын уловил скрытую радость матери. Катерина сварила из рыбной головы суп и спросила: «А что же не съели вы её с Пронькой и Толиком? Вы ж всегда делились. Или поругались?». Не получив ответа, она велела отнести чашку супа деду Помиралке и ребятам: «вместе ходили, вместе и есть будете». Лёнька, неожиданно для себя и к удивлению матери заплакал, потому что почувствовал невыносимый стыд из-за того, что так нечестно поступил с друзьями.

Ситуация с кетовой головой не только иллюстрирует голод военного детства, но и показывает, как важны сплочение и взаимопомощь людей в тяжёлых условиях. Рассказ называется «Рыбный суп», потому что голову рыбы на всех поделить трудно, она с самого начала развития действия провоцирует конфликт, пробуждающий нравственное чувство у главного героя. Мать Лёньки, приготовив рыбный суп, делает так, чтобы он достался не только членам семьи Лёньки, но и деду, прозванному Помиралкой за долголетие, и братьям Проньке и Толику Калиткиным. Повар, который кинул рыбу, тоже думал о том, как помочь голод-

ным детям, очевидно, голова кеты не случайно была отрезана неко-
мно: подальше к туловищу, за плавниками. Б. Машук с помощью не-
многочисленных предметных деталей показывает, насколько сильно
дети хотели есть: «Голодные, они не брезговали поднятым с насыпи
куском сухого хлеба, яблоком с пятном или небрежно срезанной шкур-
ки шпига». В нескольких неэкспрессивных фразах писатель напоминает
о карточной системе раздачи продуктов: «В свой час приходил местный
поезд с прицепленной сзади хлебозавозкой. По гладкому жёлобу из
неё спускали чёрные буханки. Поезд уходил, хлеб переносили в крас-
ный уголок, где хранились весы и гири, и развешивали по карточной
норме. В платках и сумках люди разносили его по домам, где пайки ещё
раз делили – по едокам».

Главная идея рассказа заключается в том, что, несмотря на собствен-
ные трудности, необходимо оказывать помощь и поддержку другим.
С одной стороны, повествователь утверждает: «на соседей всегда рас-
считывать нельзя, у каждого своих забот хватает», с другой, в сцене
проводов на фронт отца Лёньки явно одобряет решимость героев помо-
гать тем, кто в этой помощи нуждается: «прихромал Калиткин, <...>
заглянул и начальник станции, <...> и дед Помиралка пришаркал. Сле-
дом за ним Слободкин с казармы. Он и в хорошие дни не много слов
говорил, а тут только дымил самокруткой, как паровоз на подъёме,
и повторял: Будь спокоен, солдат. Твоих не забудем, одни не останут-
ся». В воспоминаниях Лёньки встречается ещё один пример сплочения
жителей полустанка: «Иногда линию заносило снегом. Вместе с путей-
цами выходили на околоток все, даже ребята».

Рассказ «Ботинки» во многом схож с «Рыбным супом», но вместо
головы кеты, которую делили дети, предметом споров между путейца-
ми становятся новые чёрные ботинки, присланные наркомом путей со-
общения в подарок на майские праздники. Делёж всегда осуществлялся
«высшей тройкой»: от путейцев – мастером Шараповым, от движенцев
– начальником станции (его заменял Калиткин), от профсоюза – Сло-
бодкиным. Сладости легко и быстро разделили по мешочкам, но воз-
никла проблема, кому достанется пара ботинок с кожаной подошвой
и отстроченным рантом. Втроём они мысленно и вслух перебирают
всех жителей полустанка, чтобы определить, кто в них, ботинках, нуж-
дается больше. Вышло, что всем тяжело, всем нужна помощь. У Вар-
наковых четверо детей и ожидается пополнение, но во главе семьи двое
и оба имеют карточки; Катерина Чалова воспитывает двоих детей одна,
но самая большая семья у Якова Слободкина – пятеро детей. Шарапов
вспомнил и про старый барак, в котором жил ещё один многодетный
отец – Каммалединов, но ему выделили отрез материи, и к празднику

он зарезал жеребчика. Шурке-сироте в прошлый праздник штаны выделили. Неожиданно для всех Калиткин предлагает помочь Чердымике, женщине, эвакуированной с запада на Дальний Восток с двумя своими детьми и приёмной девочкой, семью которой убила бомба. В итоге, было принято решение отдать ботинки ей, чтобы Чердымиха поняла: хотя она человек новый на полустанке, но все к ней относятся, как к родной. Ботинки являются материальным воплощением взаимопомощи. Поначалу они так же, как и рыба, ставят героев в тупик, потому что не делятся поровну на всех, затем заставляют размышлять о том, кто по справедливости должен стать их обладателем. В обоих рассказах ситуация, чреватая конфликтом, разрешается мирным и справедливым исходом. Завершается рассказ эпизодом, случившимся спустя два дня после праздника. Слободкин, присев отдохнуть у штабеля новых шпал, наблюдает картину: Славка Чердымов, вышагивая вдоль линии, пинает камни носком нового ботинка. Яков, который добровольно отказался от этой обуви, испытывает негодование. Схватив мальчишку за ухо, он рассказывает, какой ценой они ему достались: «А знаешь, это сам нарком тебя обул!? А знаешь, что перед этим на них кожу выделывали, потом шили, потом к нам везли, а тут понимаешь, их целый вечер делили! А для чего, спрашивается? Чтобы ты этими красавчиками камни пинал?». Отпустив, Яков пригрозил оторвать уши, если застанет мальчика ещё раз за подобным занятием. Тот в страхе убежал, посмотрел на свои ботинки, но «ничего особенного в них не увидел. Хотя даже ногу поднял и посмотрел на подошву, где были выбиты цифры». Славка, как и Карлушка, недоумевает: почему взрослый человек воспринимает обычную вещь как-то по-особенному, не так, как он?

Одна из ведущих проблем «Горьких шанежек» – проблема сиротства. В рассказе «Крушение» Борис Машук создал образ Сёмушки, оставшегося без матери, с ненавистным отчимом Гаврилой Ломовым. Бесспорно, этот образ очень близок автору. Смерть матери во время войны, одиночество, жизнь в интернате (детском доме), нужда, лишения.

Борис Машук называет мальчика не Семёном, не Сёмкой, а Сёмушкой. Он жалеет мальчика. Сёмушка, по сравнению с другими героями рассказа, совсем одинокий, ему досталась очень тяжёлая жизнь. Мальчик, «...проводив в интернат Юрку Шарапова, Амоса, братьев Слободкиных и других ребят, не стерпел и поплакал у Зорьки в сарае. Корова косилась на него тёмным глазом и шумно вздыхала»; «...и на эту зиму остался Сёмушка в старой шубейке. Рукава уже совсем коротки стали, и тогда Сёмушка догадался – подшил к варежкам раструбы из старого брезента, чтобы, хотя б ветер в рукава не цедился»; «Сёмушка ничего не просил и не требовал. Спал на жёсткой кровати с досками вместо

сетки, закрытыми старым матрацем, на котором и умерла мать»; «... вздыхая под одеялом, Сёмушка даже позавидовал Шурке... Ему-то хорошо с такими стариками жить...».

Шурка Орлов тоже сирота. Но он, в отличие от Сёмушки, живёт у бабки с дедом, о нём есть, кому заботиться и любить.

Повествуя о сиротах, писатель затрагивает очень серьёзную проблему, над которой впору задуматься взрослым. Говоря современным языком, проблему помощи детям, находящимся в трудной жизненной ситуации. Когда с Сёмушкой случилась беда, и его чуть не убил Гаврила, «...мужики во всей полноте представили горе мальчишки, жизнь которого хорошо знали и в которую раньше не решались вмешаться...».

Машук довольно точен, когда художественной логикой утверждает мысль, что война не приглушила, не порушила доброту в людях, а, наоборот, с войной усилились, упрочились связи людей, связи между личностью и коллективом. Так, герой рассказа «Тяжёлый день» дядя Слободкин всегда был человеком, а в той беде, которую обрушили на нашу страну фашистские захватчики, он человек вдвойне. Никто на полустанке и в колхозе не остаётся в одиночестве, без поддержки, забытым.

От рассказа к рассказу, усиливается стремление юных героев к решающим поступкам, от одного штриха к другому высвечено военное время. Если в первом рассказе цикла «За кислицей-травой» семилетний Шурка Орлов открывал для себя житейские мелочи, знакомые каждому в детстве, то в других рассказах ждут тех, кто ушёл на фронт, ждут военную весну 1943 года, потому что уж очень трудна эта голодная, бесконечная зима. Дело не в смещении хронологических рамок повествования. Непрерывность развития внутреннего мира героев непосредственно перед читателем снимает необходимость подробного описания становления детских характеров. Образ войны и неизбежное чувство тревоги переданы лаконично и скупно.

Мальчишки и девчонки в книге «Горькие шанежки» повзрослели внезапно. В полноводной реке детства уже не пройдёт сделанный из рельсовых шпал военный корабль с юными вихрастыми моряками. А Сёмушка из рассказа «Трудный день» будет занят более сложными проблемами. И не так уж важно, что в их небогатом опыте ещё не созрело многое из того, что станет для них главным всего лишь через несколько недель после начала войны.

Всё также приходят на станцию эшелоны. Волнует загадочное исчезновение лесного родника. Но уже иначе пахнет грубый чёрный хлеб, и слишком часто уходят знакомые, привычные люди. Всё чаще в гуле прощальных голосов, в махорочном дыму звучат слова: «Сталинград», «Дон», «тяжёлые бои».

В довоенные дни мечта быть взрослым была далека и прекрасна. Быть взрослым – не спрашивать разрешения пойти по той или иной дороге. Конечно же, независимость и свобода. Быть взрослым – это знать значение слов «карточки», «пайки», ждать писем от ушедших на фронт. Стать взрослым, значит, уметь разделить горе с получившими похоронку.

Детские души в книге «Горькие шанежки» не сломлены войной. Без патетики и ложного героизма они остаются просто детьми и вызывают восхищение и уважение естественной цельностью своей души. Рядом с миром голода и ожесточённых сердец женщин, не снимая драматизма ситуации, живёт смех, радость, ожидание новогодней елки и подарков. И закономерные детские шалости. Но кто посмеет сказать, что эти дети слабы душой? И в незаурядности изображаемых писателем характеров кроется главный секрет этой доброй и суровой книги.

Герои «Горьких шанежек» Бориса Машука постоянно находятся перед выбором. Так, семилетняя Карлушка («Горькие шанежки»), идущая через «таинственно-пугающую падь», боясь всякого шороха, в определённый момент думает повернуть назад. Но, вспомнив серьёзные глаза дежурного по станции, понимая, что только она может помочь старику Колотилкину увидеть сына, Карлушка продолжает путь и выполняет ответственное поручение.

Шурка Орлов с дедом находят на путях просыпанное зерно (рассказ «Шуркина борозда»). «Шурка сразу подумал о хлебе, о дедовой крупорухке. И даже почувствовал вкус хорошо пропечённой горячей лепёшки из настоящей муки. В доме у них давно уже ни озадков, ни кукурузной муки, ни сои не было. А есть вот уж как хочется...» Но дед решает по-другому распорядиться найденным и отправляется с внуком на пашню, мечтая о будущем урожае для колхоза.

Сёмушка видит, как его отчим Гаврила постоянно обманывает людей: льёт в молоко воду, когда сдаёт в колхоз; берёт с солдат деньги, ворует (рассказ «Крушение»). Отчим даёт пасынку наставление: «Делом нужно уметь вертеть». Когда Гаврила заставляет Сёмушку воровать соль, чтобы потом продавать её людям, «Сёмушке становится плохо, как при больном зубе, который донимал его прошлым летом». Мальчик, рискуя жизнью, бросает вызов ненавистному Гавриле и вступает с ним в схватку.

Из рассказа «Конфуз» юные читатели узнают, кто такие тимуровцы, пионеры, вожатые, как выглядел пионерский галстук и почему им так дорожили, что значила пионерская клятва и ещё много интересного.

Проблема умения принять единственно правильное решение и спасти человека, жертвуя собой, поднимается в рассказе «Взрыв». У маль-

чишек в руках оказывается боевая граната с сорванной чекой. Как поступить? Спасись самим или спасти тех, кто рядом? Второгодник Митяй Будыкин, которого называли тугодумом, решает принести в жертву себя, спасая других. «Острее всех беду почувствовал Митяй... Он оглянулся, глазами отыскивая безлюдное место... с безысходной тоской крикнул:

– Бегите же, чёрт вас!».

Герои – дети, подростки принимают решение пожертвовать собой ради других. Никто из них не становится на путь предательства, каждый стремится жить по совести, заботясь, в первую очередь, о других, а не о себе, чего нельзя сказать о некоторых взрослых героях рассказов. Дети очень рано взрослеют. Они всему учатся сами – у природы, у взрослых, друг у друга...

Раненый Ваня Колесин, едва приходя в сознание, произносит: «Она, пап, больная... война...». А Петька «думает над вопросом, на который теперь уже никто не сможет ответить... о той секунде, когда, наверное, смог бы удержать смерть, смог бы спасти Митяя, как тот спас всех. Ведь была же эта секунда! Была! И Петька терзался оттого, что не он, а всегда тугодумный Митяй понял её».

Сергей Данилов в статье «Наша маленькая родина...» отмечает: «В рассказах Машука многие факты и события не выдуманы, а имели место в действительности. Как-то в начале мая из Завитой я шёл в свою Бессарабку домой. В Дее застал на улице много народа, у большинства женщин были на глазах слёзы. Я узнал, что пацаны ходили на танковый полигон, насобирали много пуль и патронов и нашли даже гранату со вставленной чекой. Разобрали гранату, и получился взрыв. Погиб Любим Кирилл, а братья Тюрморезовы, Слабоденюк Виктор и Турляк Миша получили ранения. В той толпе был и Борис, о чём он потом рассказал в рассказе “Взрыв”».

Также автор статьи помнит и другой случай, о котором Борис Машук пишет в рассказе «Крушение». «В пределах тогдашней Амурской железной дороги есть знаменитая “дейская выемка”, которую тогдашние паровозы преодолевали с большим трудом. В войну там случилось крушение товарного поезда. Было рассыпано много крупнозернистой комковой соли, которая тогда была в большом дефиците у населения. Собирать эту соль ездили многие жители округи и даже из Завитой, особенно в этом преуспевали пацаны с саночками».

В «Горьких шанежках» Борис Машук проявляет себя как мастер предметной детали, одна из них дала название циклу. Медовые шанежки, которыми дед Колотилкин угощает маленькую Карлушку и не успевает передать сыну-танкисту, едущему на фронт, превращаются

в «горькие», олицетворяя тяжесть скорых военных потерь и скорбей. Этот образ, по замечанию И. Козлова, несёт отпечаток отдалённого сурового времени, дыхание которого опалило судьбы многих людей, а среди них те, чья жизнь только начиналась. Рыбный суп из одноимённого рассказа раскрывает сплочённость не только семьи Чаловых, но и всей деревни, поскольку Катерина, мать Лёньки, не забывает накормить супом и мальчишек, помогавших сыну добывать заветную «голову здоровенной кетины», и соседа, старого деда Помиралку. Детские ботинки, доставшиеся семье Чердымихи – воплощение справедливости односельчан, отметивших женщину, взявшую в столь нелёгкие времена девочку-сироту. Завершающий цикл рассказ «Шуркина борозда», в котором пахотная борозда, впервые сделанная Шуркой вслед за дедом, становится не только символом продолжения жизни, торжества Победы, но и знаком глубинной преемственности, общего закона движения, извечного круговорота жизни, дарующего бессмертие.

Активная доброта героев Бориса Машука становится главным действующим лицом повествования. Но порой они бессильны перед ликом войны. В станционном сумбуре не сумеют поговорить отец и сын, и в крике «прощай», гуле уходящего поезда есть печаль, рождённая зыбкостью завтрашнего дня. Но у времени войны есть свои границы, за которыми для героев «Горьких шанежек» начинается новый мир. Мир, где по тонкому замечанию А. Беглова, легче ждать весну.

Тема войны освещалась и в публицистических работах Бориса Машука. так, в очерке «Под крылом – Берлин!» Борис Машук рассказывает о генерал-лейтенанте бомбардировочной авиации дальнего действия, дважды Герое Советского Союза Александре Игнатьевиче Молодчем.

Александр Молодчий начал войну младшим лейтенантом, командиром звена бомбардировщиков. А уже в августе 1941 и в сентябре 1942 года бомбил Берлин. Две Звезды Героя Советского Союза получил в 1941 и 1942 годах соответственно. С июня 1941 года по май 1945 Александр Молодчий с экипажем налетал 600 тысяч километров – почти 15 витков вокруг земного шара по экватору. Сменил три самолёта, четырежды сажал подбитые машины вне аэродромов. Дважды приказывал экипажу покинуть борт самолёта, сам ни разу не оставлял пилотской кабины, за что получал выговоры от полкового и дивизионного начальства. Совершил 311 боевых вылетов, том числе 287 ночных.

В Амурскую область Александр Молодчий прибыл в 1960 году. Через два года, находясь в Серышево, командир дальней авиации Дальнего Востока получил звание генерал-лейтенанта авиации, был первым заместителем Командующего 5-й Воздушной армии Дальней авиации.

Со дня создания Пятой воздушной армии ею командовал Герой Советского Союза генерал-полковник Владимир Александрович Судец. Потом он стал маршалом, главнокомандующим Войсками ПВО страны. Пятую армию преобразовали в авиакорпус, и его командиром назначили Александра Игнатьевича Молодчего. В 1961–1965 годы – он командир 8-го отдельного Краснознаменного Смоленского тяжелого бомбардировочного авиационного корпуса Дальней авиации.

В марте 1961 года генерал А. И. Молодчий лично осуществил взлёт тяжёлого реактивного самолёта-бомбардировщика ТУ-16 грунтовой полосы Благовещенского гражданского аэродрома города, непригодной для такой техники, и перегнал его на авиабазу Украинка. В 1965 году уехал в Луганск, где руководил угольным трестом, а в 1968 переехал в Чернигов. Он является автором книг «В пылающем небе» и «Самолет уходит в ночь», его именем назван стратегический ракетоносец ТУ-160, поступивший на вооружение Российских ВВС в мае 2001 года. Дважды герой Советского Союза ушел из жизни в 2002-м году.

12 августа 2004 года состоялось открытие мемориальной доски дважды герою Советского Союза генерал-лейтенанту Молодчему Александру Игнатьевичу в г. Благовещенске, по улице Пионеркой в доме номер восемь, где когда-то жил легендарный лётчик. Инициатива открытия памятной доски в Благовещенске принадлежит летчикам-ветеранам.

Машук в очерке «Под крылом – Берлин!» даёт портрет своего героя, впервые увиденного воскресным июньским днём 1964 года: «Роста выше среднего, стройный, смугловатый лицом, на котором выделялись чёрные аккуратные усы и – большие тёмно-коричневые выразительные глаза. На таких мужчин женщины обычно оглядываются. А вслед этому генерал-лейтенанту, шедшему неторопливо, как-то расслаблено, с обнажённой тёмноволосой головой и фуражкой в руке, оглянулся бы любой мужик: на его кителе чуть выше широкорядной орденовской колодки сверкали на солнце две Золотые Звезды Героя Советского Союза».

В очерке Борис Машук приводит воспоминания фотокорреспондента армейской газеты «Доблесть», которому довелось услышать из уст самого Молодчего короткий рассказ о первой бомбёжке Берлина. «Подошли к немецкой столице на высоте семь километров. Небо чистое, всё в звёздах. А внизу – море света. Никакой маскировки... Как они веселились, они почти победители. Англичан забросали бомбами, русские отступают к Москве... Кого им бояться? Даже зенитки не стреляли. И ни одного истребителя. Зашли спокойненько, выбрали свою точку – вокзал – и сыпанули бомбы. Каждая в четверть центнера весом. Разворачиваясь на второй заход, увидели внизу взрывы. Часть города сразу “потухла”. Тут же включились прожекторы. Зашарили лучами, но

они, отбомбившись, уже вышли из зоны».

Далее Борис Машук приводит впечатляющие факты о реакции немцев на первую бомбежку Берлина. «Немцы ничего не могли понять. Сначала налёт приписали англичанам, но те официально заявили, что в ту ночь с островных аэродромов не взлетал ни один самолёт. Тогда кто? кто осмелился потревожить завоевателей почти всей Европы? Про русских, авиацию которых они якобы уничтожили, о чем, не уставая, твердила геббельсовская пропаганда, они и думать не могли. А тут на тебе: через сутки новый налёт, и ещё, ещё... И сообщение ТАСС в “Правде”: “В ночь с 7 на 8 августа группа наших самолётов произвела разведывательный полёт в Германию и сбросила некоторое количество фугасных и зажигательных бомб над военными объектами в районе Берлина. В результате бомбёжки возникли пожары и наблюдались взрывы. Все наши самолёты вернулись без потерь”».

Машук с гордостью подчёркивает, что «первый налёт был сделан на сорок девятый день войны», и приводит сообщения иностранных корреспондентов на нападение советской авиации.

«9 августа Лондонское телеграфное агентство сообщало: “Немцы пытались скрыть факт бомбардировки Берлина советским самолётами, но потом вынуждены были этот факт признать. Берлинцы, которых в своё время уверяли в том, что их городу не грозит опасность воздушного нападения, теперь знаю, что столица рейха уязвима для налётов как английской, так и советской авиации. Это весьма важный психологический фактор, который окажет большое влияние на моральное состояние самих немцев”».

«В те же дни все газеты Вашингтона, Нью-Йорка сообщали: “Воздушные налёты на германскую столицу становятся всё более эффективными. Повреждён Штеттинский вокзал в восточной части и железнодорожная станция Вицлебен в западной части Берлина...”. “Советская авиация сделала большой звёздный налёт на Берлин».

Преклоняясь перед подвигом Александра Молодчего, Борис Машук искренне радуется, что такой Генерал-Герой, вышедший в отставку в конце 1964 года, проживающий в «квартире под номером 14 в доме шесть по улице Щорса в городе Чернигове», отметивший 27 июня 2000 года своё 80-летие, «заслужил поклон и его современников, и молодого поколения...».

Они никогда не разговаривали, не общались – амурский писатель Борис Машук и прославленный советский лётчик-ас генерал-лейтенант Александр Молодчий. По крупницам собирал Машук сведения о лётчике, встречался с людьми, знавшими Молодчего, и только в конце 1999

года предложил очерк к публикации в «Амурской правде». Его первая часть была опубликована в газете в конце января 2000 года, буквально на второй день после смерти автора. После опубликования этого последнего произведения Машука, его вдова отправила газетные вырезки А. Молодчему. Вскоре пришло письмо, в котором Александр Игнатьевич выразил благодарность Борису Андреевичу за то, что «он спустя десятилетия не забыл меня на далёком и близком моему сердцу Дальнем Востоке» и заметил, что будь Борис Андреевич жив, «...можно было бы подумать над тем, как обогатить повесть послевоенными воспоминаниями».

ПРОИЗВЕДЕНИЯ Б. А. МАШУКА

ОТДЕЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ

Горькие шанежки : рассказы. – Благовещенск : РИО, 2006. – 192 с.

Горькие шанежки : рассказы. – Благовещенск : Хабаров. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1978. – 192 с.

Горькие шанежки : рассказы. – Благовещенск : Хабаров. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1987. – 192 с.

Горькие шанежки : рассказы. – Москва : Дет. лит., 1988. – 192 с.

ИЗ ПУБЛИКАЦИЙ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ И СБОРНИКАХ

Вечером, под праздник : рассказ // Амур. комсомолец. – 1970. – 30 окт. – С. 3–4.

Горькие шанежки : рассказ // Амур. правда. – 1997. – 15 февр. – С. 2.

Горькие шанежки : рассказ // Лит. Россия. – 1975. – № 5. – С. 7–9.

Горькие шанежки : рассказы о воен. детстве // Приамурье моё – 1974 : [лит.-художеств. сб.]. – Благовещенск : Хабаров. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1974. – С. 163–224.

Мужики : рассказ // Амур. комсомолец. – 1972. – 19 марта. – С. 3.

Мужики : рассказ // Свободный литературный : лит.-художеств. альм. / Свободн. лит. об-ние им. П. Комарова ; ред.-сост. А. Е. Падалко. – Свободный, 2008. – С. 121–126.

Крушение : рассказ // Амур. комсомолец. – 1978. – 26 февр. – С. 3 ; 3 марта. – С. 4 ; 5 марта. – С. 4.

Ошибка : отрывок рассказа из кн. «Горькие шанежки» // Амур. комсомолец. – 1977. – 16 янв. – С. 3.

Под крылом – Берлин : очерк // Амур. правда. – 2000. – 26 янв. – С. 2 ; 27 янв. – С. 2 ; 28 янв. – С. 2 ; 1 февр. – С. 2 ; 2 февр. – С. 2 ; 3 февр. – С. 2 ; 4 февр. – С. 2.

Под крылом – Берлин : очерк // Дал. Восток. – 2000. – № 5/6. – С. 252–269.

Рыбный суп : отрывок из рассказа // Амур. комсомолец. – 1974. – 31 мая. – С. 3.

Тяжёлый день : рассказ // Авангард. – 1974. – 9 апр. – С. 4 ; 13 апр. – С. 4 ; 27 апр. – С. 4.

У родника : рассказ // Амур. правда. – 1974. – 15 июня. – С. 4.

У родника : рассказ // Свободный литературный : лит.-художеств. альм. / Свободн. лит. об-ние им. П. Комарова ; ред.-сост. А. Е. Падалко. – Свободный, 2010. – С. 167–171.

Человек с фронта : рассказ // Молодая гвардия. – 1975. – № 6. – С. 56–63.

ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ Б. А. МАШУКА

Алексеева, Г. К. Изучение творческого наследия Бориса Машука в средней школе : метод. рекомендации к урокам лит. в 6–7 кл. / Г. К. Алексеева // Литературная жизнь Приамурья в прошлом и настоящем : 4-е Машуков. чтения : материалы науч.-практ. конф. – Благовещенск, 2014. – С. 98–100.

Беглов, Л. Мир, где легче ждать весну : [о кн. «Горькие шанежки»] / Л. Беглов // Амур. комсомолец. – 1978. – 3 сент. – С. 3.

Бичахтян, Г. В. Рассказы Б. Машука о детях на уроках литературы и во внеклассной работе / Г. Бичахтян // Лосевские чтения – 2012 : материалы регион. науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2009. – С. 167–175.

Бутрина, Г. А. Борис Андреевич Машук / Г. А. Бутрина // Время и события : календарь-справ. по Дальневост. Федер. округу на 2012 г. / Дальневост. гос. науч. б-ка. – Хабаровск : ДВГНБ, 2011. – С. 32–33.

Вторые Машуковские чтения «О войне написано не всё» // О войне написано не всё : 2-е Машуков. чтения : материалы науч.-практ. конф. / сост. И. В. Дымова. – Благовещенск, 2010. – С. 5.

Гордое имя – Машук : о жизни и творчестве Бориса Машука : информ.-метод. материалы / Амур. обл. науч. б-ка им. Н.Н. Муравьева-Амурского / сост. В. В. Соломенник. – Благовещенск, 2014. – 132 с. + 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – (Русские судьбы: амурские писатели ; вып. 4).

Данилов, С. Наша маленькая родина : [воспоминания автора о писателе Б. Машуке и его произведении «Горькие шанежки»] / С. Данилов // Амур. правда. – 2001. – 24 янв. – С. 3.

Дыбова, Д. В. Личный фонд Бориса Андреевича Машука / Д. В. Дыбова, А. В. Савелова // Родное слово Приамурья : 3-е Машуков. чтения : материалы науч.-практ. конф. – Благовещенск, 2012. – С. 6–12.

Игнатенко, И. Гордое имя – Машук / И. Игнатенко // Игнатенко, И. Д. Избранное : в 3 т. Т. 3. Воспоминания. Очерки. Статьи. Рецензии. – Благовещенск : Зея, 2012. – С. 161–166.

Игнатенко, И. Гордое имя – Машук : [о писателе Б. Машуке] / И. Игнатенко // Амур. правда. – 2002. – 9 февр. – С. 10.

Игнатенко, И. Даль памяти : [о кн. «Горькие шанежки»] / И. Игнатенко // Игнатенко, И. Д. Избранное : в 3 т. Т. 3. Воспоминания. Очерки. Статьи. Рецензии. – Благовещенск : Зея, 2012. – С. 325–328.

Игнатенко, И. Даль памяти : [о кн. «Горькие шанежки»] // Машук, Б. А. Горькие шанежки : рассказы. – Москва : Благовещенск, 2006. – С. 3–8.

Козлов, И. Не бывшие на войне : [о сб. рассказов «Горькие шанежки»] / И. Козлов // Лит. учёба. – 1980. – № 3. – С. 69–77.

Машук Б. Горькие шанежки : [тема Великой Отечеств. войны в творчестве Б. Машука] // Десять книг о войне : беседы с родителями о кн. амур. писателей / сост. О. А. Барсова. – Благовещенск : АОНД, 2009. – С. 19–20.

Машук Борис Андреевич : [биогр. справка и список лит.] // Писатели Дальнего Востока : биобиблиогр. справ. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1989. – С. 202–205.

«Мы храним его имя» : обзор творчества Бориса Машука. 6 кл. // Приамурье литературное : внеклас. занятия по прогр. «Литературное краеведение» для 1–9 кл. : в помощь дет. и школ. б-кам / сост. О. А. Барсова. – Благовещенск, 2004. – С. 19–22.

Полухина, Л. В начале большого пути : [о кн. «Горькие шанежки»] / Л. Полухина // Лит. Россия. – 1979. – 23 марта. – С. 20.

Смирнова, В. В. «Горькие шанежки» : [о кн. «Горькие шанежки»] / В. В. Смирнова // Студенч. меридиан. – 2009. – № 6 (апр.). – С. 4.

Смыковская, Т. Е. Машук Борис Андреевич : [биогр. справка и список лит.] / Т. Е. Смыковская // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XX веков / сост., вступ. ст. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2013. – С. 259–263.

Тарасова, Ю. Н. Гордое имя – Машук : [биогр. данные] / Ю. Н. Тарасова // Литературный мир Приамурья на перекрестке эпох : 1-е Машуков. чтения : материалы науч.-практ. конф. / сост. И. В. Дымова. – Благовещенск, 2008. – С. 8–10.

Филоненко, А. Долг перед памятью : [о кн. «Горькие шанежки»] / А. Филоненко // Тихоокеан. звезда. – 1979. – 3 апр.

Филоненко, А. Не молодец, а Молодчий : [о гл. герое очерка Б. А. Машука «Под крылом – Берлин»] / А. Филоненко // Амур. правда. – 2000. – 18 мая. – С. 1.

Филоненко, А. Шестидесятники : очерк [о писателе Б. Машуке] / А. Филоненко // Новый Амур. комсомолец. – 2004. – 14 мая. – С. 5.

Юсупова, М. С. Изучение творчества Б. А. Машука в школе / М. С. Юсупова // Инновационные подходы к обучению литературе : материалы науч.-метод. конф. / под ред. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2006. – С. 55–62.

Юсупова, М. С. Писатель-патриот (Борис Машук) : [биогр.; творчество; фото] / М. С. Юсупова // Амур : лит.-художеств. альм. – 2003. – № 2. – С. 55–62.

Юсупова, М. С. Писатель-патриот (Борис Машук) : [биогр.; творчество; фото] / М. С. Юсупова // Машук, Б. А. Горькие шанежки : рассказы. – Благовещенск : РИО, 2006. – С. 170–190.

Юсупова, М. С. Путь к мастерству (по рассказам Б. А. Машука «Горькие шанежки») / М. С. Юсупова // Литературный мир Приамурья на перекрестке эпох : 1-е Машуков. чтения : материалы науч.-практ. конф. / сост. И. В. Дымова. – Благовещенск, 2008. – С. 11–17.

Яганов Виктор Александрович: в горькой суете военных лет

Мир поэзии В. Яганова (24.06.1942–09.03.2000) сформировало и укрепило послевоенное детство и юность. Спустя годы он вспомнит в своих стихах о «бабушкином поле», о «тыквенной каше», о «холодной промёрзшей школе», о вдовах, об учителях-фронтовиках и о многом другом, что было связано с войной.

Судьба людей военного поколения стала одним из мотивов первых его двух сборников, определила характер заглавий стихотворений, номинативно выделяющих положенную в основу тему, образ: «Фронтовик», «Солдатки», «Вдова», «Проводы ветерана», «Ганец из 41-го», «Память» и др. В трактовке этого мотива лирической доминантой становится высказывание, заключающее в себе отношение поэта к Великой Отечественной войне:

*На забвенье обречённых
Нету в памяти людской...
Как рукав повязкой чёрной,
Перехвачен век войной
(«Память»).*

Виктор Яганов вряд ли помнил военные годы. Но воспоминания родных, взволновавшие поэта, отразились в его стихах. Конечно, историки могут скрупулёзно подсчитать количество дивизий, участвовавших в том или ином сражении, число сожжённых деревень, разрушенных городов, но они не могут рассказать, что чувствовал, о чём думал мальчик, родившийся в июне 1942 года, детство которого совпало с восстановлением городов, сёл, разрушенного хозяйства. Война связывала воюющих и оставшихся в тылу. О тех, кто ушёл на фронт, были мысли матерей, жён, детей. Их любовь, верность давали силы воевать и верить в победу. Глубоким лиризмом проникнуты стихотворения о женщинах, работающих в тылу, растящих детей, без которых, как и без солдат, неосуществима и немыслима Победа: «Солдатка», «тетя Наташа», «Мария да Иван», «Бабушкино поле», «Дети войны» и др.

Стихотворение «Солдатки» – о женщинах, которые, узнав, что «По Транссибирской магистрали / Пройдёт военный эшелон», с детьми проделали долгий путь до станции, чтобы «в глаза родные заглянуть», «милых деток показать». Читатель видит далёкий полустанок, занесённый снегом, слышим завывание ветра. Прижимая к себе детей, укрывая их от холода, стоят женщины, всматриваясь в снежную даль, прислушиваясь к едва различимым звукам идущего поезда:

*В душе солдаток затаённо
Надежда вспыхнула звездой:
В том эшелоне задымлённом
А вдруг окажется и мой!*

Но «Теплушки мимо пролетели / Навстречу вьюге и войне». Образы ветра, вьюги, несущегося мимо поезда сливаются с образом войны – человеческой трагедии, которая передана поэтом почти в монументальном образе: застывшие от горя женщины и дети на перроне.

Так в стихотворении воплотились воспоминания матери поэта – Зои Васильевны Ягановой:

*Среди солдаток, ожидая
Тот эшелон, судьбу моля,
Меня дыханьем согревая,
Стояла скорбно мать моя.*

Но это последнее четверостишие не делает стихотворение только фактом биографии, в нём отражена судьба целого поколения женщин, на плечи которых война взвалила семейные, трудовые заботы, научила их мужеству, терпению, стойкости, но не лишила их нежности, любви, сострадания, доброты.

«В горькой суете военных дней» раскрывается духовная красота, сила характера героини стихотворения «Бабушкино поле», которая заботилась о дочерях, «день таскавших брёвна на себе», о внуках и о картофельном поле, на котором «за троих работала порой», «корошая его потом и слезой». Образ поля в конце стихотворения перерастает в символ поколения, которое взрастили, сберегли в трудные военные годы матери, бабушки. Лирический герой признаётся:

*До сих пор я к ней любовью полон.
До Победы, что пришла с весной,
Все мы были бабушкиным полем,
Орошённым лаской и слезой.*

О женской верности, о памяти сердца пишет В. Яганов в стихотворении «Вдова». Его героиня – старая женщина: «...муж её, солдатом ставший, / В дом не вернулся как герой, / А стал он без вести пропавшим». Давно закончилась война, выросли дети, а она «в душе ждала и, ожидая, воскрешала». Дом, который они вместе построили с мужем до войны, был для неё продолжением жизни хозяина, её опорой в нелёгкой судьбе. Но война погубила мужа, время разрушило дом, и только память о них живёт в сердце и не подвластна времени:

*Уходят старые дома,
А память в сердце остаётся.*

В трудные годы войны люди смогли защитить, отстоять свой Дом. Но со временем в городском пространстве деревянный дом становится символом прошлого. На смену дереву приходят железо, бетон. По-разному уходят из жизни города деревянные дома, унося с собой «огонь родного пепелища»:

*Недавно здесь, начав с крыльца,
Сносил дома битюг-бульдозер...
(«Фронтовик»)*

Образ разрушенного дома в сердце его хозяина отдается невыносимой болью и напоминает страшные картины войны:

*Тяжёлых гусениц следы,
Подполий рухнувших воронки...*

Рядом стоят в белом цвету яблони, символ красоты и обновления жизни. Для хозяина дома они еще символ обновления рода:

*Проститься к ним седой старик.
Пришел, сверкая орденами.
Их называл, прильнув на миг,
В слезах мужскими именами.*

Битюг-бульдозер скоро и по ним пройдет своими гусеницами, до конца разрушив мир «тихого дома», душевный покой его хозяина.

Мотив памяти сердца звучит в стихотворении «Знахарка». Женщина, «сухая, как прошлогодняя трава», таит ото всех свою «безмерную скорбь»: сын не вернулся с войны. Но она, несмотря ни на что, продолжает его ждать. Сердце женщины не очерствело от горя, оно отзывается на человеческую боль. Отдавая настойку герою, она говорит:

*– Возьми, сынок, – прибудет сила,
Вернёшь здоровье не на год,
Всё берегла её для сына,
Ведь он израненный придёт...*

Старая знахарка учит поэта душевной щедрости, отзывчивости на чужую боль, состраданию: «...для сыночка / Я новой травки поищу». Цепкая детская память сохранит навсегда «жанровые» картинки послевоенной нелёгкой поры и какой-то одновременно решительный и тревожный дух того времени.

Из выстраданных строк возникает образ тёти Наташи – Женщины, Матери, Жены, Сестры. Эту женщину уважала вся улица за справедливость, строгость, умение первой прийти на помощь в трудную минуту, за трудолюбие, за веру в жизнь:

*Милая, милая
Тётя Наташа,
Мужа, как руку,
Война отняла.
Постной картошкой
Да тыквенной кашей
Всех пятерых,
Прокормив, подняла.*

В стихотворении «Дети войны» создан обобщённый образ детей и матерей:

*Кастрюля с пареной пшеницей
На самом краешке стола.
Три детских худеньких десницы,
Как неокрепших три крыла...*

Во время войны остро ощущалась нехватка рабочих рук, ведь те, кто раньше стоял за станком, сеял и убирал хлеб, водил поезда и машины, теперь защищали свою Родину, своих жён, матерей и детей. Женщины понимали это и вставали на рабочие места мужчин, а домашние хлопоты ложились на плечи детей.

Отец Виктора Яганова в феврале 1942 года был призван в армию, воевал с японцами на Дальнем Востоке. После войны он работал учителем. Вместе с ним в школе № 1 Благовещенска работали другие ветераны войны, которые были живой легендой, символом стойкости. Физкультуру преподавал Василий Ефимович Соколов. Он вернулся с фронта без пальцев на руке, но мастерски показывал упражнения на брусьях, турнике, кольцах:

*Мы замирали – а как вдруг сорвётся:
Не доставало пальцев на руке.
Прямой, как спица, наш учитель «солнце»
На зависть всем крутил на турнике.*

*Потом соскок фиксировал красиво
И, отойдя, украдкой с лица
От боли, от приложенных усилий
Пот смахивал, как капельки свинца.*

И эта жизнь в самой обыденности подвига была и остаётся чудом, возвеличивающим человеческую душу. Ветераны продолжали неустанно трудиться во благо своего народа. Они – герои в самом прямом и непосредственном значении этого слова – продолжали воспитывать в молодом поколении патриотизм, милосердие, доброту, чуткость, внимание, бескорыстие. Виктор Яганов вспоминает: «Уроки пения вёл фронтовик, а жена его работала учителем русского языка и литературы. Он был неоднократно ранен, без ноги, раны ныли. Учитель с болью делал своё дело. Костыль, привязанный к ноге, скрипом сопровождал наше пение и музыку. Уважение было огромное. Сидели тихо, пели фронтовые песни, и перед нашими глазами взрывали мосты партизаны, освобождали города части Красной Армии...»:

*...Как от боли лицо
Он морщил, играя,
Расступались мехи,
Песне волю давая.
Забывая про всё,
Пели мы упоённо:
«Вот солдаты иду
По степи опалённой...»*

Воспоминания дали В. Яганову поэтическое вдохновение для создания таких стихотворений, как «Школа», «Школьная лошадь», «Учитель пения», «Учитель физкультуры» и др.

Образ школы вписывается в послевоенную жизнь страны: «Ещё над Россию / Вдовий стон...», «Не все ещё с фронта / Вернулись отцы». Холодная, промёрзшая школа, тусклый свет керосиновой лампы. Взгляды детей прикованы к окну:

*Школьная лошадь,
(который уж год)
В школу промёрзшую
Уголь везёт.
Воз привезла
И, вздохнув тяжело,
Инистой мордой
Уткнулась в стекло.*

И спустя много лет в памяти взрослого человека эти детские «картинки» станут неразрывными с послевоенным, суровым временем:

*Глазами её,
Устремлёнными в класс,
Трудное время
Смотрело на нас.*

В стихотворении «Учитель пения» поэт создаёт образ учителя-фронтовика, который разучивал с детьми солдатские песни:

*Пели мы упоённо:
«Вот солдаты идут
По степи опалённой».
Бередили слова
Наши детские души,*

*Потому что для нас
Песни не было лучше.
И ребячьи сердца
Учащённое бились,
Потому что отцы
Не у всех возвратились.*

Ощущение тех трагических дней передаётся в выразительно повторяющейся и преобразующей внутренней смысл стихотворения образной детали – деревянном протезе. Для детей – это часть весёлого учителя пения, «певучий» протез, который «подпевал нам, казалось». А для учителя – это «тяжёлый» протез, память о войне.

В стихотворении «Учитель физкультуры» образ учителя окружён ореолом романтики: ветеран войны с покалеченной кистью «...“солнце” / На зависть всем крутил на турнике». Во время войны в одном из боёв он был ранен:

*Его нашли, но только через сутки...
Средь жёлтых гильз и ящичков пустых
Лежал он – обмороженные руки
Снаряд сжимали крепче рук живых.*

Нетрудно представить авторитет и обаяние этого человека, сумевшего заново научиться покорять спортивные снаряды.

*Он подходил к свисавшему канату,
Массируя калеченую кисть,
Нас вызывал по одному:
– К снаряду!
И говорил:
– Попробуй, подтянись!..
Мы, обессилев, падали, как ядра,
Но, ушибаясь, не таили зла:
Его, мы знали, так же, как к снаряду –
Отчизна в сорок первом позвала...*

Два последних стиха в лирическом ключе завершают развитие сквозного образа и содержат значительный подтекст, закрепляя идею преемственности героических традиций и связи поколений.

Воспоминания о войне становятся не просто воспоминаниями, они определяют подход поэта ко всем событиям современности, к нынешнему отношению к участникам войны. Память – это чувство идущей жизни

ни, наполнение её нравственным опытом героических лет. С теплотой во взгляде и с любовью смотрит поэт на старшее поколение:

*В парке на площадке танцевали
Бабушки и дедушки степенные,
На груди созвездие медалей,
Музыка звучала довоенная...*

.....
*Как вам объяснить, вчера рождённые,
Что они пришли непобеждённые,
Чтоб дотанцевать войною прерванный,
Танец этот свой из сорок первого.
(«Танец из 41-го»)*

Память сердца поэта заставляет «работать» строки его стихотворений. И эта работа благотворна, она просветляет, облагораживает, она касается тонких струн человеческой души.

Боль, рождённая утратой некоторыми из современников В. Яганова уважения к поколению победителей, звучит в стихотворении «Кошунство»:

*Эти строки в газете субботней –
Как ожог, как места болевые,
За червонец в глухой подворотне
Продают ордена боевые.*

Военная тема в стихотворениях В. Яганова перекликается с темой детства, с судьбой отца-фронтовика, матери и бабушки – тружениц тыла. Стихотворения о Великой Отечественной войне определяют подход поэта ко всем событиям современности.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ В. А. ЯГАНОВА

Встреча : стихи, поэма. – Благовещенск : Амур. правда, 1990. – 68 с.
Извлечение корня. – Благовещенск : Хабаров. кн. изд-во , Амур. отделение, 1987. – 46 с.

Тепло. – Благовещенск : Приамурье, 1992. – 62 с.

Лебеда : избр. стихи и поэмы. – Благовещенск : [б.и.], 2000. – 28 с.

ИЗ ПУБЛИКАЦИЙ В ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ И СБОРНИКАХ

Военный хлеб ; Дети войны ; Подарок ; Отец и сын ; Учитель физкультуры ; Танец из сорок первого : стихи // Годы грозные : стихи к 60 летию Победы. – Благовещенск : Буквица, 2005. – С. 73–77.

Дети войны : стихи // Амур. правда. – 1990. – 27 янв. – С. 3.

Солдатки : стихи // Амур. правда. – 1990. – 19 мая. – С. 4.

Танец из 41-го ; Проводница ; Никуда от вас не деться ; Нищий : стихи // Амур. комсомолец. – 1992. – 23 мая. – С. 3.

ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ В. А. ЯГАНОВА

Виктор Яганов // Амурские писатели : библиогр. указ. – Благовещенск, 2000. – С. 68–70.

Виктор Яганов // Игнатенко, И. Неумолкающее эхо : амур. поэты о Великой Отечеств. войне : очерк / И. Игнатенко // Приамурье-2015 : альм. : лит.-художеств. изд. – Благовещенск : РИО, 2015. – № 13 (31). – С. 28–29.

Городецкая, В. В. «Где живу и чем дышу...» : о поэт. сб. В. Яганова «Тепло» / В. В. Городецкая // Чтения памяти проф. Е. П. Сычевского : сб. докл. – Благовещенск, 2011. – С. 65–77.

Городецкая, В. В. Образ города в лирике В. Яганова / В. В. Городецкая // Лосевские чтения – 2008 : материалы регион. науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2008. – Вып. 1. – С. 32–38.

Городецкая, В. В. «Память сердца» в лирике В. Яганова / В. В. Городецкая // Лосевские чтения – 2009 : материалы регион. науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2009. – Вып. 3. – С. 44–49.

Городецкая, В. В. Яганов Виктор Александрович : [биогр. справка и список лит.] / В. В. Городецкая // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XX веков / сост., вступ. ст. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2013. – С. 452–453.

Нестеренко, Н. В. Береги честь смолоду... : тема Великой Отечеств. войны в творчестве В. А. Яганова / Н. В. Нестеренко // Лосевские чтения – 2010 : материалы регион. науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2010. – Вып. 3. – С. 142–147.

Пикалова, Д. Анализ творчества В. А. Яганова // Пикалова, Д. Соловьи земли амурской : опыт прочтения и анализ творчества амур. писателей. – Чигири, 2007. – С. 19–30.

Пикалова, Д. Биографическая справка Яганова Виктора Александровича // Пикалова, Д. Соловьи земли Амурской : опыт прочтения и анализ творчества амур. писателей. – Чигири, 2007. – С. 10–18.

Игнатенко Игорь Данилович: помните и верьте

Известный амурский поэт Игорь Данилович Игнатенко родился в разгар войны 4 мая 1943 года. Эта война смерчем обожгла семьи литератора и по материнской, и по отцовской линии. Были в его роду и погибшие на фронте мужчины, и пропавшие в немецком плену юноши и девушки, и отдавшие всё своё здоровье на непосильной тыловой работе старики и подростки.

Судьба И. Игнатенко вобрала в себя трудное военное и послевоенное детство, выпавшее на долю большинства людей его поколения. Особая страница творчества Игнатенко – стихотворения о Великой Отечественной войне, составившие сборник «Помните и верьте» (2005). То, что автор запомнил о войне и узнал из рассказов родных, вместились в эту книжку. Рисунки к стихам сделали учащиеся Центральной детской художественной школы г. Благовещенска.

В сборник стихов «Помните и верьте» вошли только 20 стихотворений, написанных И. Игнатенко о войне. Как отметил сам автор, «эта книжка родилась стремительно, как налетает в мае гроза, чего нельзя сказать о самих стихах. Они жили во мне, как оказалось, с младенческого возраста». Включив в сборник лишь малую толику того, что Игорь Данилович помнит и знает о Великой Отечественной войне, он с большой надеждой обращается к читателю с призывом помнить и верить, что «не наступит никогда конец Родине России!..». Стихи написаны для подростков, которым, как отметил поэт в предисловии к сборнику, «необходимо помнить подвиги предков и верить в непобедимость России».

В стихотворениях много событий и разных героев. Игнатенко не был на войне, но зато видел собственными глазами её последствия: хлебнувших лиха бывших фронтовиков:

*Замшелый, словно пень, Василий Крошко
Словцо промолвил звонкое: «Бомбёжка!».
Они горячий самогон с отцом
Плеснули в чарки с этим вот словцом.*

*«А было так, – припомнил дед Василий, –
Нас “Юнкеры” под Киевом месили.
Забился в щель я, словно мышь в нору,
И думал: не убьют. Так сам помру...»
(«Бомбёжка»)*

калек:

*У калитки инвалид,
прямо на проходе.
До чего ужасный вид!
Еле дышит вроде.
На тележке, весь продрог,
Голосит гугниво,
Нету рук и нету ног –
Этакое диво!
В танке он горел, но фарт
Выпал оклематься,
Жить остался, рад не рад.
Некуда податься.
А душа ещё болит.
Горе гложет.
Кто накормит-напоит,
Спать в тепле уложит?
Вот ему-то больше всех
Прёт деньга наваром,
Обеспечен здесь успех
Таким «самоварам».
Гимнастёрка в орденах
Под «куфайкой» рваной.
(«Самовар»).*

В стихотворении «Сражение в Сокольниках» И. Игнатенко описывает выставку трофейной немецкой техники:

*Вот они, все в свастиках,
«Фоке-Вольфы»,
«Юнкеры»,
«Тигры»
И «Пантеры»,
«оппель-Адмирал».*

*Выставка трофейного
Немецкого оружия.
Май.
Москва.
Сокольники.
Год сорок шестой.*

Война убила, покалечила, угнала в плен родных И. Игнатенко людей. К стихотворению «Рабы не мы» добавлено посвящение «Светлой памяти дяди Ивана, пропавшего в немецком плену, и тёти Елены, дважды сбегавшей из плена»:

*Его угнали в плен в семнадцать лет
Nach arbeiten – на рабскую работу.
И до сих пор пути обратно нет!*
.....
*Сестру Ивана – Лену – брату в след
На грузовик конвой фашистский втиснул.
А было тёте Лене двадцать лет,
И путь лежал за Днепр, а там за Вислу.
Но девушка сумела убежать
В глухом лесу пол пересвист обстрела.
Её в подполье схоронила мать,
И девушкой Елена поседела.
Доведался сосед их полицай,
Донёс.
И снова горе маме –
В неметчину, проклятый Богом рай,
Отправилась Елена под штыками.
И вновь побег!
И вновь в своё село
Она вернулась:
«Спрячь от полицая...».
Но наступленье войск советских шло,
И пала оккупация лихая!*

Выразительные детали и яркие образы, которые нашёл автор, воплощены в стихотворениях «Финская погода» и «Мальцы нашли гранату».

Стихотворение «Финская погода» знакомит с Павлом Поддубным – участником Великой Отечественной войны. В мирное время, выйдя на улицу, он увидел хлопья снега и прокричал:

*«Выходи в снежки играть, ребята!
Эй, студенты, закругляйте сны.
Жалует сегодня нас погода –
Это ж прямо финская погода
В сорок пятом, под конец войны».*

*...И пошла потеха! Нас затроньте...
Бились с дядькой, словно бы на фронте.
Только он пулял точнее в нас,
Ибо в прошлом, сумрачном и мгlistом,
Дядька воевал артиллеристом,
И сейчас показывал он класс.*

Настолько образно описана эта ситуация, что представляется и сам фронтовик, и студенты, получившие «шрапнельку» от дяди Паши, обьявившего свой вердикт:

*«Перекур! Победа вновь за мною,
И потрогал правый бок рукою,
Там, где шрам, что не даёт покоя.
– В финскую погоду и болит...».*

Стихотворение «Мальцы нашли гранату», посвящённое «Друзьям детства, отрокам – инвалидам войны из села Тамбовка», знакомит с историей жизни друзей И. Игнатенко, ставшими «инвалидами в детские года»:

*У Вовки Страузова нет руки...
Его дружок, Валюха Сенин, – на протезе...
В двенадцать лет такое – Боже мой!
Один безрукий, а другой хромой...*

.....
Да как же это с ними-то стряслось?

*А было так. Мальцы нашли гранату
В заброшенном и мрачном блиндаже,
Затронули нечаянно чеку –
И грянула война на их веку!
Померкнул свет в разрывном мираже,
Неся невозполнимую утрату.*

Несмотря на общую беду – «стать инвалидом в детские года», судьба друзей-мальчишек сложилась по-разному:

*Уехал Валька Сенин после школы,
Лет через восемь, плотником на ГЭС,
Что названа легендой, возле Братска.
Он службу нёс исправно, по-солдатски,
Не отставал и в лидеры не лез.
По слухам, он женился даже, что ли...*

*Казалось бы, тянись за дружкой,
Но Страузов остался жить в селе,
Стал сторожем сельповского амбара.
Скорбел-тужил: «Распалась наша пара...».
Частенько стал ходить навеселе,
А посему захряс холостяком.*

Автора беспокоит такая судьба своих друзей детства, перед которыми он испытывает пусть косвенную, но вину за их несчастливую судьбу. А всему виной – война.

*Я их давно не видел. Сердце точит
Воспоминанье нестерпимой резью.
Ау, мои тамбовские деньки!
Но помню Вовку без одной руки,
И вальку на потресканном протезе,
И ту войну, что столько лет грохочет.*

Стихи И. Игнатенко о Великой Отечественной – из лучших в его творчестве, из самых пронзительных. Из тех, что долго не забываются, заставляя по-настоящему сопереживать. Секрет этой пронзительной силы – в выведенных героях: непридуманных, неповторимых, живых.

В своём творчестве И. Игнатенко выстраивает свою собственную систему исторических координат. Среди событий, которые привлекают его внимание Сталинградское сражение, битва за Берлин. Развёрнутому событийному ряду соответствуют имена простых людей, тоже реальных, невыдуманных, но не попавших в скрижали истории: переживший лютую бомбёжку ветеран войны Василий Крошко, дядя поэта Иван, пропавший в немецком плену, тётя Елена, дважды сбегавшая из плена... Правдивость, подлинность историй, человеческих судеб, типов, характеров, подлинность психологии и речи героев произведений о войне – главная причина творческого успеха поэзии И. Игнатенко.

Прошлое и будущее закономерно сливаются воедино в стихотворении «Колокола». Посвящённое солдатам, геройски погибшим на фрон-

тах Великой Отечественной войны, оно завершается обращением к ныне живущим и к будущим поколениям:

*Вещает память:
«Помни! Помни!»
Взыскует сердце:
«Не забудь!».
Потери прошлые восполни,
Вновь созиданья выбрав путь.
.....
За павших всех –
Ты должен жить!*

В 2006 году вышла книга рассказов и повестей «Свет памяти», в которой И. Игнатенко выступил в роли не совсем привычной для читателей его таланта – прозаика. Основная тема книги – воспоминание о прожитых годах, о том, что ещё подвластно «свету памяти». Многие произведения сборника автобиографичны. Так, в рассказах «За хлебом», «Рацуха», «По мокрому шоссе» писатель вспоминает о нелёгком послевоенном детстве. В рассказе «За хлебом» речь идёт о детях, которые каждый день спозаранку, ещё по темноте, отправлялись в магазин за заветной пайкой хлеба. Послевоенные дети быстро выросли только по дороге в магазин, они имели возможность «отвести душу» бесхитростными детскими забавами, не забывая о том, какая на них лежит ответственность.

В сборнике «Наша победа» (2015) и в литературно-художественном альманахе «Приамурье – 2015» был опубликован рассказ И. Игнатенко «На той стороне», посвящённый событиям Великой Отечественной войны.

Молодой солдат-новобранец Алексей Брагин получает задание от капитана Волошина: ночью на их участке границы переплыть на правый берег Амура и выяснить обстановку. Автор рассказа вводит читателя в сложную историческую обстановку: «На западе уже месяц как грохочет война с немцами. Китай оккупирован японцами. Миллионная Квантунская армия вплотную приблизилась к дальневосточному рубежу СССР. Отношение простого китайского народа к японским оккупантам сугубо отрицательное. Однако рассчитывать на местное население особо не приходится, против штыков с голыми руками не попрёшь».

Путём несложных математических вычислений можно уверенно сказать, что И. Игнатенко повествует об августе 1941 года. Разведроты Н-ского укперайона, которой командовал капитан Волошин, должна была следить за техникой и живой силой противника, определять места

наибольшего скопления воинских частей, чётко знать места оборонных сооружений и возможных переправ на нашу сторону.

Брагина на ответственное задание командир выбрал не случайно. «Парень родом из этих мест, коренной амурец. Окончил семилетку в сельской школе, работал трактористом в колхозе. Характеристика положительная: комсомолец, политически грамотен, значкист ГТО, Ворошиловский стрелок. Курс молодого бойца прошёл успешно, отлично владел табельным оружием. Проявил способности к изучению китайского языка. К тому же с детства ходил на рыбалку и охоту вместе с отцом, умеет маскироваться и в приречных зарослях, и на открытом пространстве».

Алексею Брагину предстояло скрытно перебраться ночью на противоположный берег и постараться углубиться на максимально возможное расстояние, с целью выяснить, насколько близко к границе придвинулись японские воинские части.

И. Игнатенко подробно описывает подготовку молодого солдата к выполнению такого ответственного задания: он, взобравшись на ствол самого обхватистого дерева, через импровизированный бинокль – небольшую дырочку сжатой ладони в кулак – внимательно обследовал противоположный берег. Почему парень не воспользовался настоящим биноклем? Потому что линзы бинокля неизбежно выдали бы своим блеском наблюдателя.

Переплавливаясь Алексею пришлось на плавучем средстве, похожем на корневище плывущего дерева. И вот, преодолев трудный путь через широкий Амур «Он перешёл рубеж... Он за границей... Он в чужой стране...». Парню повезло: он встретил земляка, во времена Гражданской войны ушедшего жить в Китай. Степан, двадцать лет не видевший родного человека, не слышавший русской речи, тоскующий по родине, но не видевший пути возвращения в родные пенаты, рассказал о положении дел на китайском берегу. «Японцев в деревне рота стоит. Месяц назад привезли с Сахалина на машинах. Пароходы сейчас по Халузяну, по Амуру то есть плавают. Стали траншею под сопками рыть, нас тоже на ту работу погнали. Там у них два блиндажа. Начали бетонные доты делать. Это поближе к берегу. <...> Ну, так вот... Дотов будет не меньше пяти, места уже подготовили. Как построят, пригонят ещё солдат. Думаю, не меньше батальона. Ротой позицию не удержишь. Это ежели про оборону толковать. Когда наступать надумают, ещё нагонят. Сейчас у них винтовки да пулемёты, орудий нет. Но подвезут, понятное дело. Хотя наступать – жила у них тонка, так думаю». Так, неожиданно для себя Алексей Брагин получил ценнейшую информацию, которая поможет нашим войскам укрепить свой берег и суметь дать достойный отпор врагу.

Рассказ «На том берегу» примечателен тем, что в нём описываются события, предшествовавшие русско-японской войне 1945 года. Это произведение, безусловно, вызовет интерес к изучению тех событий, всколыхнёт воспоминания, заставит внимательно присмотреться к истории Приамурья и его соседей.

Казалось бы, что нового можно сказать о войне через многие десятилетия после Победы? Да ещё если сам не воевал, не нюхал, как говорится, пороха, не ходил в атаку. Тем не менее, И. Игнатенко сумел сказать это новое слово, не только потому, что обладает даром художественного перевоплощения, способностью проживать чужую жизнь как свою собственную, чувствовать за другого, но и потому, что, так или иначе, война коснулась непосредственно и его самого.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ И. Д. ИГНАТЕНКО

Избранное : в 3 т. Т. 1. Стихотворения. Поэма. – Благовещенск : Зея, 2012. – 472 с.

Помните и верьте : стихи к 60-летию Победы. – Благовещенск : РИО, 2005. – 48 с.

Свет памяти : рассказы и повести. – Благовещенск : РИО, 2006. – 392 с.

Усталый путник : стихи. – Благовещенск : РИО, 2010. – 80 с.

ИЗ ПУБЛИКАЦИЙ В ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ И СБОРНИКАХ

Бомбёжка ; Финская погода : стихи // О, это славный День Победы! : [подборка стихов амур. поэтов о войне] // Благовещенск. – 2015. – 8 мая (№ 13). – С. 6.

Войною меченные : стихи : // Амур. комсомолец. – 2005. – 28 янв. – С. 5. – Содерж.: Бомбёжка ; Мальцы нашли гранату.

За хлебом : отрывок из повести // Амур. правда. – 2003. – 30 апр. – С. 4–5.

Колокола : стихи // Приамурье-2010 : лит. художеств. альм. – Благовещенск : РИО, 2010. – № 9 (27). – С. 132–135.

Маршал : стихи // Приамурье-2010 : лит. художеств. альм. – Благовещенск : РИО, 2010. – № 9 (27). – С. 135–136.

Мой отец : стихи // Эхо прошедшей войны : сб. стихов амур. поэтов. – Благовещенск, 2000. – С. 26–27.

На той стороне : рассказ // Наша победа : рассказы амур. и хэйлунцзян. авторов (на рус. и кит. яз.). – Благовещенск : Амур. обл. обществ. писат. орг-ция, 2015. – С. 32–47.

На той стороне : рассказ // Приамурье-2015 : альм. : лит.-художеств. изд. – Благовещенск : РИО, 2015. – № 13 (31). – С. 149–158.

Неумолкающее эхо : амур. поэты о Великой Отечественной войне : очерк // Приамурье-2015 : альм. : лит.-художеств. – Благовещенск : РИО, 2015. – № 13 (31). – С. 8–38.

Победа ; Бомбёжка ; Мальцы нашли гранату ; Помните и верьте ; Рабы не мы ; Сталинград ; Торпедная атака ; Финская погода : стихи // Годы грозовые : стихи к 60-летию Победы. – Благовещенск : Буквица, 2005. – С. 25–33.

Память, отлитая в строки : [из предисл. к поэт. сб. «Помните и верьте»] // Амур. косоалец. – 2005. – 28 янв. – С. 5.

Помните и верьте : стихи // Амур. дилижанс. – 2005. – 5 мая. – С. 4.

Помните и верьте : стихи // Приамурье-2010 : лит. художеств. альм. – Благовещенск : РИО, 2010. – № 9 (27). – С. 132.

Рабы не мы ; Мальцы нашли гранату : стихи // Амур. правда. – 2005. – 5 февр. – С. 5.

Что было, то было : рассказ // Приамурье-2010 : лит. художеств. альм. – Благовещенск : РИО, 2010. – № 9 (27). – С. 120–132.

Шрамы земли : стихи // Приамурье-2015 : альм. : лит.-художеств. изд. – Благовещенск : РИО, 2015. – № 13 (31). – С. 132–148. – Содерж.: Метельные снега ; Солдат в окопе ; Торпедная атака ; Сталинград ; Берлин ; Вагонные певцы ; Сражение в Сокольниках ; Рабы не мы ; Бомбёжка ; Самовар ; Мой отец ; Мальцы нашли гранату.

ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ И. Д. ИГНАТЕНКО

Георгиевский, Н. Упругий шаг лирической строки : об И. Игнатенко / Н. Георгиевский // Амур : лит.-художеств. альм. – 2005. – № 4. – С. 47–56.

Заверюхина, Л. Помните и верьте! : [о кн. амур. поэта И. Д. Игнатенко «Помните и верьте» и его встрече с тамбов. школьниками] / Л. Заверюхина // Амур. маяк. – 2005. – 20 мая. – С. 6.

Игнатенко И. Помните и верьте : [тема Великой Отечеств. войны в творчестве И. Игнатенко] // Десять книг о войне : беседы с родителями о кн. амур. писателей / сост. О. А. Барсова. – Благовещенск : АОНД, 2009. – С. 16–17.

Кондрахина, Т. В. Быть поэтом – это судьба : о творчестве И. Д. Игнатенко / Т. В. Кондрахина // Лосевские чтения – 2012 : материалы регион. науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2010. – Вып. 5. – С. 211–221.

Назарова, И. [о кн. прозы И. Игнатенко «Свет памяти»] / И. Назарова // Амур : лит.-художеств. альм. – 2008. – № 7. – С. 59. – (Книжная лавка).

Назарова, И. [о сб. поэзии И. Игнатенко «Усталый путник»] / И. Назарова // Амур : лит.-художеств. альм. – 2010. – № 9. – С. 86. – (Книжная лавка).

Поливан, Р. Универсальная лирика амурского поэта : [об И. Игнатенко и его творчестве] / Р. Поливан // Благовещенск. – 2015. – 23 янв. (№ 2). – С. 7.

Урманов, А. В. «Жить в заветных твореньях...» : жизн. и творч. стезя Игоря Игнатенко / А. В. Урманов // Лосевские чтения – 2012 : материалы регион. науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2010. – Вып. 5. – С. 95–110.

Урманов, А. В. Игнатенко Игорь Данилович : [биогр. справка и список лит.] / А. В. Урманов // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XX веков / сост., ред., вступ. ст. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2013. – С. 169–165.

Читая книги И. Игнатенко / Игнатенко, И. Д. Избранное : в 3 т. Т. 3. Воспоминания. Очерки. Статьи. Рецензии. – Благовещенск : Зея, 2012. – С. 473–540.

Воронков Алексей Алексеевич: эхо прошедшей войны

Алексей Алексеевич Воронков родился 9 октября 1947 года в селе Ромны Амурской области. Родители А. Воронкова прошли дорогами Великой Отечественной войны. В творчестве Алексея Воронкова – «сына двух капитанов» (как он сам себя называет) – выделяются произведения, посвящённые этой войне:

*Мать и отец мои
– два капитана.
Сильно уставших,
войною пропахших.
Тихо несли они
память о павших.*

В стихотворении «По войну» Алексей Воронков признаётся:

*Про войну никогда не писал.
Не моё то, годами не вышел.
Как напишешь о том, что лишь слышал?
Лучше пишет, кто сам всё видал.*

Но порой в нём возникает «долгое страшное эхо» прошедшей войны, и он задумывается о войне, о людях испытавших все её беды и трагедии: ощущает «этот запах свинца», вспоминает ушедших родителей-фронтовиков, слышит «далёкий голос отца», увидит маму во сне:

*Два лица, два родимых лица,
Две судьбы, опалённых войною.
Образ тот будет вечно со мною,
До конца, до конца, до конца...*

В очерке «Фронтовой романс» А. Воронков поднимает тему памяти ушедших и уходящих фронтовиков. «Ушли наши отцы, ушли фронтовики... Трагедия! Что осталось в душе? Тоска да боль. А ещё недосказанные рассказы родителей-фронтовиков, которые, собираясь, видно, жить вечно, мы не торопились слушать. А ведь родители хотели, чтобы мы запомнили их истории. Запомнили и передали их по наследству своим детям. Но некоторые истории всё-таки помнятся. И, дай-то Бог, чтобы они помнились всегда».

Алексей Алексеевич на страницах очерка поделился с читателями историей его родителей-фронтовиков – двух капитанов, которым посчастливилось встретиться в разгар войны. В самые тяжёлые и переломные для войны дни мама будущего писателя, узнав, что муж сражается в соединении генерала Обухова «где-то в районе Вильнюса», решила, что должна быть с любимым. И отправилась после лечения в госпитале от второй контузии на поиски мужа «по следам уходящей на Запад линии фронта». «Только дней через шесть, когда закончились жестокие сражения под Тукумсом, смогла состояться эта удивительная встреча в самом пекле войны. Он не мог поверить в реальность происшедшего, для него это казалось чудом, сказкой, небылью – всем, чем угодно, но только не явью. Четыре года разлуки – и чтобы вот так просто встретиться в этом аду!..».

В рассказе «Повар Иван Дугин» повествуется об операции советских войск в Маньчжурии в августе 1945 года. Воронков не стал братья за образ солдата на передовой, а показал не должного заниматься военным делом повара полка Ивана Дугина. Рядового гнетёт мысль, что, пока

соотечественники брали Берлин, а однополчане освобождали от японцев Маньчжурию, ему, проторчавшему всю службу у полевой кухни, даже нечего будет рассказать после дембеля в родной деревне.

«Что делать – пошёл в повара. Было б грамотёшки поболее – на курсы бы младших командиров попросился, а тут, как говорится, всего-то три класса сельской бани. Куда с таким образованием в командиры? А на душе кошки скребут. Ну что он скажет товарищам, когда вернётся в родную деревню? Ведь засмеют, когда узнают, что он три года перловую кашу варил, тогда как другие от врагов землю нашу спасали. А врагов в ту пору было не перечить. Они и в Европе были, и в Азии. За тем же Амуром, на берегу которого ему предстояло служить, японцы окопались. Маньчжурию с Китаем подмяли под себя, и теперь, дьяволы, глаз на нашу территорию положили».

Но, отстав от полка и оказавшись нос к носу с японскими солдатами, Дугин понимает, что зря мечтал о подвигах. Повар Дугин, лишившись лошади – «единственной помощницы, единственного друга на этой проклятой войне», понял, что теперь не успеет за полком, и его расстреляют за, что он вовремя не накормит бойцов. Впоследствии Дугин не мог вспомнить, что его тогда заставило перебороть страх и открыть огонь. «Может, за погубленную лошадку, что в агонии билась позади него, решил отомстить, а может это всплывшие в голове слова комполка вывели его из оцепенения, но только он теперь уже не боялся этих вражин, что рвались к его полевой кухне. Двоих он срезал сразу, а с третьим произошла настоящая дуэль. Тот стрелял из винтовки – редко, однако, сволочь такая, настырно, будто бы и впрямь солдатского борща непременно решил отведать. Но беда его была в том, что он не стал искать укрытия, колошматил с колена. Вот и проиграл. Очередь из ППШ прошла его небольшое тело, и уткнулся носом в траву. Но прежде пуля, выпущенная из его винтовки, пробила котёл, где находился сваренный, считай, прямо на ходу борщ. Пришлось затыкать дыру пучком травы».

Но это было полбеды. Иван Дугин лишился лошадиной тяги, и ему самому пришлось много километров тянуть тяжёлую железную полевую кухню. А. Воронков психологически достоверно описывает, как повар, «напрягши силы, так, что даже в висках заломило» тащил кухню по «бездорожью, с трудом преодолевая ямины и колдобины, ручьи и речушки, натываясь на пни и валуны. Силы оставляли его, но он всё шёл, шёл <...> От напряжения голова была готова лопнуть, словно арбуз, глаза наливались кровью, а на шее вздувались верёвками вены».

Сколько шёл Дугин не мог припомнить, но ему придавала силы мысль, что если он не дойдёт до своих, бойцы останутся без пищи. Титаническими усилиями Дугин доставил плеву кухню, накормил бой-

цов, которые обрадованные горячим борщом, пророчили ему за совершённый подвиг орден. Но судьба приготовила Ивану Дугину ещё одно испытание, едва не стоившее ему жизни. Командование, не разобравшись в случае с Дугиным, «за проявленное дезертирство по законам военного времени» приказало немедленно «расстрелять бывшего повара полка рядового Дугина».

И опять Дугин не боялся смерти, «его угнетало несправедливое решение командира», позор, которого натерпятся его родные, которым сообщат, что он дезертир. Обида на своих за расстрел, за то, что не дали возможность объяснить опоздание с обедом, захлестнула Ивана Дугина и забрала силы на сопротивление, остались только слёзы. «И ведь не от страха он плакал – плакал от обиды. От той вопиющей несправедливости, которая царит в мире. От того горя, которое неминуемо причинит своим родным и близким». Но этот удивительный день преподнес Ивану Дугину ещё одно испытание. Фронтное братство спасает повара: не все бойцы посчитали приказ командира полка справедливым. Именно они «поведали скороговоркой командиру обо всём, что приключилось с Дугиным в пути». Буквально за доли секунды до произнесения слова «пли», расстрел был отменён. Так, Ивану Дугину, находящемуся на незавидной для воина должности повара, выпало в один день столько испытаний, сколько не всякому бойцу приходится пережить за всю службу.

А. Воронков рассказывает о жизни Ивана Дугина после войны. Дугин не любит вспоминать случившееся, но иногда рассказывает об этом экстраординарном случае. «И вот теперь Иван живёт с чувством благодарности к тем людям, что спасли его. И верит в то, что есть на свете вселенская справедливость, которая зачастую спасает людей от беды. И всё же нет-нет да выкатится скупая слеза из его поблёкших голубых глаз, когда он вспомнит о том случае. И снова обида обожжёт ему сердце...».

Рассказ примечателен не только интересным сюжетом, но и описанием пограничного Благовещенска в годы Великой Отечественной войны. Помимо этого, впервые в прозе описаны штурм Сахалина, нынешнего Хэйхэ, советскими войсками, переправа через Амур, движение нашей армии вглубь Маньчжурии.

ИЗ ПУБЛИКАЦИЙ В ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ И СБОРНИКАХ

Баллада о двух капитанах : стихи // Горняк Севера. – 1975. – 9 мая. – С. 4.
Вы ели с голодухи грязный жмых? ; Про войну никогда не писал ;
Обелиски : стихи // Годы грозовые : стихи к 60-летию Победы. – Благовещенск : Буквица, 2005. – С. 11–15.

Два капитана ; Обелиски ; Мой ; Похороны : стихи // Эхо прошедшей войны : сб. стихов амур. поэтов. – Благовещенск, 2000. – С. 5–13.

Обелиски : стихи // Амур. комсомолец. – 1976. – 9 мая. – С. 4.

Повар Иван Дугин : рассказ // Амур : лит.-художеств. альм. – Благовещенск, 2007. – № 6. – С. 26–29.

Повар Иван Дугин : рассказ // Приамурье-2012 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск, 2012. – С. 94–100.

Повар Иван Дугин : рассказ // Амур. дилижанс. – 2005. – 14 сент. – С. 6, 16.

Повар Иван Дугин : рассказ // Наша победа : рассказы амур. и хэйлунцзян. Авт. (на рус. и кит. яз.). – Благовещенск : Амур. обл. обществ. писат. орг., 2015. – С. 48–58.

Про войну : стихи // Берега : [сб. стихов амур. и кит. авт. на рус. и кит. яз.]. – Благовещенск : Визави, 2014. – С. 20.

Про войну никогда не писал : стихи // Амур. дилижанс. – 2005. – 5 мая. – С. 4.

Фронтвой романс : очерк // Проспект Пушкина. – 2004. – 7 мая. – С. 6.

Фронтвой романс : очерк // Воронков, А. А. Провинциальная трагедия : художеств.-публицист. повествование. – Благовещенск : Буквица, 2004. – С. 21–25.

Шестьдесят лет без войны : очерк // Амур. дилижанс. – 2005. – 5 мая. – С. 2

ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ А. А. ВОРОНКОВА

Алексей Воронков // Игнатенко, И. Неумолкающее эхо : амур. поэты о Великой Отечественной войне : очерк / И. Игнатенко // Приамурье–2015 : альм. : лит.-художеств. изд. – Благовещенск : РИО, 2015. – № 13 (31). – С. 30–31.

Воронков Алексей Алексеевич : [биогр. справка и список лит.] // Амурские писатели : библиогр. указ. / сост. Г. В. Аверина, Т. И. Доморацкая. – Благовещенск, 2000. – С. 16–17.

Гуськов, В. В. Воронков Алексей Алексеевич : [биогр. справка и список лит.] / В. В. Гуськов // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XX веков / сост., ред., вступ. ст. А. В. Урманов. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2013. – С. 100–101.

Малык, А. Каждому хочется сделать мир добрее : [о творчестве А. Воронкова] / А. Малык // Амур. правда. – 2003. – 9 янв. – С. 9.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Из публикаций в периодических изданиях и сборниках

Алюшин, В. 22 июня : стихи / В. Алюшин // Эхо прошедшей войны : сб. стихов амур. поэтов. – Благовещенск : [б.и.], 2000. – С. 3–4.

Алюшин, В. Случай в Берлине ; Братская могила ; Инвалид : стихи / В. Алюшин // Годы грозовые : стихи к 60-летию Победы. – Благовещенск : Буквица, 2005. – С. 6–7.

Баш, А. Век войны : стихи / А. Баш // Благовещенск. – 2015. – 8 мая (№ 13). – С. 6.

Белоусова, Н. Убит солдат в смертельной схватке... стихи / Н. Белоусова // Благовещенск. – 2015. – 8 мая (№ 13). – С. 6.

Бобошко, А. Концерт по заявкам радиослушателей ; Первый побег ; Посвящение фронтовику-аккордеонисту : стихи / А. Бобошко // Приамурье-2015 : альм. : лит.-художеств. изд. – Благовещенск : РИО, 2015. – № 13 (31). – С. 98–103.

Бондарева, В. Памятник псу ; Не убий : стихи // Приамурье-2010 : альм. : лит.-художеств. изд. – Благовещенск : РИО, 2010. – № 9 (27). – С. 188–189.

Будь ты проклята, война!.. : [подборка стихов амур. поэтов о войне] // Благовещенск. – 2015. – 16 окт. (№ 40). – С. 6.

Вайсман, Н. Из писем другу ; И снова я иду одна... ; Киеву ; Отчизне : стихи / Н. Вайсман // Годы грозовые : стихи к 60-летию Победы. – Благовещенск : Буквица, 2005. – С. 8–10.

Верещагина, И. Маленькая узница концлагеря : стихи / И. Верещагина // Благовещенск. – 2015. – 8 мая (№ 13). – С. 6.

Войтенко, Е. Ветеран ; Похоронка ; У вечного цветка памяти ; Боевому товарищу ; Концентрационный... / Е. Войтенко // Приамурье-2010 : лит. художеств. альм. – Благовещенск : РИО, 2010. – № 9 (27). – С. 181–183.

Володин, В. Я не видел войну ; Баллада о матери : стихи / В. Володин // Приамурье-2010 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск : РИО, 2010. – № 9 (27). – С. 176–178.

Демидов, С. Войны незабываемые даты ; Крепче брони ; Россия ; Храни, народ, победы славу! ; Когда пушки грохотали... : стихи / С. Демидов // Годы грозовые : стихи к 60-летию Победы. – Благовещенск : Буквица, 2005. – С. 16–20.

Демидов, С. Рассказ отца : стихи / С. Демидов // Приамурье-2010 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск : РИО, 2010. – № 9 (27). – С. 77–79.

Дунаев, С. Представь, свершилось чудо... ; Память ; И всё-таки... ; Продолжение атаки ; Старый вальс : стихи / С. Дунаев // Эхо прошедшей войны : сб. стихов амур. поэтов. – Благовещенск, 2000. – С. 14–23.

Дунлун, Л. Сёстры : рассказ / Л. Дунлун // Наша победа : рассказы амур. и хэйлунцзян. авторов (на рус. и кит. яз.). – Благовещенск : Амур. обл. обществ. писат. орг., 2015. – С. 59–62.

Ивон, А. Эхо войны : стихи / А. Ивон // Эхо прошедшей войны : сб. стихов амур. поэтов. – Благовещенск : [б.и], 2000. – С. 24–25.

Кадомцев, С. Исповедь ветерана : стихи / С. Кадомцев // Приамурье-2010 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск : РИО, 2010. – № 9 (27). – С. 171–172.

Кирчигина, В. Жилец : стихи / В. Кирчигина // Приамурье-2010 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск : РИО, 2010. – № 9 (27). – С. 173.

Корсак, К. На всей земле снега горой... ; Земля под копытами stone...» ; Хруст копий, и стоны, и пламя... ; Я войну позабыть бы рад... : стихи / К. Корсак // Годы грозные : стихи к 60-летию Победы. – Благовещенск : Буквица, 2005. – С. 25–33.

Костюк, Г. Сладкий запах акации : рассказ // Приамурье-2015 : альм. : лит.-художеств. изд. – Благовещенск : РИО, 2015. – № 13 (31). – С. 159–169.

Куприенко, В. Тринадцать поминальных стопок : рассказ / В. Куприенко // Приамурье-2015 : альм. : лит.-художеств. изд. – Благовещенск : РИО, 2015. – № 13 (31). – С. 106–109.

Кушнарёв, М. В полумраке прокричала галка... ; Не уснуть. Я слышу ночью каждой... ; Надпись на пуле : стихи / М. Кушнарёв // Приамурье-2015 : альм. : лит.-художеств. изд. – Благовещенск : РИО, 2015. – № 13 (31). – С. 396–398.

Леун, А. Остановите войны, люди! : стихи / А. Леун. – Белогорск : [б.и.], 2015. – 32 с. – Из содерж.: Остановите войны, люди! ; А где-то рядом царит разруха ; Бессмертный полк ; И с песней русской – «Катюшей»... ; Песня фронтовая ; В День Победы ярче светит солнце... ; Свеча лихолетья и др.

Леун, А. Свеча лихолетья ; У Вечного огня : стихи / А. Леун // Приамурье-2015 : альм. : лит.-художеств. изд. – Благовещенск : РИО, 2015. – № 13 (31). – С. 380–381.

Лященко, А. Подзатыльник в День Победы : воспоминания о воен. детстве / А. Лященко // Приамурье-2010 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск : РИО, 2010. – № 9 (27). – С. 103–115.

Михайлова, М. Амур за колючей проволокой. 1941–1945 / М. Михайлова // Приамурье-2015 : альм. : лит.-художеств. изд. – Благовещенск : РИО, 2015. – № 13 (31). – С. 352–353.

Михайлова, М. Ребята, не Москва ль за нами? : стихи / М. Михайлова // Благовещенск. – 2015. – 8 мая (№ 13). – С. 6.

Морозова, Э. Живой : стихи / Э. Морозова // Приамурье-2015 : альм. : лит.-художеств. изд. – Благовещенск : РИО, 2015. – № 13 (31). – С. 350–351.

Морозова, Э. Живой : стихи / Э. Морозова // Благовещенск. – 2015. – 16 окт. (№ 40). – С. 6.

Никиткин, П. Это было давно : рассказ / П. Никиткин // Приамурье-2015 : альм. : лит.-художеств. изд. – Благовещенск : РИО, 2015. – № 13 (31). – С. 78–89.

О, это славный День Победы! : [подборка стихов амур. поэтов о войне] // Благовещенск. – 2015. – 8 мая (№ 13). – С. 6.

Печинская, И. Ваш сын и брат... : очерк / И. Печинская // Приамурье-2010 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск : РИО, 2010. – № 9 (27). – С. 178–180.

Подарок победителям : [стихи из сб. стихов «Годы грозовые»] // Амур. дилижанс. – 2005. – 5 мая. – С. 2.

Поливан, Р. Сто страниц о войне : [о кн. «И Жизнь, и Память, и Любовь...»] / Р. Поливан // Благовещенск. – 2015. – 26 июня (№ 24). – С. 6.

Полтавцев, И. Дума ветерана ; Почтальон ; Сухари : стихи / И. Полтавцев // Годы грозовые : стихи к 60-летию Победы. – Благовещенск : Буквица, 2005. – С. 57–61.

Похалюк, О. Бессмертный полк ; Женская доля : стихи / О. Похалюк // Приамурье-2015 : альм. : лит.-художеств. изд. – Благовещенск : РИО, 2015. – № 13 (31). – С. 399–400.

Разгоняев, В. Дети Победы ; Песня про Ленинград ; Полуостров Ханко (Гангут) ; Антияпонский мемориальный комплекс : стихи / В. Разгоняев // Приамурье-2015 : альм. : лит.-художеств. изд. – Благовещенск : РИО, 2015. – № 13 (31). – С. 68–74.

Сахончик, С. Во второй батальон не прибыл : очерк / С. Сахончик // Приамурье-2010 : альм. : лит.-художеств. изд. – Благовещенск : РИО, 2010. – № 9 (27). – С. 49–57.

Сергеева, Т. Дважды без вести пропавший : очерк / Т. Сергеева // Приамурье-2010 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск : РИО, 2010. – № 9 (27). – С. 184–188.

Сонин, С. В книгу памяти : стихи / С. Сонин // Приамурье-2010 : лит. художеств. альм. – Благовещенск : РИО, 2010. – № 9 (27). – С. 169–171.

Соснина, Г. День Победы : стихи / Г. Соснина // Приамурье-2015 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск : РИО, 2015. – № 13 (31). – С. 401.

Соснина, Г. Операция на сердце : очерк / Г. Соснина // Приамурье-2015 : альм. : лит.-художеств. изд. – Благовещенск : РИО, 2015. – № 13 (31). – С. 402–403.

Старновская, Н. Ветеранская судьба : песня / Н. Старновская // Приамурье-2015 : альм. : лит.-художеств. изд. – Благовещенск : РИО, 2015. – № 13 (31). – С. 349.

Тарасова, Г. Тыловые будни : [из неопubl. кн. «Житейская мозаика»] / Г. Тарасова // Приамурье-2010 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск : РИО, 2010. – № 9 (27). – С. 80–102.

Телухова, В. Воскресенье – день базарный ; Коляска ; Ой, мамочка!.. : рассказы / В. Телухова // Приамурье-2015 : альм. : лит.-художеств. изд. – Благовещенск : РИО, 2015. – № 13 (31). – С. 53–65.

Фадеева, Н. Разговор воронов : стихи / Н. Фадеева // Благовещенск. – 2015. – 16 окт. (№ 40). – С. 6.

Филоненко, А. Лейтенант запаса : [очерк об отце-участнике Великой Отечественной войны] / А. Филоненко // Приамурье-2010 : лит. художеств. альм. – Благовещенск : РИО, 2010. – № 9 (27). – С. 35–43.

Фролов, Г. Рассказ штрафника ; Вдовья скорбь : рассказы / Г. Фролов // Приамурье-2015 : альм. : лит.-художеств. изд. – Благовещенск : РИО, 2015. – № 13 (31). – С. 50–52.

Цзюньшэн, Л. Вечным сном спят советские герои в китайской земле : рассказ / Л. Цзюньшэн // Наша победа : рассказы амур. и хэйлунцзян. авт. (на рус. и кит. яз.). – Благовещенск : Амур. обл. обществ. писат. орг., 2015. – С. 59–62.

Цуньин, Л. Битва за крепость Дуннин : рассказ / Л. Цуньин // Наша победа : рассказы амур. и хэйлунцзян. авторов (на рус. и кит. яз.). – Благовещенск : Амур. обл. обществ. писат. орг., 2015. – С. 59–62.

Чапковский, Ю. День Победы 9 мая 1945 года глазами ребёнка войны : стихи / Ю. Чапковский // Благовещенск. – 2015. – 16 окт. (№ 40). – С. 6.

Чапковский, Ю. Картина душу бережит... : стихи / Ю. Чапковский // Приамурье–2010 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск : РИО, 2010. – № 9 (27). – С. 116–119.

Черкесов, В. На могилу отца не приду... ; Память детства ; Поле Куликово ; Память ; У обелиска ; Медаль ; В подземном переходе ; Солдатка ; Пятидесятые : стихи / В. Черкесов // Годы грозные : стихи к 60-летию Победы. – Благовещенск : Буквица, 2005. – С. 68–72.

Черкесов, В. Память неостывшая моя : о С. Повном / В. Черкесов // Приамурье-2015 : альм. : лит.-художеств. изд. – Благовещенск : РИО, 2015. – № 13 (31). – С. 116–118.

Черкесов, В. Письмо в газету накануне Дня Победы ; Боцман ; Послевоенная соя ; Пятидесятые ; Половодье на Амуре ; Драники ; Он и она ; Без вести пропавший ; Ветеран. 9 мая ; Ветераны ; У Обелиска : стихи / В. Черкесов // Приамурье-2015 : альм. : лит.-художеств. изд. – Благовещенск : РИО, 2015. – № 13 (31). – С. 110–116.

Шумейко, Г. Пристанище веры последнее... : стихи / Г. Шумейко // Приамурье-2010 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск : РИО, 2010. – № 9 (27). – С. 44–48.

Янлен, Л. Нищий и ордена / Л. Янлен // Берега : [сб. стихов амур. И кит. авт. на рус. и кит. яз.]. – Благовещенск : Визави, 2014. – С. 124.

Янлен, Л. Следы на Красной площади ; Маленький памятник в Воронеже ; Нищий и ордена : стихи / Л. Янлен // Приамурье-2010 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск : РИО, 2010. – № 9 (27). – С. 192–195.

Отзывы. Мнения. Оценки

Блохин, Б. Взволнованный голос поэтов : [стихи воен. лет на стр. газ. «Амур. правда»] / Б. Блохин // Блокнот агитатора. – 1985. – № 5/6. – С. 22–25.

Блохин, Б. Поклонимся великими тем годам... : [стихи воен. лет на стр. газ. «Амур. правда»] / Б. Блохин // Краеведение Приамурья. – 2010. – № 2. – С. 33–40.

Величие подвига // Приамурье-2010 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск : РИО, 2010. – № 9 (27). – С. 5–6.

Воронов, К. Глазами двух народов : [о сб. «Наша победа»] / К. Воронов // Наша победа : рассказы амур. и хэйлунцзян. авторов (на рус. и кит. яз.). – Благовещенск : Амур. обл. обществ. писат. орг., 2015. – С. 5.

Вячеслав Афанасьев // Игнатенко, И. Неумолкающее эхо : амур. поэты о Великой Отечеств. войне : очерк / И. Игнатенко // Приамурье-2015 : альм. : лит.-художеств. изд. – Благовещенск : РИО, 2015. – № 13 (31). – С. 8–9.

Геннадий Кузьмин // Игнатенко, И. Неумолкающее эхо : амур. поэты о Великой Отечеств. войне : очерк / И. Игнатенко // Приамурье-2015 : альм. : лит.-художеств. изд. – Благовещенск : РИО, 2015. – № 13 (31). – С. 22–33.

Геннадий Хорошавцев // Игнатенко, И. Неумолкающее эхо : амур. поэты о Великой Отечеств. войне : очерк / И. Игнатенко // Приамурье-2015 : альм. : лит.-художеств. изд. – Благовещенск : РИО, 2015. – № 13 (31). – С. 29–30.

Григорий Шумейко ; Александр Бобошко ; Надежда Пузыревская ; Тамара Шульга ; Валерий Черкесов ; Евгений Замятин ; Владимир Гу-

зий // Игнатенко, И. Неумолкающее эхо : амур. поэты о Великой Оте-
честв. войне : очерк / И. Игнатенко // Приамурье-2015 : альм. : лит.-
художеств. изд. – Благовещенск : РИО, 2015. – № 13 (31). – С. 30–36 .

Дмитрий Цирулик // Игнатенко, И. Неумолкающее эхо : амур. поэты
о Великой Отечеств. войне : очерк / И. Игнатенко // Приамурье-2015 :
альм. : лит.-художеств. изд. – Благовещенск : РИО, 2015. – № 13 (31). –
С. 12–13.

Дьякова, Н. Своя война : [о Великой Отечеств. войне] / Н. Дьякова //
Годы грозные : стихи к 60-летию Победы. – Благовещенск : Буквица,
2005. – С. 3–4.

Коленкин, Г. Своя война : [о Великой Отечеств. войне] / Г. Колен-
кин // Годы грозные : стихи к 60-летию Победы. – Благовещенск : Бук-
вица, 2005. – С. 4–5.

Леонид Андреев // Игнатенко, И. Неумолкающее эхо : амур. поэты
о Великой Отечеств. войне : очерк / И. Игнатенко // Приамурье-2015 :
альм. : лит.-художеств. изд. – Благовещенск : РИО, 2015. – № 13 (31). –
С. 27–28.

Ли Яньлин // Игнатенко, И. Неумолкающее эхо : амур. поэты о Вели-
кой Отечеств. войне : очерк / И. Игнатенко // Приамурье-2015 : альм. :
лит.-художеств. изд. – Благовещенск : РИО, 2015. – № 13 (31). – С. 23–24.

Любовь Антонова // Игнатенко, И. Неумолкающее эхо : амур. поэты
о Великой Отечеств. войне : очерк / И. Игнатенко // Приамурье-2015 :
альм. : лит.-художеств. изд. – Благовещенск : РИО, 2015. – № 13 (31). –
С. 10–11.

Нехама Вайсман // Игнатенко, И. Неумолкающее эхо : амур. поэты
о Великой Отечеств. войне : очерк / И. Игнатенко // Приамурье-2015 :
альм. : лит.-художеств. изд. – Благовещенск : РИО, 2015. – № 13 (31). –
С. 14–15.

Олег Головкин // Игнатенко, И. Неумолкающее эхо : амур. поэты
о Великой Отечеств. войне : очерк / И. Игнатенко // Приамурье-2015 :
альм. : лит.-художеств. изд. – Благовещенск : РИО, 2015. – № 13 (31). –
С. 21–22.

Станислав Федотов ; Жанна Ржевская ; Игорь Файнфельд ; Виктор
Алюшин // Игнатенко, И. Неумолкающее эхо : амур. поэты о Великой
Отечеств. войне : очерк / И. Игнатенко // Приамурье-2015 : альм. : лит.-
художеств. изд. – Благовещенск : РИО, 2015. – № 13 (31). – С. 24–27.

Яньлин, Л. К читателю : [о сб. «Наша победа»] / Л. Яньлин // Наша
победа : рассказы амур. и хэйлунцзян. авт. (на рус. и кит. яз.). – Благо-
вещенск : Амур. обл. обществ. писат. орг., 2015. – С. 5–7.

Редакционно-издательский совет

Праскова О. С.

Гнускова М.И.

Кочнева Л. П.

Соломенник В.В.

Трофимова И. В.

Чеснокова М. К.

им. Н.Н. Муравьева-Амурского

Амурская областная научная библиотека
имени Н.Н. Муравьева-Амурского

Тел/факс: (4162)23-73-90

E-mail: aonb@tsl.ru
www.libamur.ru